

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 2 (844)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1930

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

2

ВЫПУСК 844

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

1930

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

2

Issue 844

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

доктор филологических наук профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АНАЛИЗ ДИСКУРСА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Зыкова И. В.

Лингвокреативная продуктивность терминов в кинодискурсе
и дискурсе детской литературы: сопоставительный аспект 11

Карданова-Бирюкова К. С.

Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект 24

Киосе М. И.

Техники конструирования участников и объектов
в гетеросемиотических единствах «текст + изображение» 35

Ржешевская А. А.

Оценка вариативности конструирования современного
драматургического дискурса 50

Антропова Е. В.

Жанровые особенности номинации в текстах антиутопии
(на материале русского и английского языков) 60

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Адамова З. Г.

Экспериментальное психолингвистическое исследование
ценности «вера» как индикатора духовности 72

Бубнова И. А.

«Ното soveticus»: специфика социального стереотипа в современном
русском обществе (на материале ассоциативного эксперимента) 85

Макки А.

Специфика содержания ценности «Famiglia» / «семья»
в итальянской картине мира 95

Пищальникова В. А.

Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование
личностной идентичности 105

Хлопова А. И.

Динамика содержания базовой ценности «Gesundheit» / «здоровье»
в немецкой лингвокультуре 118

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

- Афонина М. М.*
Категориальный аспект территориальной дифференциации
языковой картины мира (на примере франкоязычной Швейцарии
и франкоязычной Канады) 130
- Семина И. А.*
Об одном национальном концепте французской культуры
(на материале произведения Ромена Роллана «Кола Брюньон») 139

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

- Германова Н. Н.*
Синтетизм и аналитизм как характеристики языкового строя
в британских грамматиках XVIII века 149
- Костева В. М.*
Особенности академического дискурса
тоталитарных государств XX века 161
- Крючкова О. А.*
Личность М. Хайдеггера: язык и эпоха 172

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Альварес Солер А. А.*
Подражание индивидуальному стилю в художественном переводе 182
- Бонадык Н. А.*
Идиостиль Миядзава Кэндзи: лексические параметры
и трудности перевода 191
- Калинин А. Ю.*
Когнитивные и прагматические аспекты синхронного перевода
на иностранный язык 204

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Бондарев А. П.*
Не дать событию сбыться, или Синдром непрожитой жизни 218
- Фэн Юэ*
Фикциональная персонификация в русских и китайских
народных волшебных сказках 237

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Корнилова Е. Н., Гусейнова И. А.

Мифологические модели в медиадискурсе пандемии коронавируса
в России 250

Пищальникова В. А., Природина У. П.

Способы культурной символизации шведских именных глуттонимов
и глуттонимических эргонимов 268

Цюй Юнь

Способы репрезентации моральной ценности «добросовестность»
в китайской социальной рекламе как поликодовом тексте 277

CONTENTS

LINGUISTICS

DISCOURSE ANALYSIS: NEW APPROACHES

<i>Zykova I. V.</i> Linguocreative Productivity of Terms in the Cinematic Discourse and the Discourse of Children's Literature: a Comparative Aspect	11
<i>Kardanova-Biryukova K. S.</i> Communication as an Object of Interdisciplinary Research	24
<i>Kiose M. I.</i> Techniques of Participants' and Objects' Construal in Heterosemiotic Unities "Text + Image".....	35
<i>Rzheshevskaya A. A.</i> Variance Assessment in the Construal of Contemporary Drama Discourse	50
<i>Antropova E. V.</i> Genre Features of Nomination in Dystopias (an analysis of Russian and English texts)	60

PSYCHOLINGUISTICS: ASSOCIATIVE EXPERIMENT

<i>Adamova Z. G.</i> Experimental Psycholinguistic Study of the Value 'Faith' as an Indicator of Spirituality	72
<i>Bubnova I. A.</i> <i>Homo Sovieticus</i> : Specificity of the Social Stereotype in Modern Russian Society	85
<i>Macchi A.</i> The Specificity of the Value "Famiglia" / "Family" in the Italian Worldview	95
<i>Pishchalnikova V. A.</i> Associative Experiment and Psycholinguistic Research of Individual Identity	105
<i>Khlopova A. I.</i> Dynamics of Content of the Basic Value "Gesundheit" / "Health" in the German Linguoculture	118

LANGUAGE WORLDVIEW STUDIES

Afonina M. M.

Categorical Aspect of Territorial Differentiation of the Linguistic Worldview
(on the Example of French-Speaking Regions of Switzerland and Canada) ... 130

Semina I. A.

About one National Concept of French Culture
(based on the work of Romen Rollan's "Cola Brunion") 139

LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY

Guermanova N. N.

Synthetism and Analyticism as Characteristics of Language Structure
in 18th Century British Grammars 149

Kosteva V. M.

Features of the Academic Discourse of Totalitarian States
of the Twentieth Century 161

Kryuchkova O. A.

M. Heidegger: Language And Epoch 172

TRANSLATION STUDIES

Al'vares Soler A. A.

Imitation of Individual Style in Literary Translation 182

Bonadyk N. A.

Miyazawa Kenji's Personal Style:
Lexical Characteristics and Translation Challenges 191

Kalinin A. Yu.

Cognitive and Pragmatic Issues of Simultaneous Interpreting
into a "B" Language 204

LITERARY STUDIES

Bondarev A. P.

Do Not Let the Event Come True, or the Syndrome of an Unlived Life 218

Feng Yue

Fictional Personification in Russian and Chinese Folk Fairy Tales 237

CULTUROLOGY

<i>Kornilova E. N., Gusejnova I. A.</i> Mythological Models in the Media Discourse of the Coronavirus Pandemic in Russia	250
<i>Pishchalnikova V. A., Prirodina U. P.</i> Methods for Cultural Symbolization of Swedish Nominal Gluttonimes and Gluttonymic Ergonyms	268
<i>Qu Yun</i> Ways of Representation of the Moral Value “Integrity” in Chinese Social Advertising as a Multimodal Discourse	277

АНАЛИЗ ДИСКУРСА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 81'22

10.52070/2542-2197_2021_2_844_11

И. В. Зыкова

доктор филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания
Институт языкознания Российской академии наук
zykova_iv@mail.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ТЕРМИНОВ В КИНОДИСКУРСЕ И ДИСКУРСЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Статья содержит результаты исследования креативного потенциала терминологии, проведенного на материале двух разных типов дискурса – кинодискурса и дискурса детской литературы. Разработан алгоритм сопоставительного анализа лингвокреативной продуктивности терминов, применение которого позволило разграничить некреативное и креативное терминопотребление в кинофильмах и детских рассказах и установить одинаковый набор использованных в них лингвокреативных технологий.

Ключевые слова: лингвокреативность; термин; кинодискурс; дискурс детской литературы; лингвокреативная технология; креативное терминопотребление.

I. V. Zykova

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Leading Researcher at the Department of Theoretical Linguistics
The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
zykova_iv@mail.ru

LINGUOCREATIVE PRODUCTIVITY OF TERMS IN THE CINEMATIC DISCOURSE AND THE DISCOURSE OF CHILDREN'S LITERATURE: A COMPARATIVE ASPECT

The paper highlights the results of research into the creative potential of terminology in two different types of the discourse – the cinematic discourse and the discourse

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

of children's literature. An algorithm of comparative analysis of linguocreative productivity of terms is elaborated and applied to analyze non-creative and creative use of terms in films and stories for children, as well as to identify similar linguocreative technologies used in them.

Key words: linguistic creativity; term; cinematic discourse; discourse of children's literature; linguocreative technology; creative use of terms.

Введение

Креативное функционирование термина проявляется, как мы полагаем, в том, что он «начинает вести жизнь», отличающуюся от жизни в своей естественной среде обитания, а именно: а) в составе терминосистемы и б) в рамках профессионального или специализированного дискурса. Известно, что существование термина в составе терминосистемы подразумевает его однозначную принадлежность к специализированной области знания, конвенциональность и устойчивость, наличие закреплённой формы и семантики термина, одного определённого значения (дефинированность), определённого места в системе [Реформатский 1968; Лейчик 1986; Гринёв 1990; Новодранова 2003]. В составе профессионального дискурса проявляются расширенные возможности функционирования термина, например, его ориентирующая и инструментальные (а не только номинативные и дефинитивные) функции, динамика терминообразования и функционирования как отражение профессиональной деятельности говорящего, коммуникативные (а не только рационально-логические) функции, демонстрация в его семантике обыденного и эмпирического знания, при этом должны сохраняться комплексы норм, стереотипов мышления и профессионального поведения [Рябцева 2010; Голованова 2013; Ирисханова, Киосе 2016; Васильева 2019]. При использовании термина не в свойственной ему дискурсивной среде (например, в художественном дискурсе, в рекламном дискурсе и т. д.) нарушение этих норм может свидетельствовать о проявлении его лингвокреативного потенциала.

Цель настоящего исследования состоит в изучении специфики реализации креативного потенциала термина в двух разных типах дискурса – кинодискурсе и дискурсе детской литературы, – которая проявляется в соотношении выявленных случаев некреативного и креативного терминопотребления и в разнообразии применяемых в данных дискурсах лингвокреативных технологий.

Материал и алгоритм исследования

Для отбора исследовательского материала мы использовали следующие ключевые критерии: жанр и подтип кинодискурса и дискурса детской литературы, язык произведения, год выхода произведения и его возрастная классификация, а также объем сравниваемого языкового материала, определяемого количеством языковых знаков. В качестве оптимально соответствующих данным критериям были отобраны кинокомедии «Семь няnek» (Р. Быков, 1962) и «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» (Э. Климов, 1964) общим объемом 54 357 знаков и детские юмористические рассказы «Райкины пленники» (Ю. Сотник, 1956), «Разноцветная история» (В. Железников, 1960), «А Воробьев стекло не выбивал» (Ю. Яковлев, 1972), «Дым в рюкзаке» (В. Медведев, 1974) общим объемом 50 186¹. При оценке креативного функционирования терминов в исследуемых кинокомедиях и детских юмористических рассказах мы руководствовались рядом внесистемных (т. е. вне терминосистемы) и внедискурсивных (т. е. вне профессионального дискурса) возможностей использования терминов, которые они продемонстрировали и которые составили основные этапы изучения лингвокреативной продуктивности. К ним относятся:

1) диверсификация терминосфер (виды терминосистем и их количество);

2) глубина терминосферы (детализация терминосферы и количественная представленность в ней терминов, а также их сюжетно-композиционная релевантность);

3) (не)конвенциональное терминопотребление (использование терминов без и с трансформациями структурного, семантического и / или функционального плана).

Основные результаты исследования

Прежде всего, проведенное исследование позволяет констатировать большее число терминопотреблений в кинопроизведениях, чем в детских юмористических рассказах. Важно также отметить и большое разнообразие используемой терминологии в кинодискурсе по сравнению с дискурсом детской литературы, о котором

---

¹ Выражаю признательность ведущему научному сотруднику Марии Ивановне Киосе за предоставленный материал по дискурсу детской литературы.

свидетельствует соотношение единичных и повторяющихся случаев употребления терминов, ср.: 49% и 61%. Сводные данные анализа терминопотреблений в сопоставляемых дискурсах представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Соотношение терминопотреблений
в сопоставляемых кинокомедиях и детских юмористических рассказах**

Тип дискурса	Количество терминопотреблений	Количество терминов	Количество и соотношение повторов
Кинокомедии	1060	536	524 (49 %)
Юмористические рассказы	843	331	512 (61 %)

Сравнение полученной информации о диверсификации терминосфер указывает на то, что в исследуемых кинокомедиях используются термины из 21 терминосферы, в то время как в детских юмористических рассказах – из 18. В своем подавляющем большинстве данные терминосферы совпадают. Отметим среди них такие терминосферы, как «Военное дело» (например, *генерал, морская эскадра, легионер*), «Общество (социальные отношения и профессиональная деятельность)» (например, *колхоз, брать обязательства, шахтер, бригадир*), «Спорт» (например, *разряд, чемпион, вратарь*), «Искусство (музыка, кино, театр, фотография и др.)» (например, *киностудия, снимок, духовой оркестр*), «Право, юриспруденция и службы поддержания общественного порядка» (например, *преступление, соучастник заговора, милиция*), «Политика и государство» (например, *партия, комсомол, сенат*), «Медицина» (например, *травма, инфекция, жаропонижающее*) и «Воспитание и образование» (например, *дисциплина, школа, учитель, вожатый*). В отличие от дискурса детской литературы в анализируемых кинокомедиях отмечается также незначительное количество случаев использования терминов из терминосфер «Религия» (например, *религия, бог*), «Азартные игры» (например, *карты, подкидной дурак*) и «Космонавтика и астрономия» (например, *звезда, ракета, космос, планета*). Таким образом, сопоставление результатов анализа диверсификации терминосфер на отобранном исследовательском материале выявило незначительное расхождение между двумя

рассматриваемыми дискурсами, и потому оказывается малоинформативным с точки зрения оценки специфики реализации креативного потенциала терминологии в кинокомедиях и детских юмористических рассказах, что указывает на необходимость расширения полученных данных за счет анализа глубины терминосфер.

При исследовании глубины терминосфер было установлено, что в кинокомедиях наиболее репрезентативными по своему количественному составу и наиболее релевантными в раскрытии их сюжетного замысла являются терминосферы «Медицина», «Право, юриспруденция и службы поддержания общественного порядка», «Общество (социальные отношения и профессиональная деятельность)», «Искусство», «Воспитание и образование», «Кулинария» и «Спорт», в то время как в дискурсе детской литературы такими терминосферами являются «Медицина», «Одежда и ее производство», «Домоупроительство», «Кулинария», «Воспитание и образование», «Военное дело» и «Общество (социальные отношения и профессиональная деятельность)». Согласно полученным данным, преобладание терминологии определенной предметной области является значимым с лингвокреативной точки зрения показателем на уровне создания фикциональной реальности дискурса определенной прагматической направленности и жанровой специфики. Доминирующие терминосферы в анализируемых кинокомедиях и детских юмористических рассказах выступают одними из довольно эффективных средств в лингвокреативном моделировании фикционального события и метадискурса, под которым подразумевается «всё то, что касается “авторской интонации”, подбора слов, композиционной аранжировки передаваемой дискурсом информации, выделяемых смысловых доминант» [Беляевская 2014, с. 19], и прагматической задачей которого в данном случае является выражение категории комического. Выбор и использование определенных терминов из установленных доминирующих терминосфер в лингвокреативном моделировании рассматриваемых произведений позволяет в индивидуально-авторском, оригинальном художественном плане раскрыть их центральную проблематику. Так, в кинокомедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» посредством медицинской терминологии (например, *бациллоноситель, эпидемия, санчасть, инфекционное отделение*) раскрывается ряд ее ключевых и взаимосвязанных идей о социальной разобщенности (или искусственно создаваемой социальной дистанционности) и мере

социальной несвободы, свидетельствующих о «нездоровье» общества в 60-е годы XX века. Приводя в качестве аргумента необходимость защитить детей в пионерлагере от инфекции или «заразы извне», административный аппарат лагеря во главе с врачом налагает на них ряд строгих запретов, доводимых до абсурда. Происходит искусственное, навязанное администрацией и медицинскими работниками лагеря деление на «своих» (т. е. «лагерных», «изолированных», «контролируемых», а потому «здоровых») и «чужих», или «иных» (т. е. «нелагерных», «свободных», «неконтролируемых», а потому «заразных» и «представляющих социальную опасность»). Свидетельством такого деления является и фамилия главного киногероя Кости Иночкина. В качестве демонстрации приведем следующий контекст:

- (1) [Врач]: На том конце деревни, говорят, *кочлюш* был. Надо всячески оберегать наших от *контактов* (к/ф «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!»)

В итоге забота о состоянии здоровья детей является, по сути, мнимой, а жизнь в детском лагере подобна жизни в закрытом медицинском учреждении или в колонии строго режима, лишаящих малейшей свободы действий и инициативы, а также не допускающих открытых, свободных контактов с внешним миром.

Аналогично, в юмористическом рассказе «А Воробьев стекло не выбивал» с помощью военно-исторической и социолого-политической терминологии (например, *легионеры*, *римский цензор*, *сенат*) лингвокреативному моделированию подвергается глобальная проблема борьбы с социальной несправедливостью. Ключевое фикциональное событие данного произведения – разбитое стекло в кабинете директора – проецируется на гипотетические события Древнего Рима. В рассказе посредством использованных терминов устанавливается ассоциативная связь между (1) происшествием с разбитым стеклом в современном времени, незаслуженным обличением невинного школьника по фамилии Воробьев, безразличное (граничащее с преступным) отношение к свершившейся несправедливости со стороны общественного коллектива (директора, учителей, учеников, родителей) и наличием единственного равнодушного к правде свидетеля этой ситуации подростка Семенова, которому трудно сделать моральный выбор между разоблачением своего товарища, разбившим стекло, и справедливостью, и (2) более глобальными преступлениями

и несправедливым правосудием, имевшими место в истории. Выстроенная ассоциативная связь моделирует метадискурс автора таким образом, что позволяет благодаря выбранным терминоминациям и их креативному осмыслению в рамках данного произведения вскрыть историческую глубину центральной социальной проблемы в юмористической манере, доступной для юного читателя. В качестве примера приведем следующий контекст:

- 2) [Директор]: А *цензор* Марк Порций Катон Старший все речи в *сенате* начинал словами: «Карфаген должен быть *разрушен!*», но так и не дожил до того дня, когда римляне смели с лица земли этот прекрасный город. Кто же ты? – спросил директор моего школьного товарища Семина. Калигула или Марк Порций?

И мой друг, не моргнув глазом, ответил: – Марк Порций Катон Старший (*Ю. Яковлев. А Воробьев стекло не выбивал*).

Таким образом, изучение глубины терминосфер и оценка репрезентативности и релевантности терминов из терминосфер, доминирующих в двух изучаемых типах дискурса, позволяют установить специфику лингвокреативного моделирования фикциональной реальности произведения и метадискурса автора произведения, направленного на раскрытие определенных ключевых проблем в формате комедийного или юмористического жанра.

Проведенный анализ терминов, выявленных в кинокомедиях и детских юмористических рассказах, с точки зрения конвенциональности их употребления позволил выделить их конвенциональные и неконвенциональные употребления, и на их основе провести разграничение между их некреативным и креативным использованием.

Конвенциональным, а значит, *некреативным*, является такое терминопотребление, при котором термин сохраняет свою форму и значение, и служит, главным образом, целям передачи некой фактуальной информации в кинодискурсе и дискурсе детской литературы. В качестве примера некреативных терминопотреблений приведем следующие контексты:

- (3) В *личном деле* читал. Она... она ведь от меня в *роддоме* отказалась (к/ф «Семь нянек»).
- (4) Лёва и Боря должны были поехать за *профессором* и проводить его в *школу* (*Ю. Сотник. Райкины пленники*).

Здесь термины используются в основных терминологических значениях и не подвергаются семантическим или формально-семантическим модификациям.

Изучение *неконвенциональных* и, следовательно, *креативных* терминопотреблений подтверждает полученные ранее только на материале кинодискурса данные о том, что «термины могут служить триггерами лингвокреативного процесса» в дискурсах разных типов, в частности, в дискурсе детской литературы, а также данные о том, что, выступая в таком своем качестве, их лингвокреативная функция реализуется с помощью определенных лингвокреативных технологий (см. подробнее в [Зыкова 2021]). В ходе проведенного исследования нами был определен набор следующих основных лингвокреативных технологий, применяемых в изучаемых кинокомедиях и юмористических рассказах: тропеизация, фразеологизация, окказиональное (креативное) дефинирование, неологизация, креативный трансфер и поэтизация терминов, а также детерминологизация и активизация или развитие многозначности. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Лингвокреативная технология *тропеизации* представляет собой комплексный процесс образного осмысления термина, приводящий к развитию неконвенционального значения и формированию креативного тропа (креативной метафоры, креативного сравнения и т. п.) или сложной тропеической структуры, имеющей несколько тропеических проекций (основ). Сравним в качестве примера контексты, в которых образуются креативное сравнение (контекст 5) и креативная метафора (контекст 6):

- (5) Очень мне ваш завод... понравился. *Чисто, светло, как в планетарии* (к/ф «Семь нянек»).
- (6) Мама никогда не оставляет нас дома одних, потому что тогда я обязательно что-нибудь придумаю и сделаю Галя *соучастницей* (В. Железников. *Разноцветная история*).

В контексте (6) метафора «Галя – член преступной организации», основана на развитии у термина *соучастница* неконвенционального значения, противоречащего представлению о том, что такое преступление. В обоих контекстах применение данной лингвокреативной технологии производит комический эффект.

Под лингвокреативной технологией *окказионального дефинирования* имеется в виду специфический способ свободной

(упрощенной/усложненной) интерпретации термина героями произведения или его автором, в ходе которой он обретает новые, оригинальные смыслы, возможно, прямо противоположные его конвенциональному пониманию, или (существенно) искажающие его. Обратимся для демонстрации к следующим контекстам:

- (7) – И потом ... рестораны, некоторые западные фильмы, *инподром* – это не для подростка. – А что такое *инподром*? – Лошадиные бега. Но это не спорт, а так, нечистый азарт. Там играют на деньги. Ставят на лошадь рубль, а выигрывают десять или даже двадцать (к/ф *Семь нянек*).
- (8) Нас двое у родителей, я и моя сестра Галя, но мама говорит, что мы стоим добрых десяти. Мама никогда не оставляет нас дома одних, потому что тогда я обязательно что-нибудь придумаю и сделаю Галю соучастницей. Папа называет это *цепной реакцией* (*В. Железников. Разноцветная история*).

В контекстах (7) и (8) специфика окказионального дефинирования терминов *инподром* и *цепная реакция* состоит в симплификации и на ее основе искажении их значений, сопровождающихся наполнением их содержательного плана новыми субъективно-оценочными смыслами посредством использования разных принципов создания дефиниции: принципа «дробного» описания дефинируемого феномена с последующим приведением конкретного примера, иначе говоря, с последующей экземплификацией (контекст 7) и принципа первичной экземплификации дефинируемого феномена с последующей ссылкой на автора такого толкования термина (контекст 8). В приведенных контекстах креативное терминопотребление придает иронический или шуточный оттенок диалогической речи персонажей.

Отдельного внимания заслуживает и лингвокреативная технология *поэтизации терминов*, заключающаяся в использовании терминов для создания стихотворной рифмы. Случаями применения данной технологии являются следующие контексты из кинокомедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!»:

- (9) ДДТ¹ качаем чтоб / уничтожен был *микроб*!

---

¹ ДДТ – сокращенное название химического вещества, используемого для уничтожения насекомых – переносчиков заболеваний человека.

- (10) *Лагерь* наша большая семья. / Мы бодры, веселы. / Хорошо нам живется, друзья!
- (11) В соответствии с *распорядком* / Начинаем мы утро с *зарядки*.

Креативное терминопотребление в примерах (9, 10, 11) позволяет в нетрадиционной для них поэтической форме дать ироническую оценку тем реалиям, фактам или положению дел, на которые режиссер направляет с их помощью внимание кинозрителя.

Стоит также подробнее остановиться на такой лингвокреативной технологии, как *активизация*, или *развитие многозначности*, благодаря которой осуществляется игра со смыслами того или иного термина. Данную технологию целесообразно продемонстрировать на примере использования многозначного термина «шашка», основанное на игре с такими его значениями, как ‘точёный кружок для игры в шашки’ и ‘дымовая шашка – коробка, наполненная дымовой смесью (для создания дымовых завес, для окуливания растений)’ [Толковый словарь Ожегова URL] в следующем контексте:

- (12) – Хорошо, Мишка, – сказал я, – я согласен читать дым. Только давай не с помощью *шашек*, а с помощью папирос...
- Я думал, что от папирос будет мало дыма, и поэтому Мишка не сможет узнать мои мысли.
- Никаких папирос! Только *шашки*! – заорал Мишка.
- Как раз в это время из кустов неожиданно вышел папа. Он подозрительно осмотрел нас с ног до головы и спросил:
- Какие *шашки*?
- Ну, *шашки*! – сказал Мишка.
- Ах, *шашки*, – сказал папа. – Ну, *шашки* – это хорошо... – сказал папа, глядя на обложку Мишкиной книжки... И книжки – это хорошо... – добавил он. – И шахматы... тоже хорошо... А *шашки* у вас есть?
- Есть, – сказал Мишка, – в рюкзаке!
- Очень хорошо! – сказал папа (*В. Медведев. Дым в рюкзаке*).

В контексте (12) одновременная активация и интеракция двух разных значений термина «шашка» в одном сегменте дискурса передает комичность сложившейся ситуации.

Помимо неконвенциональных терминопотреблений, созданных посредством основных лингвокреативных технологий, были выявлены и единичные случаи применения других способов окказионального

использования терминов в анализируемых кинокомедиях и юмористических рассказах. Это окказиональные словообразовательные модификации (контекст 13), грамматические искажения (контекст 14) и фонологические ошибки (контекст 15):

- (13) Так, может, ему незаметно дать что-нибудь жаропонижающее?..
Аспиринчику, например?.. (В. Железников. Разноцветная история).
- (14) – Ты где был? – В *планетарию* ходил (к/ф «Семь няnek»).
- (15) – Захворал я.
– Захворал?! Когда же ты успел?
– *Хфлюс* у меня (там же).

Во всех приведенных выше контекстах наблюдается отступление от терминологической нормы, которое способствует достижению комического эффекта. Такого рода терминопотребление мы также относим к случаям креативного использования терминологии в двух исследуемых типах дискурса.

Кроме того, в ходе исследования было установлено, что одним из специфических способов реализации креативного потенциала терминологии, характерного для кинодискурса, является создание на базе термина кинематографического тропа. Один из примеров такого креативного терминопотребления – кинематографическая метафора «город – живое существо», источником которой в кинокомедии «Семь няnek» стал термин «выдох», входящий в состав медицинской терминологии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что параметр ввода термина в кинокомедию или юмористический рассказ, обусловленный стремлением к решению такой прагматической задачи, как выражение категории комического, обладает равноценной лингвокреативной значимостью в обоих исследуемых типах дискурса. И в кинодискурсе, и в дискурсе детской литературы лингвокреативное терминопотребление достигается в подавляющем большинстве случаев в результате изменения семантического и / или функционального плана терминов посредством разнообразных лингвокреативных технологий. В исследуемых кинокомедиях и детских юмористических рассказах отмечаются избирательный подход автора к отбору терминов и терминосфер и его метарефлексия, направленная на

креативную адаптацию терминологии к новой для нее художественной среде и новым коммуникативным условиям, что делает термины лингвокреативными средствами не научного, а художественного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляевская Е. Г. «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 17 (703). С. 15–23. [Beliaevskaya, E. G. (2014). “Sound” frames and analysis of narrative discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 17 (703), 15–23. (In Russ.)].
- Васильева Н. В. Об инструментальной функции термина (на материале ономастической терминологии) // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 458–464. [Vasilieva, N. V. (2019). On the instrumental function of the term (the case studies of onomastic terminology). *Cognitive studies of language*, XXXVIII, 458–464. (In Russ.)].
- Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс и жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 32–35. [Golovanova, E. I. (2013). Professional discourse, subdiscourse and genre of professional communication: the correlation of concepts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1 (292), 32–35. (In Russ.)].
- Гринёв С. В. Основы лексикографического описания терминосистем: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. [Grinev, S. V. (1990). *Osnovy leksikograficheskogo opisaniya terminosistem* (Fundamentals of lexicographic description of terminological systems): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Зыкова И. В. Термины как триггеры лингвистической креативности в комедийном кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 44. С. 242–250. [Zykova, I. V. (2021). Terms as triggers of linguistic creativity in comedy films. *Cognitive studies of language*, 44, 242–250. (In Russ.)].
- Ирисханова О. К., Киосе М. И. Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. М.: Культурная революция, 2016. С. 151–180. [Iriskhanova, O. K., Kiose, M. I. (2016). *Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov: metody, principy, tekhnologii*. Kollektivnaya monografiya (Technologies of transfer of interdisciplinary terms to linguistics). *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies* (pp. 151–180). Moscow: Cultural Revolution. (In Russ.)].

- Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. 1986. Вып. 5. С. 87–97. [Leychik, V. M. (1986). O jazykovom substrate termina (On the linguistic substratum of the term). *Issues of Linguistics*, 5, 87–97. (In Russ.)].
- Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. М. ; Рязань: Пресса, 2003. С. 150–155. [Novodranova, V. F. (2003). Problems of term formation in the cognitive-communicative aspect. *Lexicology. Terminology. Stylistics* (pp.150–155). Moscow; Ryazan: Pressa. (In Russ.)].
- Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1968. С. 103–125. [Reformatsky, A. A. (1968). Term as a member of the lexical system of the language. *Problems of structural linguistics* (pp. 103–125). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Рябцева Н. К. Метаязык речевого общения // Логический анализ языка: Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 374–389. [Riabtseva, N. K. (2010). The meta-language of speech communication. *Logical analysis of the language: Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures* (pp. 374–389). Moscow: Indrik. (In Russ.)].
- Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. 1949–1992. [Ozhegov, S. I. Shvedova, N. Yu. (ed.) (1949–1992). *Tolkovyj slovar' Ozhegova* (Ozhegov's Explanatory Dictionary). (In Russ.)]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/279074>.

К. С. Карданова-Бирюкова

кандидат филологических наук
доцент кафедры языкознания и переводоведения
Института иностранных языков Московского городского педагогического университета
kardanova81@yandex.ru

**КОММУНИКАЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОБЪЕКТ**

В науке наблюдается устойчивый интерес к феномену коммуникации. Ее феноменологическая сложность и необходимость комплексного исследования приводят к появлению разных исследовательских объектов. Учитываются такие свойства, как направленность, содержательность и знаковый характер коммуникации, но практически не исследуется ее сущностное свойство – континуальность. Автор предпринимает попытку конструирования междисциплинарного объекта – речевого события, проявляющего континуальность коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация; междисциплинарный исследовательский объект; речевое событие; принцип Ф. де Соссюра; континуальность коммуникации.

K. S. Kardanova-Biryukova

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies
The Institute of Foreign Languages Moscow City University
kardanova81@yandex.ru

COMMUNICATION AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

There has been a long-standing scientific interest in different aspects of communication. The complexity of communication and the need for its comprehensive research prompt scientists to construct different research objects. They consider such properties of communication as its directionality, meaningfulness and semiotic nature. Yet, continuity as the essential property of communication needs a more elaborate scientific consideration. The author attempts to construct an interdisciplinary object – speech event with a focus on continuity.

Key words: communication; interdisciplinary research object; speech event; F. de Saussure's principle; continuity of communication.

Введение

Коммуникация представляет собой организующее начало социума, определяющее динамику социальных отношений и бытия как индивида, так и всего коллектива, поэтому изучение этого феномена представляет интерес для представителей разных научных областей и осуществляется инструментами ряда наук. На протяжении

нескольких столетий коммуникация является одним из центральных исследовательских объектов философии (Ю. Хабермас, К.-О. Апель, Э. Кассирер, Л. Витгенштейн, М. Кастельс и др.), психологии (Т. Ньюкомб, Г. Малекке и др.), социологии (Н. Луман, Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд, Э. Кац, М. де Флёр и др.), лингвистики (В. фон Гумбольдт, Ч. Осгуд, Н. Хомский, Р. Якобсон, В. Матезиус, И.Э. Клюканов и др.), логики (Дж. Сёрль, Дж. Остин, П. Грайс, Дж. Лич, Т. ван Дейк и др.).

В первой половине XX в. в связи с проникновением технических средств связи в самые разные области жизни исследование коммуникации составило отдельную область в технических науках – математическую теорию связи (К. Шеннон, У. Уивер, Н. Винер, Дж. Гербнер, Р. Рид и др.). Даже поверхностный анализ работ, вышедших только за последние десять лет, демонстрирует регулярное обращение исследователей к проблематике коммуникативного взаимодействия, например: М. А. Осадчий (2012), К. В. Нилова (2015), И. А. Быков (2016), I. E. Klyukanov (2020), A. Meier, L. Reinecke (2020) и др.

На базе изучения коммуникации сформировались и некоторые междисциплинарные направления, например социолингвистика и психолингвистика. Фактически все центральные проблемы отечественного варианта психолингвистики связаны с анализом коммуникации: моделирование порождения и понимания речи, моделирование структур сознания как когнитивной основы речевой деятельности, теория речевого воздействия, онтогенез языковой способности и др.

Постоянный и устойчивый интерес к такому, казалось бы, изученному феномену связан с его структурной сложностью и детерминированным воздействием многочисленных разноприродных факторов. Основную задачу в исследовании коммуникативных процессов представители технических наук видят в выстраивании алгоритма передачи сообщения и измерении количества переданной информации; социология ориентирована на то, чтобы изучить влияние социальных структур на коммуникацию; инструментами психологии изучаются особенности реализации коммуникативных интенций говорящего в речевой деятельности и характер восприятия этих интенций слушающим; лингвистика устанавливает роль вербальной составляющей в интеракции, анализирует прагматические аспекты коммуникации, исследует факторы, определяющие степень соответствия между содержанием речевой деятельности говорящего и его понимания слушающим, и др. Конструирование исследовательского

объекта с применением метаязыка и инструментария разных научных направлений и специфика его устанавливаемых свойств связаны с актуализацией тех или иных параметров коммуникации: направленности и знакового характера коммуникативного взаимодействия, активности субъекта речевой деятельности, содержательных аспектов коммуникации и др.

Аспекты исследования коммуникативного процесса

Продемонстрируем возможности применения разных исследовательских инструментов в анализе коммуникации, задаваемых спецификой исследовательского объекта, на примере фрагмента взаимодействия в сфере политической коммуникации, представленного в общественно-политическом ток-шоу «К барьеру!» (Выпуск № 139. Борис Немцов vs Константин Затулин; в диалоге также участвуют один из секундантов – Александр Лебедев и ведущий Владимир Соловьев. Фрагмент второй схватки: с 30 мин. 01 сек. до 31 мин. 17 сек.).

Затулин: Дорогой депутат, не хочется мне вас в этом отношении как-то будучи членом одной корпорации, не хочется мне вас упрекать. Но вы, мне кажется...

Лебедев: Ну какой член одной корпорации?

Затулин: Ну не федеральной резервной, по крайней мере. Я имею в виду Государственную Думу, чтобы вы не запутались. Так вот, я вам хочу сказать, вы не переживайте на счет своего, дайте я отвечу, не переживайте на счет своей работы в Думе, вас там просто нет, вас там не видно. Вы туда не ходите.

Ведущий: У вас больше вопросов нет?

Лебедев: Есть, почему.

Ведущий: Тогда можно их задать уже.

Лебедев: Конечно.

Затулин: И если можно, про Украину.

Лебедев: Затулин любит приводить пример, что мы с Украиной братский народ, безусловно, это так и есть, тогда нас можно уподобить двум семьям, которые имеют между собой хорошие отношения и живущим на одной лестничной клетке. И вдруг я живу в одной семье, а в соседней – Затулин. Вдруг он начинает ко мне ходить, и говорить: «Слушай, старик, не так с женой спишь, не так детей воспитываешь, ешь не то». Я бы ему не только визу бы не дал, я бы его с лестницы спустил, откровенно говоря.

Ведущий: Есть проблема, Затулин был чемпионом в МГУ по самбо. Может не спуститься с лестницы.

Применение принципов моделирования коммуникации, разработанных в технических науках и модифицированных в гуманитарных, позволяет выделить в этом образце коммуникации следующие элементы:

- адресант и адресат сообщения (на разных этапах взаимодействия А. Лебедев, ведущий В. Соловьев и К. Затулин выступают в этих ролях);
- структурно-содержательная единица коммуникации: коммуникативный фрагмент состоит из 10 отдельных сообщений (= реплик);
- контекст: ситуация публичного официального общения, присутствие широкой аудитории;
- шумы: аплодирующая аудитория, накладывающиеся друг на друга реплики.

Дальнейший анализ на основе избранных принципов моделирования связан с изучением различных узлов фрагмента коммуникации и оценкой их значимости.

Цель *дискурсивного анализа* состоит в выявлении социального контекста, стоящего за устной/письменной речью, и его детерминирующей роли в структуре и содержании высказывания. Т. ван Дейк поясняет, что «дискурс в широком смысле есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте» [Дейк URL]. Исходя из этого, понимание текста возможно только тогда, когда имеется понимание ситуации. Таким образом, ситуационные модели выступают основой интерпретации текста, позволяют слушателю понимать имплицитные фрагменты текста за счет активации соответствующих участков модели. В анализируемом образце коммуникации ситуационные модели являются основой интерпретации спикерами адресованных друг другу реплик, что объясняет эпизодическое рассогласование коммуникативного взаимодействия. Аналогичным образом этот фрагмент коммуникации интерпретируется широкой аудиторией: устанавливаются связи между отдельными репликами, оценивается истинность/ложность высказываний участников дебатов [Дейк 1989].

Для анализа коммуникативного взаимодействия применяются термины «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика». Так, по определению В. Б. Кашкина, коммуникативная стратегия представляет собой «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных или невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» [Кашкин 2000, с. 14], а коммуникативная тактика – «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Клюев 2002, с. 21]. В представленном фрагменте политических дебатов участники используют кооперативную и конфликтную стратегии, стратегию самопрезентации, театральности и т. п., которые представлены рядом частных тактик. Для каждого типа дискурса разрабатываются свои перечни стратегий и тактик: в анализе нашего примера возможно применить перечень стратегий и тактик из работы: стратегия на повышение (тактика анализ – «плюс», тактика презентации, отвод критики), стратегия на понижение (тактика анализ – «минус», а также тактики обвинения, безличного обвинения, обличения, оскорбления, угрозы) и стратегия театральности (тактики побуждения, размежевания, обещания) [Михалева 2009].

Прагматический подход к анализу коммуникации (в частности политических дебатов) предполагает исследование характера и эффективности воздействия интенции говорящего на адресата сообщения и реализуется в различных теоретических концепциях. Так, в рамках теории речевых актов, разработанной логиками Дж. Остином и Дж. Серлем, возможна оценка иллокутивной силы реплик участников общения [Новое в зарубежной лингвистике 1986]. Так, реплика К. Затулина: *Так вот, я вам хочу сказать, вы не переживайте на счет своего, дайте я отвечу, не переживайте на счет своей работы в Думе, вас там просто нет, вас там не видно. Вы туда не ходите* – обладает значительной иллокутивной силой из-за крайне высокой степени агрессии и очевидно критических комментариев в адрес собеседника. Высокая иллокутивная сила высказываний К. Затулина косвенно подтверждается и итогами голосования, в котором он одержал победу с значительным перевесом.

Описание *речевого поведения* говорящего и слушающего возможно с опорой на исследовательскую схему, разработанную Т. Г. Винокур: для участников диалога «языковой отбор... в известной мере несвободен: он структурно, содержательно и экспрессивно определен составом

каждой предыдущей реплики» [Винокур 2009, с. 85]. Исследователь рассматривает сценарии речевого поведения говорящего и слушающего, наблюдаемые в разных коммуникативных ситуациях, предлагает интерпретации речевого поведения в зависимости от коммуникативного намерения говорящего, социального контекста речевого взаимодействия и других факторов. Предложенный алгоритм анализа универсален, если исследователь видит свою задачу в установлении особенностей структуры диалога, определяющих его цельность, поэтому представленный фрагмент политических дебатов может быть исследован с целью характера структурирования его цельности.

В гуманитарных науках, и особенно в лингвистике, такая множественность описаний естественна в силу сложности феномена исследования и необходимости изучения разных факторов, детерминирующих эту сложность. Это в полной мере касается научного осмысления феномена коммуникации.

Формирование междисциплинарного объекта для исследования коммуникации

В современной науке безусловно актуальны систематизация и осмысление опыта теоретического и эмпирического исследования коммуникации, формирование единой теоретической и методологической основы изучения коммуникации и анализ возможностей конструирования нового междисциплинарного объекта.

Так, во всех представленных и иных аспектах исследования коммуникации не учитывается ее сущностное свойство – смысловая *континуальность* (непрерывность, невозможность разделения на фрагменты без утраты цельности). Напротив, в ряде направлений целенаправленно конструируется дискретный исследовательский объект, что обусловлено структурными представлениями о лингвистическом объекте и применением формальных операций к его изучению.

Мы хотим акцентировать те аспекты коммуникации, которые определяют свойство ее континуальности, с последующим установлением структурного элемента коммуникации, детерминирующим континуальность. Очевидно, что в рамках представленных парадигм оно не может быть изучено, – необходим междисциплинарный исследовательский объект, свойства которого исследуются способами, интегрирующими достижения предшествующих исследований.

В случае с континуальностью эффективным представляется принцип отсеечения всего, что не является объектом исследования, введенным Ф. де Соссюром [Бугорская 2007, с. 327].

В силу специфики континуальности как свойства коммуникации и междисциплинарности формируемого для ее изучения объекта необходима методология, которая бы акцентировала эту специфичность и позволяла бы ее выявлять. Мы полагаем, что методологической основой в этом случае может стать теория аутопоэза [Maturana 1978; Maturana, Varela 1980], фундаментальные принципы которой – эволюционный характер и имманентная континуальность субъекта коммуникации и среды.

Как представляется, применение этой теории открывает новые перспективы изучения коммуникации, поскольку в фокусе исследования оказывается субъект социальной коммуникации, который обладает определенным набором адаптационных свойств, во многом детерминирующим характер общения.

Коммуниканты, оказывающиеся в однотипных ситуациях общения, в силу разных адаптационных свойств, присущих им как когнитивным системам, выделяют неодинаковый набор релевантных средовых факторов (ситуативных) и по-разному выстраивают их иерархию. Это определяет специфику их коммуникативного поведения. В этом аспекте коммуникация не исследовалась, хотя о важности ряда психологических свойств, актуализируемых в процессе общения, говорилось много [Леонтьев 1977; Леонтьев 2001] и др.

Междисциплинарный подход к исследованию требует и нового интерпретативного аппарата, позволяющего представлять факторы, приводящие к континуальности коммуникации. Так, термином, обладающим большей объяснительной силой по сравнению с «ситуацией общения», представляется «среда», под которой в теории аутопоэза в применении к коммуникации понимается область всех возможных взаимодействий субъекта коммуникации, которая определяется когнитивными свойствами этого субъекта.

Субъект коммуникации вступает в интеракцию с многокомпонентной средой. При этом другие люди представляют собой компоненты среды и могут занимать более значимое или менее значимое положение в ее иерархической структуре. Исходя из этого коммуникация социального субъекта состоит в *постоянной адаптации его к постоянно изменяющейся среде.*

Определяющим свойством субъекта коммуникативного взаимодействия является способность к самоорганизации. Поскольку самоорганизацию невозможно изучать инструментами лингвистики, это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать. Самоорганизация в такой модели может быть представлена так называемыми параметрами второго порядка: активностью, языковой способностью и структурностью (см. рис. 1).

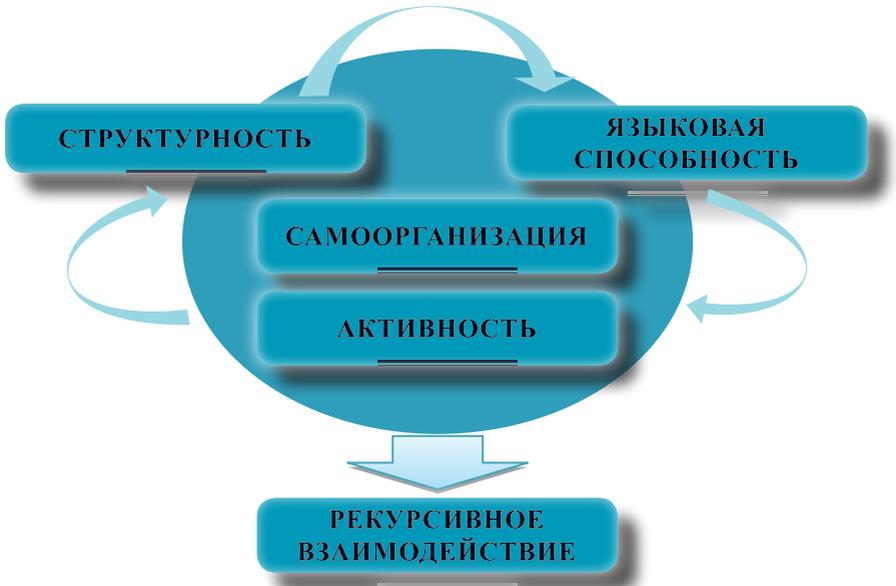

Рис. 1. Модель структуры субъекта коммуникации

Адаптационные возможности субъекта коммуникации определяются соотношениями свойств второго порядка. В ситуациях, когда языковая способность не достаточна для совершения ответного речевого действия, коммуникант может использовать свойство активности. Так, в общении на иностранном языке коммуникант, в неполной мере понимающий адресованные ему высказывания, задает вопросы, чтобы обеспечить взаимопонимание. Кроме того, в качестве адаптационного средства может быть использована структурность. Например, коммуникант, не способный в полной мере понять адресованные ему высказывания, ориентируется на свой прошлый опыт коммуникативного взаимодействия.

Эффективно выстроенная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде. В связи с этим релевантным представляется выделение двух типов систем: *нерезистивных*, способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и *резистивных*, обладающих недостаточно развитыми адаптационными свойствами.

Релевантным для исследования лингвистического объекта на основе методологии аутопоэза представляется введение понятия «рекурсивный шаг» как операциональной единицы интерпретации модели. *Рекурсивный шаг* – это эволюционное изменение в структуре системы, выводящее ее на новый уровень взаимодействия со средой. Характер и эффективность рекурсивного шага определяются прежде всего когнитивными свойствами субъекта коммуникации: структурностью (или актуальным соотношением компонентов когнитивной системы субъекта коммуникации), его активностью и языковой способностью и разной иерархизацией этих свойств.

Моделирование коммуникации как адаптивного процесса позволяет снять ряд ограничений, в частности, учесть континуальность коммуникации и построить принципиально динамическую модель.

Заключение

Всё сказанное позволяет представить модель коммуникации, в которой рекурсивный шаг инкорпорирует три этапа – иерархизацию средовых факторов; актуализацию фрагмента среды, который нарушил стабильность структуры субъекта; ликвидацию возникшего у субъекта дисбаланса за счет его реструктуризации (см. рис. 2).

Таким образом конструируется исследовательский объект – *речевое событие* как совокупность речевых действий, производимых в пределах одного акта коммуникации. Системообразующим принципом эволюции речевого события является рекурсивность, или повторяющийся характер взаимодействия субъекта коммуникации и среды, которые обладают пластичностью и адаптивностью. С этих позиций исследование коммуникации представляет собой моделирование структуры речевого события как рекурсивного взаимодействия субъекта коммуникации со средой, в ходе которого происходит их взаимная адаптация, и установление принципов эволюции этого речевого события.

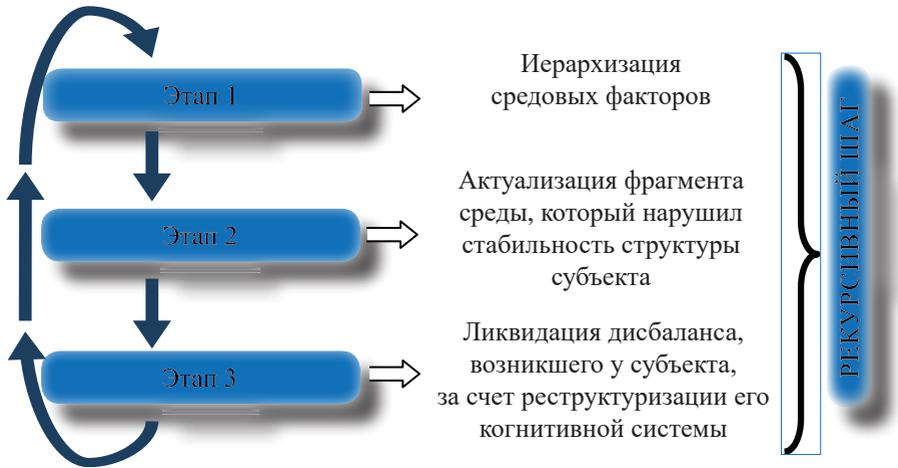

Рис. 2. Динамическая модель речевого события

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бугорская Н. В.* Проблема термина и терминологические проблемы: монография. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. [Bugorskaya, N. V. (2007). Problema termina i terminologicheskiye probleme (The problem of the term and terminological issues). Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta. (In Russ.)].
- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [Vinokur, T. G. (2009). Govoryashchij i slushayushchij: variant rechevogo povedeniya (Speaker and listener: variant of verbal behaviour). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)].
- Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. [Dijk, T. A. van (1989). Jazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Дейк Т. А. ван.* К определению дискурса. [Dijk, T. A. van. K opredeleniyu diskursa (Towards defining discourse). (In Russ.)]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
- Кашкин В. Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000. [Kashkin, V. B. (2000). Vvedeniye v teoriyu kommunikatsiyi (Introduction to communication theory). Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (In Russ.)].

- Клюев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. [Klyuev, E. V. (2002). *Rechevaya kommunikatsiya: uspechnost' rechevogo vzaimodejstviya* (Verbal communication: successful verbal interaction). Moscow: RIPOL KLASSIK. (In Russ.)].
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. [Leont'ev, A. N. (1977). *Dejatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* (Activity. Consciousness. Personality). Moscow: Politizdat. (In Russ.)].
- Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. [Leont'ev, A. A. (2001). *Dejatel'ny um* (Dejatel'nost'. Sign. Lichnost') (Active mind (Activity. Consciousness. Personality). Moscow: Smysl. (In Russ.)].
- Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: URSS, 2009. [Mikhalyova, O. L. (2009). *Politicheskij diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdejstviya* (Political discourse: specifics of manipulation). Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. [Novoye v zarubezhnoj lingvistike (1986). (New ideas in foreign linguistics). *Theory of speech acts, 17*. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Maturana H. R. *Biology of Language: The Epistemology of Reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg*. NY: Academic Press, 1978. P. 27–63.
- Maturana H. R., Varela, Fr. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living // Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 42. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. P. 5–58.

М. И. Киосе

доктор филологических наук, доцент
ведущий научный сотрудник
Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета
maria_kiose@mail.ru

**ТЕХНИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ И ОБЪЕКТОВ
В ГЕТЕРОСЕМИОТИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ
«ТЕКСТ + ИЗОБРАЖЕНИЕ»¹**

В работе исследуются особенности конструирования участников и объектов, представленных в тексте и изображении на титульных и нетитульных страницах книг. С помощью методов параметризации, аннотирования и статистического анализа устанавливается распределение активности параметров конструирования и выявляются отличительные характеристики их синхронизации. Сделан вывод о том, что изображение и текст по-разному конструируют участников и объекты события, демонстрируя комплементарность, а не дублирование.

Ключевые слова: гетеросемиотическое единство; конструирование; изображение; художественный текст.

М. I. Kiose

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Leading Researcher Scientist
Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies
Moscow State Linguistic University
maria_kiose@mail.ru

**TECHNIQUES OF PARTICIPANTS' AND OBJECTS' CONSTRUAL
IN HETEROSEMIOTIC UNITIES "TEXT + IMAGE"**

The study explores the participants' and objects' construal in Text and Image on the front and inner book pages. Parametrization, annotation and statistical analyses help reveal parametric variance in objects and participants' construal and synchronization techniques. The results show that Text and Image activate different construal patterns which complement each other rather than duplicate.

Key words: heterosemiotic unity; construal; image; literary text.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

Введение

В настоящей работе рассматривается проблема синхронизации текста и изображения в составе гетеросемиотического единства, при этом основной акцент сделан на распределение информации при репрезентации участников и объектов текста и изображения. В мультимодальной семиотике вопрос их параметрического описания получил достаточное освещение [O'Toole 1994; Jewitt et al. 2016], однако выявленные формально-семиотические особенности, такие как ориентировка в отношении других объектов пространства или сторон света, цвет, размер, степень детализации, не всегда могут быть применены для анализа текстовых референтов. В качестве методологического решения для изучения на единых основаниях объектов текста и изображения мы предлагаем воспользоваться анализом особенностей их конструирования, определяющего выбор тех или иных характеристик этих участников и объектов.

Как известно, вопросы конструирования референтов хорошо изучены в когнитивной семиотике [Merleau-Ponty 1962; Clark 2006; Danziger, Rumsey 2013; Sinha 2015] и когнитивной лингвистике [Рахилина 2010; Jackendoff 2002; Talmy 1996; Pustejovsky 1995; Sinha, Rodriguez 2008; Bergen 2015], например, в аспекте телесного / нетелесного конструирования и иерархизации референтов, выявления особенностей их концептуализации. При этом очевидно, что разработанные в когнитивной лингвистике типологии параметров описания референтов без изменений не могут быть применены для анализа других коммуникативно-семиотических систем. Однако на их основе с учетом особенностей передачи информации другой системой (в нашем случае, системой 2D-изображений) можно разработать комплекс параметров конструирования участников и объектов, который бы описывал возможности обеих систем, языковой и неязыковой, что мы и намереемся сделать в работе. Также мы верифицируем данный комплекс на примере гетеросемиотических единств текста и изображения на титульных и нетитульных страницах книг и установим особенности распределения конструируемой информации каждой из систем.

Методика и процедура анализа

Для проведения анализа разработана комплексная методика исследования, включающая:

- 1) параметризацию единств текста и изображения;
- 2) аннотирование образцов на предмет проявления их показателей;
- 3) установление активности отдельных параметров и подгрупп параметров;
- 4) инвентаризацию образцов с учетом характера активности параметров и их групп;
- 5) определение вариативности образцов в диапазоне их уникальности – типичности.

К анализу привлечены 100 образцов гетеросемиотических единств из печатных произведений художественной литературы, отобранных по принципу обеспечения максимальной диверсификации эпох создания, жанров, адресации (страницы из произведений: А. П. Чехова, Б. Акунина, И. Ильфа и Е. Петрова, С. Маршака, Н. В. Гоголя, А. Барто, Э. Тарле, Ж. Турлоннаса и др. с иллюстрациями Кукрыниксов, Л. Владимирского, В. Чижикова, Р. Богдановой, И. Олейникова, Аси Петровой, К. Болдта и др.).

Аннотирование проводилось с использованием корпус-менеджера UAM Image Tool, который разрешает уровневую разметку и позволяет получить данные по отдельным сегментам изображения и текста. Далее результаты были обработаны частично в самой программе UAM (для получения описательных результатов), в программе HETEROSTAT (для получения данных по сопряженности всех параметров) и в программе JAMOV1 (для проведения факторного анализа на предмет установления степени уникальности каждого образца). В настоящей работе мы рассмотрим параметры конструирования участников и объектов гетеросемиотического единства на предмет особенностей их репрезентации: 1) в тексте и изображении, 2) на титульных и нетитульных страницах.

Параметризация участников и объектов текста и изображения

Для составления списка параметров мы обратились к концепциям конструирования референтов, разработанным в когнитивной лингвистике и лингвосемиотике. Как известно, сама идея описания типов референтов сформировалась в рамках референциальной семантики и первоначально эксплуатировалась в синтаксической и лексической семантике в целях установления соответствий между

синтаксическими структурами и типами лексико-синтаксических значений их именных компонентов. В данных концепциях задача описания референта как компонента коммуникативного события не ставилась. Так, в концепции фета-ролей (тематических ролей) Р. Джекендоффа, развивающей теорию глубинных падежей Ч. Филлмора, в качестве ролей, описывающих референт, рассматриваются АГЕНС, ОБЪЕКТ-ТЕМА, ИСТОЧНИК, ЦЕЛЬ, МЕСТО (AGENT, THEME, SOURCE, GOAL, LOCAL). В предложениях *He put the books on the table* и *The books were put on the table* используются два разных падежа лексемы *books*, при этом в фокус референта выводится одна и та же его роль – служить объектом, который используется в реализации сценария действия [Jackendoff 1987]. Такая типология достаточна для разграничения формально-семантических ролей предложения (см. подробнее в [Bresnan, Lioba 1990; Dowty 1991]), однако для описания ролей референтов в структуре коммуникативного события она не может быть использована, так как невозможно в изображении или тексте назначить участнику или объекту только одну определенную функциональную роль. В модели семантического синтеза А. К. Жолковского и И. А. Мельчука для классификации имен предлагаются следующие компоненты:

- S_i – название участника ситуации,
- S_{in_str} – название инструмента ситуации,
- S_{loc} – название места ситуации,
- S_{mod} – название способа действия,
- S_{res} – название результата,

Figur – образное обозначение ситуации, однако и это разграничение подчинено цели описания поверхностных синтаксических отношений предложения-высказывания (см. подробнее, например, в концепции референциального статуса [Падучева 1985] и концепции семантических валентностей [Апресян 1995]), а не самого коммуникативного события или ситуации.

Вариативность роли референта в структуре коммуникативного события исследуется в когнитивной семантике. В большинстве случаев при этом используются термины логики ментальных пространств и образ-схем [Langacker 2005; Grady 2005], однако в некоторых концепциях сохранена «семиотическая логика» трехкомпонентного представления знака как интегрирующего его формальную репрезентацию,

значение и образ референта. Данный подход представлен, прежде всего, в концепции квалиа-ролей (ролей-качеств) Дж. Пустейовски, которая является составляющей его теории генеративного лексикона. Согласно данной концепции, выделяются четыре роли объектов:

- 1) конститутивная, описывающая объект и его части, строение, материал, вес;
- 2) ориентационная, представляющая объект в аспекте его ориентации в пространстве;
- 3) функциональная, определяющая цель или функции объекта;
- 4) генеративная, предоставляющая информацию об источниках появления или создания объекта.

Любой объект описывается в четырех аспектах (ways of seeing, WOS):

- конститутивном (Part-whole WOS),
- ориентационном (Kind WOS),
- функциональном (Functional WOS)
- генеративном (Life-history WOS) [Pustejovsky 1995].

Таким образом, в дискурсе, например, выражение *expensive hotel* может означать результат конструирования объекта, дорогого, с точки зрения покупки (Kind WOS), проживания (Functional WOS), постройки (Life-history WOS). Отметим, что данная концепция в силу того, что она имеет не только когнитивные и лингвосемантические основания, но и основания семиотические, получила широкий резонанс в когнитивной лингвистике и семиотике (см., например, среди многих [Steen 2002; Konderak 2016]).

При выборе параметров мы учитывали только те из них, которые могут иметь значимые для воспринимающего человека семантические показатели в тексте и изображении, например, способность референта совершать действие, его одушевленность и неодушевленность. Поэтому мы в большей степени ориентировались на когнитивные концепции выдвигания в отношении референтов [Wårwik 2002; Ирисханова 2015], в которых эти параметры эксплицированы, хотя и не представлены системно. В ходе предварительного анализа сформированного подкорпуса из 100 единств текста и изображения был составлен список параметров, который и использовался впоследствии при проведении аннотирования (см. в табл. 1).

**Параметры оценки участников и объектов текста
и изображения**

Группы параметров	Параметры	Коды
Функциональный аспект: агентивность	Наличие агентивных участников	101
	Наличие реципиента/объекта действия	102
	Наличие инструмента действия	103
	Наличие пациенса	104
Ориентационный аспект: количественность	Изображение единичного участника/ объекта	105
	Наличие двух (сориентированных) участников/объектов	106
	Наличие трех и более (сориентирован- ных) участников/объектов	107
Конститутивный аспект: референциальная отнесенность	Наличие участника-человека	108
	Наличие одушевленного участника (животное), в том числе «оживленного»	109
	Наличие живого объекта (живая природа)	110
	Референтный (телесный) участник/ объект	111
	Абстрактный объект	112
Конститутивный аспект: референциальная целостность	Целый объект/участник	113
	Часть тела участника или фрагмент объекта в фокусе	114
	Лицо человека/морда животного в фокусе	115
	Эмоции человека/животного в фокусе	116
Генеративный аспект: персонализированность	Наличие автора/говорящего (представ- ляющего свою позицию)	117
	Наличие адресата (в том числе читателя)	118
	Неперсонализированный (не автор и не адресат) объект/участник	119

Данные параметры описывают конститутивный, ориентационный, функциональный и генеративный аспекты конструирования, при этом порядок представления этих аспектов был изменен в соответствии с их ранжированной значимостью для конструирования. На первый план вынесен функциональный аспект, представленный параметрами агентивности. Далее в параметрах количественности (количественный состав сориентированных фрагментов или целых объектов / участников в составе комплекса) оценивается ориентационный аспект. В параметрах референциальной отнесенности и референциальной целостности оценивается конститутивный аспект конструирования. Генеративный аспект анализируется в параметрах персонализированности, позволяющих установить роль автора и потенциального читателя в «создании» участника или объекта. При оценке каждой из подгрупп параметров учитывались показатели каждого параметра, которому для последующей статистической обработки были присвоены кодовые обозначения.

Аннотирование текста и изображения

Как мы указали выше, аннотирование образцов проходило в корпус-менеджере UAM Image Tool, применена процедура аннотирования компонентов изображения. Система позволяет выделить нужный фрагмент изображения или текста и присвоить ему набор кодов, при этом необходимо осуществить выбор только одного из параметров каждой группы. Участники и объекты были аннотированы по одним и тем же параметрам отдельно в тексте и изображении.

На рисунке 1 приведена структура уровня PARTICIPANTS (Участники и объекты), а также фрагмент корпус-менеджера, в котором представлены все аннотируемые слои гетеросемиотических единств (Текст + Изображение с указанием номера) и результаты аннотирования уровней (помимо PARTICIPANTS анализировались и другие уровни).

Рассмотрим пример аннотирования. В приведенном изображении (см. рис. 2а) представлено 9 основных участников и объектов. Одному из аннотируемых объектов (люстра, изображена в центре верхней части страницы) присвоен следующий набор кодов: 104, 107, 111, 113, 119. Этот объект не совершает действие (пациенс), он состоит из трех ясно различимых компонентов (отличающихся размером, отстоящим

друг от друга), отличается референтным характером, изображен целиком, не репрезентирует автора или читателя.

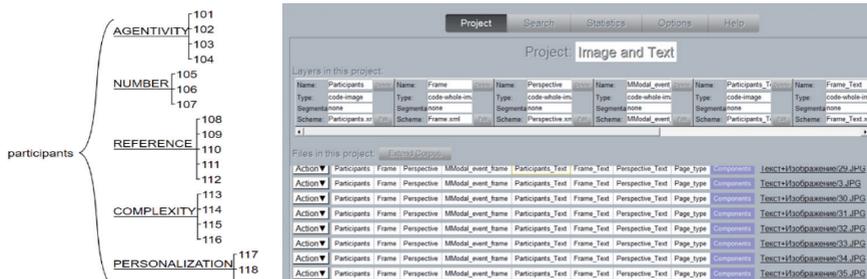

Рис. 1. Структура уровня аннотирования PARTICIPANTS и фрагмент аннотированного корпус-менеджера

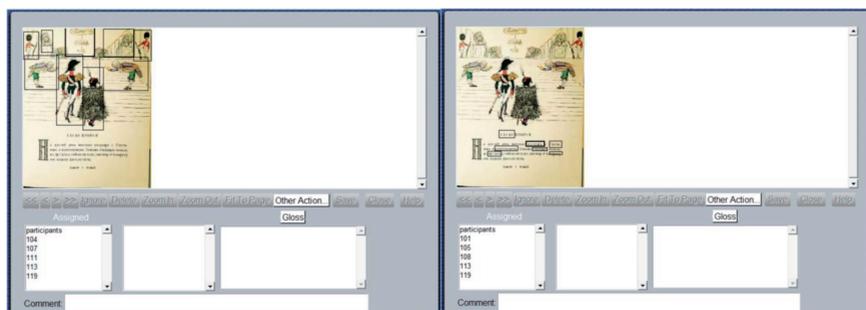

Рис. 2. 2а – образец аннотирования изображения, 2б – образец аннотирования текста

В приведенном тексте (аннотируемом на рис. 2б) представлено 7 объектов и участников в *Глава вторая. На другой день поехали государь с Платоновым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухместную (Н. Лесков «Левша», иллюстрации Кукрыниксов)*. Аннотируемому участнику (*государь*) присвоены следующие коды: 101, 105, 108, 113, 119. Как мы видим, в тексте субъект *государь* используется с акциональным предикатом *поехали*, что обуславливает акциональный характер и самого участника. Это единичный участник-человек, он представлен целиком и неперсонализированным.

В итоге каждый из образцов получил свой набор кодов; количество кодов в образцах было различным, так как различалось количество участников и объектов в каждом образце. Для установления в изображении и тексте и в титульных и нетитульных слайдах а) активности (частоты) проявления параметров, б) сопряженности параметров использовалась программа HETEROSTAT¹, окно которой с загруженными для обработки кодами представлено на рисунке 3.

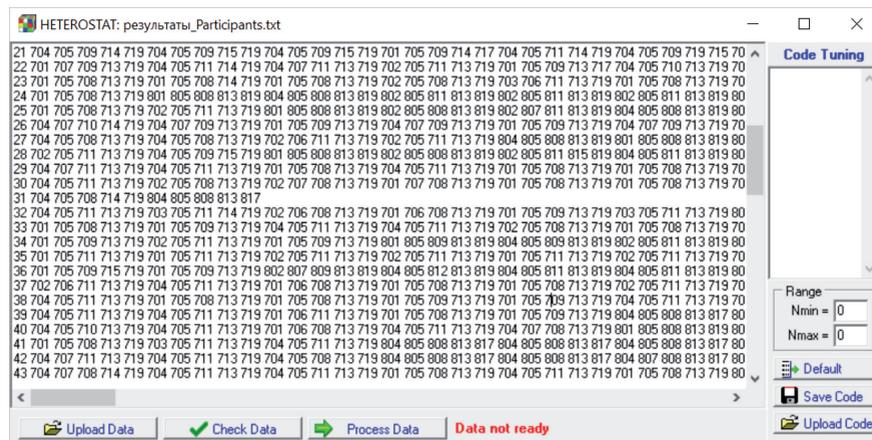

Рис. 3. Обработка данных в программе HETEROSTAT

Для обеспечения возможности одновременной обработки параметров текста и изображения (что позволит увидеть особенности их синхронизации), а также для интеграции данного уровня в систему других уровней аннотирования, для автоматического расчета в отношении текста и изображения были использованы коды, начинающиеся с 7 и 8. Титульные и нетитульные образцы были аннотированы вместе, однако в ходе дальнейшей статистической обработки были установлены специфические особенности конструирования участников и объектов единств разного типа.

¹ Киосе М. И., Ефремов А. А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчета параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240. 2020.

Полученные данные и результаты обработки

Приведем результаты обработки данных по участникам и объектам в тексте и изображении. На рисунке 4 даны результаты относительной активности параметров в целом. В ста образцах изображений обнаружено 603 участника/объекта, а в текстовых единствах – 883 участника/объекта. Активность параметров в изображении составила 3 345 единиц, активность параметров в тексте составила 4 329 единиц; относительная активность была рассчитана, исходя из общей активности каждой коммуникативной системы.

Активность параметров изображения и текста

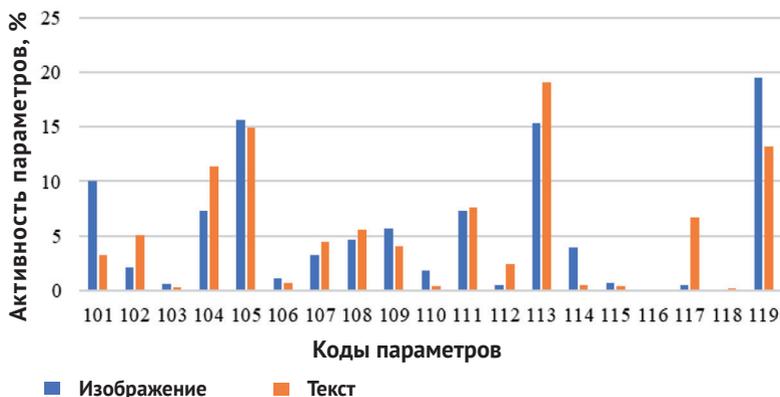

Рис. 4. Диаграмма относительной активности параметров конструирования участников и объектов в изображении и тексте

Контрастивный анализ показывает, что наибольшие различия наблюдаются в выборе параметров 101, 102, 104, 110, 112, 113, 114, 117, 119. Среди параметров с наибольшей относительной активностью в изображении оказались: в подгруппе агентивности – наличие агентивных участников, в подгруппе референциальной отнесенности – наличие живого объекта, в подгруппе целостности – изображение части тела участника или фрагмента объекта, в подгруппе персонализированности – отсутствие автора или читателя. Среди параметров с наибольшей относительной активностью в тексте оказались: в подгруппе агентивности – наличие реципиента и пациента, в подгруппе референциальной отнесенности – наличие абстрактного

объекта, в подгруппе целостности – наличие целого участника, в подгруппе персонализированности – наличие автора. Обнаружение таких данных свидетельствует о том, что наблюдается очевидное перераспределение информационной нагрузки параметров конструирования в изображении и тексте. Во-первых, текст оказался наиболее репрезентативен в плане количества представленных участников и объектов. Во-вторых, если текст в большей степени ориентирован на демонстрацию пациентов (т.е. скорее обстановки события), то изображение сфокусировано на агентивных участниках (основных действующих лицах события). В-третьих, если текст не детализирует объект или участника, «называя его целиком», то изображение позволяет привлечь внимание к тем или иным сторонам объекта. В-четвертых, текст более персонализирован, чем изображение, он включает более эксплицитированные отсылки к автору и его позиции в отношении события; изображение в этом плане более сдержанно.

Анализ сопряженности параметров позволяет установить, *во-первых*, совместную активность параметров изображения и текста, *во-вторых*, совместную активность параметров разных подгрупп.

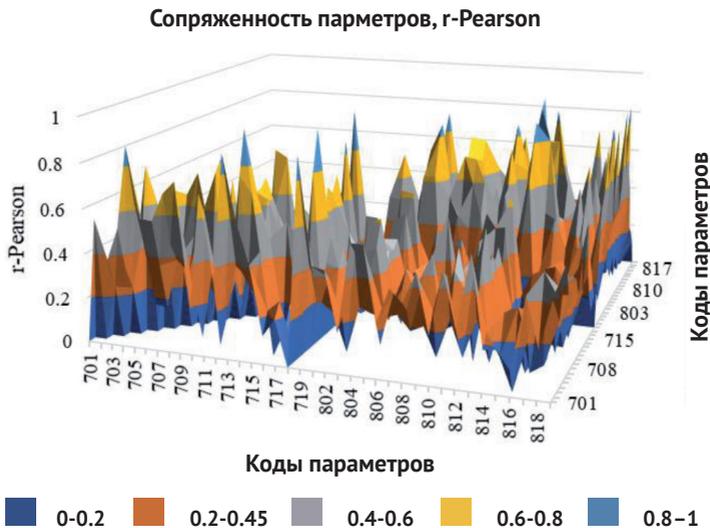

Рис. 5. Сопряженность параметров конструирования участников и объектов

Рисунок 5 демонстрирует коэффициенты сопряженности r -Pearson параметров, которые оказались достаточно высокими, учитывая, что критическое значение r -Pearson для данной выборки 0,29 для $p = 0,01$.

Рассмотрим особенности сопряженности параметров изображения и текста, т. е. параметров с кодами, начинающимися с 7 и с 8. Таких корреляционных пар с коэффициентами выше критических оказалось 131. При этом не было обнаружено резонансно высоких показателей сопряженности, самые высокие показатели составили 0,64. Данное положение свидетельствует в пользу высокой вариативности паттернов конструирования участников и объектов, повторяемости этих паттернов и отсутствии преобладающих паттернов.

В отношении сопряженности параметров разных подгрупп в одной коммуникативной системе ситуация оказалась иная. При сходном общем высоком уровне сопряженности разных параметров наблюдаются очень высокие показатели, например, у параметров изображения 20 показателей превышают 0,7; среди них – сопряженность параметров «наличие целого объекта» и «наличие единичного объекта» (r -Pearson 0,95), «наличие единичного объекта» и «неперсонализированный объект/участник» (0,97), «наличие целого объекта» и «неперсонализированный объект/участник» (0,97). У параметров текста 25 показателей оказались выше 0,7; среди них также (как и в изображении) оказался показатель сопряженности параметров «наличие целого объекта» и «наличие единичного объекта» (0,97), «целый объект/участник» и «наличие пациента» (0,93); остальные показатели не превышают 0,88. Среди них – сопряженность параметров «наличие единичного участника/объекта» и «наличие пациента» (0,88), «наличие целого объекта» и «неперсонализированный объект/участник» (0,88), «целый объект/участник» и «наличие реципиента/объекта действия» (0,89). Полученные результаты свидетельствуют о том, что параметры «работают» довольно устойчивыми парами и группами, и большее количество устойчивых групп обнаруживается в тексте, в то же время большая устойчивость групп проявляется в изображении.

Кратко остановимся на различиях, обнаруженных при контрастивном анализе особенностей конструирования участников и объектов на титульных и нетитульных страницах. Для установления степени вариативности конструирования был проведен факторный

анализ (анализ основных компонентов) в программе JAMOV1¹ с учетом показателей параметров отдельно титульных и нетитульных страниц. Диапазон показателей уникальности (оригинальности) рассматриваемых титульных образцов составил 0,06 – 0,307, а нетитульных – 0,054 – 0,808, при этом среди нетитульных образцов достаточно много тех, которые демонстрируют высокие показатели уникальности (19 образцов с индексом уникальности выше 0,3). Таким образом, вариативность конструирования участников и объектов на нетитульных страницах значительно выше, чем в титульных.

Заключение

В проведенном исследовании решалось одновременно несколько задач, а именно – разработка методики оценки особенностей конструирования объектов и участников гетерогенных систем (зд. систем текста и изображения); верификация методики на материале диверсифицированного материала; установление особенностей конструирования объектов и участников на титульных и нетитульных страницах. С привлечением концепций когнитивной лингвистики и семиотики предложена система параметров оценки конструирования, применимая для анализа коммуникативных систем текста и изображения. Проведенное аннотирование 100 титульных и нетитульных страниц печатных книг, включающих компоненты текста и изображения, и последующий статистический анализ (описательный анализ, анализ корреляций и факторный анализ) показали, что существует ряд специфических закономерностей конструирования систем в аспектах количества представленных участников и объектов, их агентивности, степени их детализации и персонализации. Также установлено, что различается степень вариативности образцов конструирования каждой из систем и отдельно титульных и нетитульных страниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1995. [Apresyan, Yu. D. (1995). *Leksicheskaia semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* (Lexical semantics (synonymic means of language)). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (in Russ.)].

¹ URL: <https://www.jamovi.org>.

- Ирискханова О. К.* Реификация как свойство познания и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2015. Т. 23. С. 216–226. [Iriskhanova, O. K. (2015). Reifikatsia kak svoistvo poznanii i kommunikatsii (Reification in cognition and communication). *Cognitive studies of language*, 23, 216–226. (in Russ.)].
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. [Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'u* (Utterance and its relations with reality). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. 2-е изд. М.: Азбуковник, 2010. [Rahilina, E. V. (2010). *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaimost'* (Cognitive analysis of object names: semantics and valency). 2nd ed. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].
- Bergen B.* Embodiment // *Handbook of Cognitive Linguistics* / E. Dabrowska, D. Divjak (Eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2015, P. 10–30.
- Bresnan J., Lioba M.* Object asymmetries in comparative Bantu syntax // *Linguistic Inquiry*. 1990. # 21. P. 147–185.
- Clark A.* Language, embodiment and the cognitive niche // *TRENDS in Cognitive Sciences*. 2006. # 10. P. 370–374.
- Danziger E., Rumsey A.* (Eds). Intersubjectivity across Languages and Cultures. Special issue of *Language and Communication*. Amsterdam: Elsevier, 2013.
- Dowty D.* Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. # 67. P. 547–619.
- Grady J. E.* Image schemas and perception: Refining a definition. In: *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 35–56.
- Jackendoff R.* The status of thematic relations in linguistic theory // *Linguistic Inquiry*. 1987. # 18. P. 369–412.
- Jackendoff R.* *Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Jewitt C., O'Halloran K., Bezemer J.* *Introducing Multimodality*. London: Routledge, 2016.
- Konderak P.* Between language and consciousness: Linguistic qualia, awareness, and cognitive models // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2016. # 48 (61). P. 285–302.
- Langacker R. W.* *Dynamicity, fictivity, and scanning. The imaginative basis of logic and linguistic meaning* // *Grounding cognition. The role of perception and action in memory, language and thinking*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 164–197.

- Merleau-Ponty M.* The Phenomenology of Perception. London: Routledge & Kegan Paul, 1962.
- O'Toole M.* The Language of Displayed Art. London: Leicester University Press, 1994.
- Pustejovsky J.* The Generative Lexicon. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995.
- Sinha C., Rodríguez C.* Language and the signifying object // J. Zlatev, T. Racine, C. Sinha and E. Itkonen (Eds.) The Shared Mind: Perspectives on Intersubjectivity. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 358–378.
- Sinha C.* Language and other artifacts: Socio-cultural dynamics of niche construction // *Frontiers in Psychology*. 2015. # 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.01601/full> (accessed 12.01.2021).
- Steen G.* Metaphor identification: A cognitive approach // *Style*. 2002. # 36 (3). P. 386–407.
- Talmy L.* Fictive motion in language and caption // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel, and M. Garrett (Eds.) *Language and Space*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. P. 211–276.
- Wårwik B.* What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding // T. Virtanen (Ed.) *Approaches to Cognition through Text and Discourse*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 99–122.

А. А. Ржешевская

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков и перевода
Института международных образовательных программ
Московского государственного лингвистического университета
arlen_nastya@rambler.ru

**ОЦЕНКА ВАРИАТИВНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹**

В работе проводится исследование особенностей индивидуально-авторского конструирования образа объекта или события в гетерогенном тексте на примере современного драматургического дискурса. Демонстрируются методика и результаты анализа вариативности конструирования драматургического дискурса. Исследование проведено с применением методов параметрического и векторного анализа с учетом гетерогенного характера дискурса, интегрирующего два субдискурса: дискурс автора и дискурс персонажей.

Ключевые слова: фокусирование; конструирование; параметризация; драматургический дискурс; дискурс автора; дискурс персонажей; профили дискурсов.

A. A. Rzhesheskaya

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Translation
The Institute of International Educational Programmes
Moscow State Linguistic University
arlen_nastya@rambler.ru

**VARIANCE ASSESSMENT IN THE CONSTRUAL
OF CONTEMPORARY DRAMA DISCOURSE**

The present paper analyzes the variety of means authors choose to construct an event in texts of contemporary drama, and attempts to identify the distinctive features of this type of discourse. The article illustrates the methodology of the variance analysis in the construal of drama discourse and provides the results of the undertaken analysis. The study relies on the methods of parametric and vector analyses with regard to the heterogenic nature of drama discourse that integrates two subdiscourses, namely, the discourse of the author and the discourse of the characters.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

Key words: focusing; construal; parametric analysis; the discourse of drama; author discourse; characters discourse; discourse profiles.

Введение

Исследование вариативности индивидуально-авторского конструирования дискурса и установление границ этой вариативности в последние годы становится центральной темой многих когнитивно-дискурсивных исследований: Verhagen (2007), Glynn (2010), Vandelanotte, Dancygier (2017), Зыкова, Киосе (2020). Одним из методологических решений данного вопроса может стать привлечение механизмов дискурсивного конструирования и анализ их показателей при определении различий. В настоящей работе вариативность дискурсивного конструирования рассматривается на примере показателей механизма фокусирования как выделения одних признаков объекта или ситуации на фоне других, при этом в нашем случае эта вариативность обусловлена индивидуально-авторскими особенностями конструирования гетерогенного дискурса, или дискурса, в конструировании которого участвуют несколько типов дискурса или субдискурса [Ирисханова 2014; Киосе 2019; Langacker 2000; Talmy 2000]. Таким примером гетерогенного дискурса является дискурс драмы, интегрирующий дискурсы (субдискурсы) автора и персонажей. Установление вариативности индивидуально-авторского конструирования целесообразно осуществлять с использованием методик параметризации, аннотирования и статистического анализа, так как полученные данные позволяют проводить контрастивный анализ дискурсов и определять значимые отклонения в их конструировании.

Процедура и инструменты исследования

Материалом данного исследования послужили фрагменты из таких пьес современных российских драматургов как «Воспоминание» А. Н. Арбузова (число знаков с пробелами составило 6 362), «Квартирант» А. В. Вампилова (число знаков с пробелами 4 244), «Мать Иисуса» А. М. Володина (число знаков с пробелами 1 876), «Уроки музыки» Л. С. Петрушевской (число знаков с пробелами 5 322), «Биография» Л. Н. Разумовской (4 027), «В день свадьбы» В. С. Розова (5 683), «Ремонт» М. М. Рощина (7 685), «Картина» В. И. Славкина (2 321), «Свет, который в тебе» А. И. Солженицына (3 870), «Анна Ивановна» В. Т. Шаламова (2 854). Общий объем знаков с пробелами исследуемого

материала составил 44 244. Проанализированные фрагменты драматургических произведений представляют собой реализацию законченной в коммуникативно-дискурсивном плане макротемы первого действия пьесы, этим обусловлены определенные расхождения в количестве знаков. Проанализированные фрагменты драматургических произведений представляют собой реализацию законченной в коммуникативно-дискурсивном плане макротемы первого действия пьесы, этим обусловлены определенные расхождения в количестве знаков.

Методика исследования включает несколько этапов.

На *первом этапе* осуществлялась разработка системы дифференцирующих параметров на основе когнитивно-дискурсивных параметров конструирования [Baker, McEnery 2015; Tannen, Hamilton, Schiffrin 2015], языковых параметров фокусирования [Ирисханова 2014], языковых параметров описания драматургического дискурса [Piazza 1999; Петрова 2017], параметров лингвокреативности в междискурсивном аспекте [Зыкова, Киосе 2020]. В результате были определены 84 параметра фонологического, словообразовательного, лексического, синтаксического, орфографического, сценического, семиотического и дискурсивного уровней, позволяющие обозначить свойства образа объекта и ситуации, которые оказываются в фокусе внимания участника коммуникативного события в драматургическом дискурсе. Так, к параметрам фонологического уровня относятся звукоподражание, рифма, аллитерация; к параметрам лексического – стилистические фигуры (метафора, эпитет, игра слов и др.), а также использование имен собственных, новации в именах собственных, топонимы, употребление неологизмов, разговорной лексики, слов или словосочетаний на иностранном языке. Параметры синтаксического уровня включают в себя синтаксические стилистические фигуры (параллелизмы, эллиптические конструкции, антитеза и др.), а также вопросно-ответные комплексы, однокомпонентные или сложные предложения и т. п. К параметрам орфографического уровня относятся применение курсива, жирного шрифта, разрядки, заключение в скобки части высказывания, восклицания, многоточия. Среди параметров сценического уровня отмечены описание декораций, предметов интерьера, музыки, звуков. Семиотические параметры отражают указание в дискурсе на мимику, жесты, передвижение персонажей и их действия. Для дискурсивного уровня характерны такие когнитивные параметры фокусирования, как субъективация, объективация,

интерсубъективация, флэшбеки, нарратив в хронологическом порядке или с нарушением хронологии, расширение или детализация пространственных характеристик.

На *втором этапе* исследования проводится корпусное аннотирование фрагментов из отобранных драматургических произведений с целью установления активности указанных параметров фокусирования. Единицей анализа (микродискурсивной единицей) выступает для нас завершенная реплика (которая может включать несколько предложений), представляющая (суб)дискурс автора и (суб)дискурс персонажа.

На *третьем этапе* проводится векторный анализ субдискурсов (автора и персонажей) на предмет распределения активности указанных параметров в выбранных отрывках пьес. В результате устанавливаются относительные показатели активности параметров, коэффициенты сопряженности этих показателей в дискурсе и индексы уникальности каждого фрагмента, что позволяет оценить степень вариативности в языковом и неязыковом конструировании индивидуально-авторских дискурсов.

Параметрическая активность в дискурсе автора

Анализ частоты показателей параметров фокусирования в дискурсе автора в исследуемых фрагментах продемонстрировал, что наибольшей активностью отличаются параметры дискурсивные (293 случая употребления), орфографические (281 случай употребления), лексические (194 случая употребления), семиотические (168 случаев употребления), синтаксические (129 случаев употребления). Наименее проявленными оказались сценические параметры (63 случая употребления) и словообразовательные (6 случаев употребления). На рисунке 1а показан профиль дискурса автора и отражены общие данные по относительной активности всех параметров в десяти исследуемых фрагментах драматургических произведений, которые можно рассматривать как усредненные или эталонные.

Проведенный далее анализ корреляций с применением индекса корреляции Пирсона позволил установить диапазон «отклонений» показателей каждого фрагмента от эталонного, который составил 0,51 (фрагмент Л. Н. Разумовской) – 0,94 (фрагмент Л. С. Петрушевской), при этом во всех случаях эти показатели довольно высокие (г-Пирсона критическое для $p = 0,01$ составляет 0,25). Для уточнения

показателей проведен факторный анализ, в результате которого определены наиболее уникальные фрагменты. Диапазон индексов уникальности составил 0,15 – 0,73, что более показательно. Самые высокие показатели уникальности у фрагментов Л. Н. Разумовской (0,73), А. М. Володина (0,66), М. М. Рощина (0,53); наиболее низкие показатели уникальности оказались у фрагментов Л. С. Петрушевской и В. И. Славкина (по 0,15). На рисунке 1б и 1в приведены векторные диаграммы, отражающие распределение относительной активности параметров наиболее типичного фрагмента дискурса автора (Л. С. Петрушевской) и наиболее уникального (наименее типичного) фрагмента (Л. Н. Разумовской).

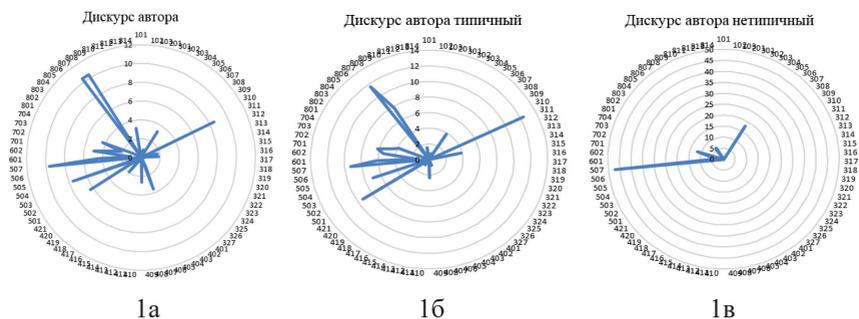

Рис. 1.

Относительные показатели активности параметров в дискурсе автора:
 1а – усредненные показатели, 1б – показатели типичного фрагмента
 «Уроки музыки» Л. Н. Петрушевской, 1в – показатели нетипичного фрагмента
 «Биография» Л. Н. Разумовской

Рассмотрим в качестве примера, демонстрирующего типичные показатели активности параметров в дискурсе автора, локальный сеттинг к пьесе Л. Н. Петрушевской «Уроки музыки»:

Сцена представляет собой большую комнату в квартире Гавриловых. Чисто, прибрано, хотя на всем лежит печать недостаточности. В углу работает телевизор. Гавриловы – Граня, Нина, Витя – смотрят телевизор. Граня и Витя лежат на кровати. Нина плачет, сидя у стола. Звонок. Витя срывается открывать. Вместе с ним кидается заплаканная Нина, в дверях удерживает Витю, спрашивает: «Кто там?».

В приведенном отрывке проявляются различные параметры, в частности, на:

- лексическом уровне – использование имен собственных; метафора (*на всем лежит печать недостаточности*);
- на синтаксическом уровне – однокомпонентное предложение (*Звонок.*); перечисление (*Чисто, прибрано...*), инверсия (*Вместе с ним кидается...*);
- на орфографическом уровне – использование заглавных букв (*Граня, Нина, Витя*);
- на сценическом уровне – указание на декорации и элементы интерьера (*Сцена представляет собой большую комнату в квартире Гавриловых. В углу работает телевизор.*); положение и передвижение персонажей (*Граня и Витя лежат на кровати. Нина плачет, сидя у стола. ...Витя срывается открывать. Вместе с ним кидается заплаканная Нина, в дверях удерживает Витю...*);
- на дискурсивном уровне – детализация пространственных характеристик (*В углу работает телевизор*), смещение фокуса внимания с элементов интерьера на персонажей (*В углу работает телевизор. Гавриловы – Граня, Нина, Витя – смотрят телевизор. Граня и Витя лежат на кровати. Нина плачет, сидя у стола*).

Примером нетипичной активности параметров в дискурсе автора можно считать локальный сеттинг к первому действию в пьесе Л. Н. Разумовской «Биография», указывающий только на пространственное расположение персонажей (действующих лиц):

Все действующие лица находятся на сцене.

Следует отметить, что последующие авторские ремарки в проанализированных микродискурсивных единицах из первого действия также характеризуются лаконичностью, например:

Бабка (*просто*) <...> (*Вздыхает*) <...>

Мать (*нервно*) <...>

Дочь (*усмехаясь*) <...>

Отец (*с тихой улыбкой*) <...> (*Радостно*) <...>

Параметрическая активность в дискурсе персонажей

Среди наиболее активных параметров дискурса персонажей в проанализированном материале оказались дискурсивные параметры с общим количеством случаев употребления 853, синтаксические – 630 случаев употребления, меньшей активностью характеризуются параметры орфографические – 356, лексические – 301,

семиотические – 119, словообразовательные – 29, сценические – 8, фонологические – 2.

Обратимся к анализу относительной активности параметров конструирования в дискурсе персонажей десяти выбранных фрагментов драматургических произведений. Как и при работе с фрагментами дискурса автора, мы установили средние показатели относительной активности по дискурсу (рисунок 2а), представленные в профиле дискурса персонажей.

Рис. 2.

Относительные показатели активности параметров в дискурсе персонажей: 2а – усредненные показатели, 2б – показатели типичного фрагмента «Свет, который в тебе» А. И. Солженицына, 2в – показатели нетипичного фрагмента «Квартирант» А. В. Вампилова

Далее был проведен анализ корреляций и факторный анализ. Как оказалось, диапазон индексов корреляции во фрагментах, демонстрирующих дискурс персонажей, значительно меньше, т. е. во всех случаях коэффициенты корреляции Пирсона достаточно высокие и составляют 0,7 – 0,94, что свидетельствует о большем сходстве дискурсов. Проведенный далее факторный анализ позволил установить диапазон типичности – уникальности дискурсов, который составил 0,13 – 0,53, что также (в сравнении с показателями уникальности дискурса автора) демонстрирует меньшую вариативность. Наиболее типичные фрагменты были выделены у В. С. Розова (0,13), А. И. Солженицына (0,13); наиболее уникальные у А. В. Вампилова (0,53) и М. М. Рождина (0,41). На векторных рисунках 2а и 2б приведены показатели наиболее и наименее типичных фрагментов.

Рассмотрим в качестве примера аннотирования типичного дискурса персонажей одну из микродискурсивных единиц пьесы А. И. Солженицына «Свет, который в тебе»:

Алекс. Судебная ошибка. Все улики так плотно сложились против нас, что опровергнуть их мы были не в силах. Меня и друга моего взяли прямо из армии после войны, осудили на десять лет <...> и послали в Пустынную Каледонию. И там мы отгрохали девять из десяти. Оставалось нам по году, когда нашли настоящего убийцу. Нас освободили, извинились, – но кто бы мог вернуть нам эти девять лет?!

Данный отрывок демонстрирует взаимодействие нескольких разнородных параметров, например:

– лексических (использование стертой метафоры во фразе *улики так плотно сложились против нас*; топоним *Пустынная Каледония*; разговорная лексика и *там мы отгрохали* <...>);

– синтаксических (инверсия *оставалось нам по году* <...>; риторический вопрос <...> *но кто бы мог вернуть нам эти девять лет?!*; сложные предложения (*Оставалось нам по году, когда нашли настоящего убийцу*);

– орфографических (заглавные буквы *Пустынная Каледония*), семиотических (обозначение действия и перемещение персонажа *Меня и друга моего взяли прямо из армии после войны, осудили на десять лет* <...> и *послали в Пустынную Каледонию*);

– дискурсивных (нарратив в хронологическом порядке; интерсубъективация (*Все улики так плотно сложились против нас, что опровергнуть их мы были не в силах*);

– позиция активного участника события (*И там мы отгрохали девять из десяти*);

– детализация пространственных характеристик (*...и послали в Пустынную Каледонию*).

В качестве примера наименее типичного дискурса персонажей выступает комплекс микродискурсивных единиц из пьесы А. В. Вампилова «Квартирант»:

ЕВГЕНИЯ (Варе). Дай ему, дай!.. Так!.. Еще!

ВАРЯ. Всё.

МИХАЛЕВ. Бито.

В данном отрывке активность параметров снижена, например, на синтаксическом уровне – однокомпонентные предложения (*всё*,

бито), императивные высказывания и повтор (*Дай ему, дай!..*), на орфографическом уровне – восклицания и многоточия (*Дай ему, дай!.. Так!.. Еще!*), на дискурсивном уровне – направленность высказывания на другой объект коммуникативного события (объективация) (*Дай ему, дай!..*).

Заключение

Применение методик параметрического и векторного анализа в отношении показателей параметров конструирования позволяет установить активность параметров и сравнивать ее показатели, что делает возможным определение степени вариативности дискурсов. Анализ активности параметров одного из значимых механизмов конструирования дискурса – механизма фокусирования – продемонстрировал различия в конструировании фрагментов современных русскоязычных пьес. Анализ, проведенный на материале гетерогенного дискурса как интегрирующего дискурс автора и дискурс персонажей, позволил выявить наиболее и наименее активные параметры, участвующие в создании образа или ситуации, а также описать вариативность в конструировании дискурса автора и дискурса персонажей на уровне микро- и макродискурсивных единиц в текстах пьес современных российских драматургов. В результате были установлены более и менее типичные образцы конструирования дискурса, при этом наибольшая вариативность проявляется именно в конструировании дискурса автора, что, возможно, обусловлено большими возможностями индивидуально-авторского конструирования этого типа дискурса. Полученные данные также позволяют сделать выводы о характерных чертах дискурса автора и дискурса персонажей современной российской драмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40. [Zykova, I. V., Kiose, M. I. (2020). Parametric analysis of linguistic creativity in the interdiscursive aspect: cinema discourse vs. discourse of literature for children. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2, 26–40. (In Russ.)].
- Присханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

- [Iriskhanova, O. K. (2014). Igrī fokusa v jazike. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia (Play of focus in the language. Semantics, syntax and pragmatics of focusing). Moscow: Jaziki slavjanskoi kulturi. (In Russ.)].
- Киосе М. И. Текстовые показатели салиентности непрямых номинаций в русском языке: корпусный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Вып. 1 (23). С. 116–130. [Kiose, M. I. (2019). Text parameters of salience of nondirect nominations in the Russian language. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhbi narodov. Seria: Lingvistika*, 1 (23), 116–130. (In Russ.)].
- Петрова Н. Ю. Построение перспективы в тексте пьесы. М.: Культурная революция, 2017. [Petrova, N. Y. (2017). *Postroenie perspektivy v tekste piesy* (Perspective setting in drama). Moscow: Kulturnaia revoliutsia. (In Russ.)].
- Baker P., McEnery T. (eds.). *Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora*. London: Palgrave, 2015.
- Glynn D. Testing the hypothesis. Objectivity and verification in usage-based cognitive semantics // *Quantitative cognitive semantics. Corpus-driven approaches* / Eds. D. Glynn, K. Fischer. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 239–270.
- Langacker R. *Grammar and Conceptualisation*. Berlin ; NY : Mouton de Gruyter, 2000.
- Piazza R. Dramatic discourse approached from a conversational analysis perspective: Catherine Hayes's Skirmishes and other contemporary play // *Journal of Pragmatics*. Vol. 31, Issue 8, 1999. P. 1001–1023.
- Talmy L. *Toward a cognitive semantics. Volume I: Concept structuring systems*. Massachusetts Institute of Technology, 2000.
- Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. (eds). *The Handbook of Discourse Analysis*. London: Wiley-Blackwell, 2015.
- Vandelanotte L., Dancygier B. Multimodal artefacts and the texture of viewpoint // *Journal of Pragmatics*, 2017. P. 1–9.
- Verhagen, A. 2007. Construal and perspectivization // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / Eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press. P. 48–81.

Е. В. Антропова

заместитель директора Института информационных наук
Московского государственного лингвистического университета
e.antropova@linguanet.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В ТЕКСТАХ АНТИУТОПИИ (на материале русского и английского языков)

В статье рассмотрены жанровые характеристики антиутопических произведений и средства их вербализации, главным образом ономастические. Установлено, что к существенным признакам текстов данного жанра относятся хронотоп, репрезентируемый именами собственными, и деление общества на касты, в связи с чем персонажи могут получать специфические наименования. Для обозначения группы антропонимов, представленных отдельными цифрами и буквами, вводится термин «символьные имена».

Ключевые слова: антиутопия; антропоним; жанр; оним; ономастикон; средства номинации; хронотоп; художественный текст.

E. V. Antropova

Deputy Director
The Institute of Information Sciences
Moscow State Linguistic University
e.antropova@linguanet.ru

GENRE FEATURES OF NOMINATION IN DYSTOPIAS (an analysis of Russian and English texts)

The article considers genre properties of dystopian fiction and onomastic means of their representation. The two essential distinctions of the genre are chronotope which is represented – among other nominative means – by proper names, and a caste system of social relations that suggests a variety of specific nominations, among which are letters and numbers. To denote the group of alphabetic and numerical names the term symbol names is introduced.

Key words: dystopia; anthroponym; genre; onym; onomasticon; means of nomination; chronotope; literary text.

Введение

Принято считать, что жанр антиутопии зародился в период глобальных политических изменений на рубеже XIX и XX вв. в противовес господствующим в то время утопическим идеям и сразу привлек

внимание не только филологов, но и политологов, социологов и философов. Существенный вклад в изучение антиутопии внесли отечественные и зарубежные исследователи: Н. А. Бердяев, М. М. Бахтин, Б. А. Ланин, З. И. Плех, Ю. А. Жаданов, М. А. Бришанская, В. М. Чаликова, И. Д. Тузовский, Г. Клейс, К. Рёмер, К. Мангейм.

Как пишет Г. Клэйс, уже на рубеже XIX–XX вв. насчитывалось более двухсот произведений антиутопического жанра, однако моментом окончательного формирования жанра, по мнению многих исследователей, является 1921 год, когда был опубликован роман Е. Замятина «Мы», ставший наряду с романами О. Хаксли и Дж. Оруэлла классикой антиутопического жанра [Claeys 2017].

Однако если считать антиутопию сатирической инверсией политической реальности, то признаки этого жанра можно найти еще в античных сюжетах. Так, например, в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» высмеивается афинская демократия и критикуется «Государство» Платона [там же]. Если же считать антиутопию противопоставлением утопии, то ее жанровые признаки прослеживаются в Новом времени, например в «Левиафане» Т. Гоббса (*Leviathan*, 1651) и романе Э. Сувестра «Мир, каким он станет» (*Le monde tel qu'il sera*, 1896). Антиутопические мотивы присутствуют также у Дж. Лондона, Ж. Верна и у других авторов рубежа XIX и XX вв.

По выражению Дж. Кейтеба, «антиутопизм представляет собой кристаллизацию идей, позиций, мнений и чувств, которые существовали в течение столетий»¹ [Kateb 1972, с. 3]. Что касается сюжетных линий, то основу антиутопических сюжетов часто составляет идея о необходимости переоценки сложившихся в обществе ценностей и переосмысления основ реально существующего или потенциально возможного политического строя через сатирический взгляд на описываемые события.

Проблема терминологии и определения жанровых границ

Первое упоминание слова «антиутопист» («*dystopian*») как противоположность понятию «утопист» («*utopian*») встречается у английского философа и экономиста Дж. С. Милля в 1868 г. в его речи, посвященной земельной политике Исландии, в британской Палате общин. Дж. С. Милль использовал данный термин для критики утопических

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. А.

идей с целью проиллюстрировать их несостоятельность в обществе [Ashley 2016]. Термин «антиутопия» («*dystopia*») как название литературного жанра был введен Г. Негли и М. Патриком в антологии «В поисках утопии» («*The Quest for Utopia*») [Жданов 2010].

В отличие от русского языка, где принят термин «антиутопия», в зарубежной научной литературе, как правило, используются термины «дистопия» (от гр. *δυσ* – *отрицание* + греч. *τόπος* – *место*) или «какотопия» (от гр. *κακός* – *плохой*). В оксфордском словаре «*dystopia*» («дистопия») определяется как «выдуманное место или государство, в котором всё чрезвычайно плохо и неприятно» [Oxford Learner's Dictionaries URL]. Термин «*anti-utopia*» как синоним «дистопии» был зафиксирован в 1910 г. Наряду с терминами «дистопия» и «какотопия» используются также термины «контрутопия», «негативная утопия» и «утопия-предупреждение» [Баталов 1989].

В определении жанра также наблюдаются значительные расхождения. Так, по мнению К. Рёмера, в антиутопиях создается альтернативная реальность, в которой критически оцениваются и переосмысливаются современные реалии [Claeys, Roemer 2010]. Э. Я. Баталов определяет антиутопию как «принципиальное отрицание утопии и возможности построения совершенного общества» [Баталов 1989, с. 261].

Многие современные филологи обращают внимание на то, что жанр антиутопии совмещает в себе характеристики других жанров, являясь вместе с тем самостоятельным жанром [Баталов 1989; Кагарлицкий 1974]. Действительно, локализация большинства сюжетов в будущем сближает произведения антиутопии и научной фантастики, однако в научно-фантастических произведениях важная роль отводится научно-техническому прогрессу, тогда как в антиутопии главной темой является человек. О том, что для антиутопии характерна жанровая ориентация на личность, пишет, в частности, Б. А. Ланин, особо подчеркивая, что, «антиутопия в сравнении с научной фантастикой рассказывает о куда более реальных и легче угадываемых вещах» [Ланин 1993, с. 261].

Полагая, что антиутопия является самостоятельным жанром, Б. А. Ланин предлагает выделять такие его существенные признаки, как аллегоричность, ограниченность пространства, узнаваемость мира, ритуализированная и упорядоченная жизнь героев, псевдокарнавал как проявление абсолютного страха [там же].

Л. М. Юрьева отмечает в произведениях антиутопии особый хронотоп и рассматривает в качестве жанровых признаков антиутопии ограниченность пространства и локализованность действия в настоящем, идеологизированность, абсурдность, противостояние ценностей, контрастность, специфичную форму повествования (например, в виде дневника) [Юрьева 2005].

Мы, в свою очередь, полагаем, что существенным жанровым признаком антиутопии, наряду с хронотопом, является специфика номинации, в связи с чем в данной статье мы рассматриваем, во-первых, особенности пространственно-временной организации текстов антиутопий; во-вторых, характерные для данного жанра средства именования людей и неодушевленных объектов.

Пространственно-временные характеристики антиутопии

Проведенный в первой части статьи обзор научных работ позволяет сделать вывод о том, что произведениям жанра антиутопии свойственен определенный хронотоп, специфика которого заключается в том, что пространство антиутопического мира изолировано, отгорожено от внешнего мира. Так, например, в антиутопии Е. И. Замятина «Мы» город-государство отделено от окружающей природы *Зеленой Стеной*. За *Стеной* остался дикий, нецивилизованный мир, в котором живут дикари, поросшие длинными волосами:

Человек перестал быть диким человеком только тогда, когда мы построили *Зеленую Стену*, когда мы этой *Стеной* изолировали свой машинный, совершенный мир – от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных... (Е. Замятин, *Мы*).

В антиутопии К. Воннегута также происходит подобное разделение. Привилегированная группа инженеров проживает отдельно от людей, отстраненных от дел и уволенных за ненадобностью их услуг ввиду замены ручного труда машинным. Обе группы практически не пересекаются и не стремятся к взаимодействию:

ILIUM, New York, is *divided into three parts*. In the northwest are the managers and engineers and civil servants and a few professional people; in the northeast are the machines; and in the south, across the Iroquois River, is the area known locally as Homestead, where almost all of the people live» (К. Воннегут. *Player Piano*).

Наше исследование показывает, что в романах-антиутопиях могут встречаться как вымышленные, так и в действительности существующие локации. Например, основное действие антиутопии О. Хаксли «О, дивный новый мир» разворачивается в *Лондоне*, который является городом в вымышленном *Мировом государстве*:

Over the main entrance the words, *CENTRAL LONDON HATCHERY AND CONDITIONING CENTRE*, and a shield, *the World State's motto, COMMUNITY, IDENTITY, STABILITY* (A. Huxley. *Brave New World*).

К. Воннегут в антиутопии «Механическое пианино» использовал в качестве средств пространственной организации романа реально существующий штат *Нью-Йорк* и выдуманный город *Иллиум*.

Сочетание реально существующих и вымышленных географических названий в текстах антиутопий является отличительной чертой романов данного жанра. К особенностям временной организации текста, в частности, относится прием *нового летоисчисления*, указывающий на начало новой эры со своими устоями и общественными отношениями. Отметим, что временная локализация может быть эксплицитной с указанием точных дат или имплицитной, когда точные даты не называются, но в тексте представлены маркеры времени, выраженные при помощи имен собственных, неологизмов или за счет описания исторических событий. Например, действие антиутопии «О, дивный новый мир» разворачивается в XXVI веке, однако летоисчисление в данном романе ведется от *начала Эры Т*, с момента появления автомобиля *Форд Т*:

For a very long period before the time of *Our Ford*, and even for some generations afterwards, erotic play between children had been regarded as abnormal (there was a roar of laughter) (*там же*).

It began in *A.F. 473*. The Controllers had the island of Cyprus cleaned of all its existing inhabitants and re-colonized with a specially prepared batch of twenty-two thousand Alphas (*там же*).

Новое летоисчисление, как правило, начинается после окончания войны или революции; в это же время происходит изолирование описываемого пространства. Три элемента – революция или война, пространственная изоляция и новое летоисчисление – являются жанрообразующими элементами антиутопии. Так, в романе-антиутопии «Мы» маркером отсчета нового времени считается *Двухсотлетняя война*:

Голод: я говорю о *Великой Двухсотлетней Войне* – о войне между городом и деревней. Вероятно, из религиозных предрассудков дикие христиане упрямо держались за свой «хлеб». Но в 35-м году – до основания *Единого Государства* – была изобретена наша теперешняя, нефтяная пища (Е. Замятин. *Мы*).

В романе К. Воннегута «Механическое пианино» история разделена на два периода: до и после *Индустриальной революции*; временные отношения передаются при помощи указания на революцию и посредством использования внутри одного предложения глаголов в формах прошедшего и настоящего времен:

The second revolution, the one we're now completing, is a little tougher to express in terms of work saved. If there were some measure like horsepower in which we could express annoyance or boredom that people used to experience in routine jobs – but there isn't (K. Vonnegut. Player Piano. 1969).

Вымышленные языки как жанрообразующий признак антиутопии

Важным признаком антиутопий является высокая плотность авторских неологизмов, которые служат маркерами временной отнесенности повествования и вводятся для реализации идеи технического прогресса, который привел к серьезным изменениям и к возникновению новой реальности. У О. Хаксли встречаются такие неологизмы, как *fordship* (*фордейшество*), *bokanovskification* (*бокановскизация*):

One egg, one embryo, one adult-normality. But a *bokanovskified* egg will bud, will proliferate, will divide (A. Huxley. *Brave New World*).

His *fordship* will be down in a moment". The Gamma butler left them to themselves (*там же*).

Неологизмы *детско-воспитательный завод*, *музыкаметр*, *часовая скрижаль*, используемые Е. И. Замятиным в антиутопии «Мы», служат средством реализации идеи о том, что в *Едином государстве* всё механизировано, а также выполняют роль временных маркеров, локализуя повествование в будущем:

И я с трудом включил внимание только тогда, когда фонолектор перешел уже к основной теме: нашей музыке, к математической композиции (математик – причина, музыка – следствие), к описанию недавно изобретенного *музыкаметра* (Е. Замятин. *Мы*).

Понимаете, прихожу сегодня в класс (она работает на *Детско-воспитательном Заводе*) – и на стене карикатура» (*там же*).

В антиутопии «1984» Дж. Оруэлл описал мир Океании, жители которого говорят на новоязе, являющимся, по сути, языком тоталитарного общества с большим числом партийно-бюрократических лексем, таких как *мыслепреступление (crimethink)*, *Министерство Правды (The Ministry of Truth)*, *Министерство Любви – Минилув (The Ministry of Love – Miniluv)*, *благодум (goodthink)* и др:

The Ministry of Truth, which concerned itself with news, entertainment, education, and the fine arts. The Ministry of Peace, which concerned itself with war. The Ministry of Love, which maintained law and order. And the Ministry of Plenty, which was responsible for economic affairs. Their names, in Newspeak: Minitrue, Minipax, Miniluv, and Miniplenty (Orwell. 1984).

Приведенные примеры доказывают, что средства именования географических объектов, органов управления, территориальных и административных единиц, выполняют в антиутопических романах жанрообразующую функцию.

Антропонимическая номинация: ассоциативные и прецедентные имена

Важную роль в произведениях разных жанров играют средства именования персонажей. При этом речь идет не только об именах, входящих в национальные ономастиконы, но также о других языковых средствах, в том числе придуманных автором и используемых для референции к персонажам и создания художественных образов. Функция антропонимов, как структурообразующих и смыслоформирующих элементов текста, отмечается многими лингвистами (подробнее см. [Косиченко 2017]).

Проведенный нами лингвостилистический анализ ряда произведений жанра антиутопии подтверждает, что в романах этого жанра антропонимическая номинация обладает рядом характерных признаков. В частности, для жанра антиутопий типичным является использование ассоциативных и прецедентных имен, создающих интертекстуальное взаимодействие и указывающих на конкретные личности или события.

В рамках данной статьи мы разграничиваем прецедентные и ассоциативные имена. Прецедентное имя мы понимаем как «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, относящимся,

как правило к числу прецедентных» [Гудков 2003, с. 108]; ассоциативным именем собственным мы называем имя, для правильной интерпретации которого «от говорящего и адресата требуется наличие определенного единого фонда знаний о событиях, фактах, заложенных в том имени собственном, которое использовано для образной номинации, переосмысления» [Алексеева 2014, с. 86]. Таким образом, в отличие от прецедентных имен, являющихся своеобразным культурным знаком для определенного языкового сообщества, ассоциативные имена служат для создания аналогий и отсылок к общеизвестным личностям или фактам.

Ономастикон антиутопий нередко вызывает ассоциации с известными людьми или событиями и способен сформировать первичное представление о герое за счет образов, возникающих при обращении к таким именам. Так, в произведении О. Хаксли «О, дивный новый мир» имя одного из главных героев *Бернарда Маркса* реферирует одновременно к двум историческим лицам – Карлу Марксу и Бернарду Шоу [Гаврикова 2012]. В данном произведении встречается также прецедентное имя *Форд*, принадлежащее американскому промышленнику, который после войны был возведен в ранг божества и которому поклоняются жители Мирового государства. В тексте антиутопии к Форду обращаются *Наши Форд* или *Господи Форде*:

“The case of Little Reuben occurred twenty-three years after Our Ford’s first T–Model was put on the market.” (Here the Director made a sign of the T on his stomach and all the students reverently followed suit) (*A. Huxley. Brave New World*).

Другим средством именованя бога в романе «О, дивный новый мир» является имя *Фрейд*, используемое самим Фордом в ситуациях, когда он рассуждал о психологии. Это имя приобретает в тексте романа особую значимость и становится, по сути, идеологемой, в которой отражены высшие ценности *Мирового государства*, а именно, многочисленные интимные связи, гедонизм, отсутствие стресса и упразднение детско-родительских отношений.

Антропонимическая номинация: символные имена

Помимо имен собственных в антиутопиях встречаются и другие способы именованя героев. В нашей статье мы будем использовать термин «символьные имена», понимаемый как совокупность характеристик персонажа, выраженную неким символом, например буквой

или цифрой. Символьные имена играют важную роль при реализации одного из жанров признаков антиутопии – деление людей на касты, группы и иерархии. Приведем несколько примеров.

В романе-антиутопии О. Хаксли общество поделено на касты, выстроенные иерархичным образом. Высшими кастами являются *альфа* и *бета*; для описания других, низших каст используются уничижительные номинативные единицы, а также цифры, буквы и цвета:

Alpha children wear grey. They work much harder than we do, because they're so frightfully clever. I'm really awfully glad I'm Beta, because I don't work so hard. And then we are much better than the Gammas and Deltas. Gammas are stupid. They all wear green, and Delta children wear khaki (A. Huxley. *Brave New World*).

Примечательно, что представители высших каст – *альфа* и *бета* имеют также личные имена, выполняющие в тексте индивидуализирующую функцию. Наличие имен отличает их от представителей каст *гамма*, *дельта* и *эпсилон*, которые не имеют иных средств именования и таким образом лишены индивидуальности. Более того, их часто описывают как обезьяноподобных полукретиннов:

The liftman was a small simian creature, dressed in the black tunic of an Epsilon-Minus *Semi-Moron* (там же).

But queer that Alphas and Betas won't make any more plants grow than those *nasty little Gammas and Deltas and Epsilons* down there (там же).

In the assembling room, the dynamos were being put together by two sets of *Gamma-Plus dwarfs* (там же).

Особую группу в данном романе составляют так называемые *дикари*, обитающие в индейской резервации. При описании дикарей в тексте встречаются историзмы – слова, забытые или неиспользуемые в *Мировом государстве*. Так, например, люди в *Мировом государстве* не рождаются естественным путем, а выращиваются в инкубаториях. Такие слова, как *отец*, *мать*, *семья*, *женитьба*, *рождение* являются оскорбительными и служат для описания нецивилизованных условий, в которых живут дикари:

<...> about sixty thousand Indians and half-breeds, <...> *absolute savages* still preserve their repulsive habits and customs <...> *marriage* <...> *families* <...> monstrous superstitions (там же, с. 112).

В произведении К. Воннегута «Механическое пианино» люди также поделены на группы: на одном берегу реки проживают инженеры, обеспечивающие работу машин и механизмов и являющиеся привилегированной группой населения, на другом – *жители Усадьбы (Homesteaders)*. Отношения между инженерами и жителями Усадьбы натянуты из-за разницы социального положения, поэтому никто не пересекает реку без необходимости:

If the bridge across the Iroquois were dynamited, few daily routines would be disturbed. *Not many people on either side have reasons other than curiosity for crossing* (К. Vonnegut *Player Piano*).

Персонажи произведения «Механическое пианино» имеют обычные имена, которые служат индивидуализирующим средством обращения. Однако помимо имени собственного используется шифр профессии, включающий в себя аббревиатуру сферы деятельности и уровень квалификации:

The name is Lasher, the Reverend James J. Lasher, *R-127 and SS-55*. <...> “What’s the second, that SS thing?” said Finnerty. “Social scientist”, said Lasher. “The 55 designates an anthropologist with a master’s degree” (*там же*).

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод, что для жанра антиутопии, помимо имен собственных, характерно обширное использование нарицательных и символьных имен. Такие средства номинации играют важную роль в идентификации персонажей. Они нередко выходят на первый план, характеризую героя повествования и замещая имена собственные.

Заключение

Обращение к текстам разных авторов показало, что, наряду со специфическим хронотопом, важным жанровым признаком антиутопий является прием деления людей на касты и группы, используемый для идентификации персонажей. Этот признак выражен при помощи разнообразных номинативных средств, которые играют значимую роль в произведениях жанра антиутопии. Высокая плотность ассоциативных имен позволяет читателю строить логические связи и интерпретировать текст. Средствами номинации могут выступать не только ассоциативные имена собственные, но и знаки, коды или

шифры, которые мы объединили под общим термином «символьные имена». Проведенный анализ показал, что значительная доля антропонимов во многих, особенно ранних, антиутопиях способствует формированию первичных представлений о персонаже и раскрытию его характера, а также служит реализации идейного содержания произведения за счет многочисленных отсылок к историческим персонажам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеева Е. А.* Имя собственное в аспекте перевода // Вестник Московского университета. Сер. 2. Теория перевода. 2014. № 2. С. 77–86. [Alekseeva, E. A. (2014). Proper nouns: translation perspective. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 2. Teorija perevoda*, 2, 77–86. (In Russ.)].
- Баталов Э. Я.* В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопичном сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. [Batalov, E. Ya. (1989). *V mire utopia: Piat' dialogov ob utopia, utopicheskom soznanii i utopicheskikh experimentah* (In the World of Utopia: Five Dialogues about Utopia, utopian Consciousness, and utopian Experiments). Moscow: Politizdat. (In Russ.)].
- Гаврикова Ю. С.* Интекст-цитатные имена как особый вид интертекстуальных маркеров в антиутопиях // Известия Пензенского государственного университета. 2012. № 27. С. 239–243. [Gavrikova, Yu. S. (2012). Intext-quotation names as a peculiar intertextual marker in dystopian literature. *Izvestia Penza State University*, 27, 239–243. (In Russ.)].
- Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. [Gudkov, D. B. (2003). *Teoria i praktika mezhdunarodnoj kommunikacii* (Theory and practice of intercultural communication). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Жаданов Ю. А.* Посторуэлловская дистопия: упадок жанра или его трансформация? // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2010. № 2. С. 77–88. [Zhdanov, Yu. A. (2010). *Postoruellovskaya dystopia: upadok zhanra ili ego transformatsiya* (Post Orwell's dystopia: the decline of the genre or its transformation?). *World Literature on the Crossroads of Cultures and Civilization*, 2, 77–78. (In Russ.)].
- Кагарлицкий Ю. И.* Что такое фантастика? М.: Художественная литература, 1974. [Kagarlitskiy, Yu. I. (1974). *Chto takoe fantastika?* (What is fiction?). Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].
- Косиченко Е. Ф.* Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. [Kosichenko, E. F. (2017). *Lingvosemanticheskaya koncepcia onomastikona (na materiale khudozhestvennih tekstov)* (Linguistic and semiotic concept

of the onomasticon (on the material of literary texts)): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).

Ланин В. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук М.: 1993. [Lanin, V. A. (1993). *Russkaya literaturnaya antiutopia XX veka* (Russian literary dystopia of the XXth century): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).]

Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук, 2005. [Yurieva, L. M. (2005). *Russkaya antiutopia v kontekste mirovoy literatury* (Russian Dystopia in the context of world literature). Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).]

Ashley M. Freedom or oppression? The fear of dystopia // British Library 2016. URL: <https://www.bl.uk/20th-century-literature/articles/freedom-or-oppression-the-fear-of-dystopia> (дата обращения: 10.10.2020).

Claeys G. Dystopia: A Natural History: A study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Claeys G., Roemer K. M. Paradise transformed: varieties of nineteenth-century utopias. Cambridge: Cambridge University Press 2010. P. 79–106.

Kateb G. Utopia and Its Enemies. New York: Schocken books. Cop., 1972.

Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/?q=dystopia> (дата обращения: 18.10.2020).

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

УДК 81.23

10.52070/2542-2197_2021_2_844_72

З. Г. Адамова

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики
кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
zoya_adamova@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТИ «ВЕРА» КАК ИНДИКАТОРА ДУХОВНОСТИ

На основе деятельностной теории установок и мотивации, а также теории речевой деятельности определяются параметры психолингвистического анализа массива вербальных реакций, полученных в ассоциативном эксперименте на стимул *вера*; посредством анализа речевых действий и операций моделируется актуальный личностный смысл *веры*; выявляются доминантные эмоции, лежащие в основе побудительной «силы» анализируемой ценности и обеспечивающие «совместную интенциональность» социально обусловленных актуальных потребностей, связанных с *верой*, и способы их удовлетворения.

Ключевые слова: ценность «вера»; психолингвистика; модель актуального психологического значения; мотивация; языковые социальные установки.

Z. G. Adamova

Phd (Philology)
Leading Researcher at the Linguistics, Laboratory of Psycholinguistics
at the Department of General and Comparative
Moscow State Linguistic University
zoya_adamova@mail.ru

EXPERIMENTAL PSYCHOLINGUISTIC STUDY OF THE VALUE “FAITH” AS AN INDICATOR OF SPIRITUALITY

On the basis of the activity theory of attitudes and motivation and the theory of speech activity, the parameters of the psycholinguistic analysis of the array of verbal reactions obtained in the associative experiment to the stimulus *faith* are determined; through the analysis of speech actions and operations, the actual personal meaning of *faith* is modeled; the dominant emotions that underlie the motivating “force” of the analyzed value is revealed, as well as the features of socially determined actual needs associated with *faith*, and the ways of their satisfaction.

Key words: faith; psycholinguistics; model of actual psychological content; motivation; linguistic social attitudes.

Введение

Как справедливо отмечает И. М. Ильичева, в психологии пришло осознание того, что в основе понимания проблем развития человека и человечества в целом лежит духовность, которая выступает одновременно и как сущность человека, и как цель и результат его становления [Ильичева 2003]. Вслед за И. М. Ильичевой, мы употребляем понятие «духовность» как «выражение сущности человека» и как «*принцип жизнедеятельности и специфическую активность*»¹, которые проявляются как «сущностно-потенциальное и *функционально-динамическое качество*» человека в «отражении экзистенциальных ценностей в рамках собственной жизни» [там же].

Цель этой статьи – представить результаты экспериментального психолингвистического анализа вербально репрезентированного аксиологического понятия (ценности) «вера» как индикатора духовности на основе его концептологической и лингвистической характеристик.

Вера как индикатор духовности

Выбор анализируемого понятия обусловлен фундаментальным трудом Ю. С. Степанова, в котором концепт «вера» автор называет «уникальным» духовным концептом и считает его константой русской языковой картины мира, связанной с религиозностью. Ю. С. Степанов выделяет два основных когнитивных слоя концепта «вера»: веру как «акт воли», или «акт веры, уверования», и веру как «содержание веры», упование, надежду. При этом в основе такого концепта лежит понятие доверия к *другому* [Степанов 2001].

Известно, что религиозность русского народа имеет противоречивую природу; из нее проистекают страстное искание смысла жизни и одновременно пассивность и бездейственность [Лосский 1990]. Однако в психологии личности такое противоречие объясняется психологическим механизмом функционирования ценностей [Абульханова-Славская URL]. Так, основным фактором механизма пассивного поведения является «ценностная несостоятельность» личности, ее неспособность переживать смысл собственных ценностей, и как

¹ Зд. и далее курсив наш. – З. А.

следствие, неспособность выработки ценностного отношения к другому человеку; такое отношение формирует субъектное отношение к обществу [Абульханова-Славская URL]. Для нас важно, что в психологических исследованиях отношение к другому человеку является центральной смыслообразующей характеристикой нравственности, которая рассматривается «в тесной взаимосвязи с духовностью» [Климова URL]. Согласно Т. В. Снегиревой, категория «другой» как определяющая духовность остается одной из основных в гуманитарном дискурсе [«Другой» как опыт духовности URL]. Так, по мнению Н. Бердяева, «экзистенциальный центр» человека проявляется в отношениях к другому и создает «духовность» как «связующую память людей» [Бердяев 2006, с. 127].

Таким образом, если духовность есть функционально-динамическое свойство субъекта, то в качестве индикатора духовности можно рассматривать направленность деятельности, в том числе речевой, на «другого» как таковую, а также характер этой направленности, ее субъектно-субъектный или субъектно-объектный характер. Такую направленность деятельности субъекта и ее характер можно обнаружить в содержании аксиологического понятия «вера», которое концептуально основано на рекуррентных отношениях доверия субъектов друг к другу.

Материал и параметры психолингвистического анализа ценности «вера»

Материалом для исследования стал массив из 1060 вербальных реакций, в том числе 29 отказов, на слово-стимул вера, собранный в ходе эксперимента в рамках работы Лаборатории психолингвистики при Московском государственном лингвистическом университете для создания ассоциативного словаря базовых ценностей. Респонденты – студенты различных высших учебных заведений в возрасте от 17 до 29 лет, в том числе студенты Московского государственного лингвистического университета (Москва), Московского института электронной техники (Зеленоград), Московского энергетического института (Москва), Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (Москва), Российского государственного геологоразведочного университета (Старый Оскол), Северо-Восточного федерального университета (Мирный, Нерюнгри, Якутск), Юго-Западного государственного университета (Курск).

Для интерпретации полученных в ходе ассоциативного эксперимента данных по ценностям, представленным в языке, была использована оптимальная для решения поставленных нами задач интегративная модель актуального психологического значения [Пищальникова 1991].

Согласно задачам исследования, для анализа речевых действий, реализующих связь *стимул-реакция*, мы опирались на концептологическое и лингвистическое «идеальное содержание» (в терминах А. А. Леонтьева) понятия «веры». По мнению А. А. Леонтьева, именно от «идеального содержания» происходит развитие понятия в индивидуальном сознании, где оно «субъективируется» и вступает в «иную систему отношений, иное движение», не утрачивая при этом «своей общественно-исторической природы» [Леонтьев URL]. Словесные связи, осуществляющие «развитие понятия в индивидуальном сознании», представлены разными типами компонентов описанной выше интегративной модели личностного смысла.

Для нас важно, что психологический механизм функционирования ценностно-смыслового комплекса личности проявляется главным образом через аффективную сферу сознания. При этом, аффективная сфера сознания, как и интеллектуальная, являясь формой обобщения, имеет социальную природу [Шаховский 2016]. В качестве основы для анализа содержания эмоционально-оценочного компонента актуального психологического значения «веры» в работе используются положения деятельностной теории мотивации, главной составляющей которой является функциональный критерий значимости [Асеев 1976].

Как утверждают специалисты, роль основания оценки ценностей выполняют социальные нормы – «правила, регулирующие поведение человека и общества», которые формируются и устанавливаются в результате повторяющейся оценки [Бабаева 2004, с. 11]. Именно поэтому «важнейшей единицей аксиологической картины мира являются социальные нормы» [там же, с. 10]. Таким образом, в анализе речевой деятельности, принципиально изоморфной любой другой, мы учитываем также условия ее осуществления. Речь идет об установках, т. е. системе потребностей и устремлений, которые также могут быть вербализованы. При этом мы, кроме «норм» непсихологического содержания компонента «понятие», выделяем операциональные речевые действия, выражающие функциональные связи *веры* с деятельностью определенной направленности. Опираясь на внутреннюю форму концепта *вера*, представляющую собой «сущность, которая может быть предметом

передачи от одного к другому» [Степанов 2001, с. 269], речевые действия со словом вера с управлением в кого-что-либо мы рассматриваем как объективированные направленные на определенную активность операциональные речевые действия – операции и результат таких действий – установки [Теория установки URL].

Описание результатов

В начале анализа мы выделили в отдельную группу 325 реакций (из 1062), представляющих совокупность наиболее существенных признаков «веры» как понятия и концепта. Были выявлены речевые действия, связанные с верой как уверенностью (всего 8), как верой в Бога (всего 102). Но наиболее частотными оказались действия, реализующие связи с формальными признаками веры как вероисповедание (всего 206).

Другую не «психологичную» группу составили встроенные в систему вербальных ассоциаций индивида автоматические ассоциативные связи между стимулом и реакцией. Примечательно, что все они (197) связаны с содержанием веры как вероисповедания, а именно, со ставшими символами христианских добродетелей именами святых мучениц Верой, Надеждой, Любовью. В эту же группу мы определили реакции-имена (всего 22). Были также проанализированы составляющие мотивационную основу ценностного отношения к миру «эмоции». С учетом двумодальной структуры мотивации среди эмоционально-оценочных речевых действий мы выделили в первую очередь речевые действия, связанные непосредственно со значимостью веры (всего 17). Затем были выявлены положительные и отрицательные эмоционально-оценочные речевые действия, связанные, с одной стороны, с надеждой и облегчением, с другой – со страхом и разочарованием (всего 137). Их содержание представлено в таблице 1.

Семантический анализ содержания анализируемого компонента позволяет говорить о доминантной отрицательной эмоции презрения и разочарования, связанной, с одной стороны, с чувством обмана (33 %), с другой – с чувством бесполезности (19 %) и собственно разочарования (4 %). О достаточно сильной эмоции презрения нам позволяет говорить использование в речевых действиях таких аффективов как *бесмыслица, бред, впустую, маразм, фанатики, чушь*; а также эмотивов: *бесполезность, бессмысленна, глупость, заблуждение, лишнее, ложь, обман, фанатизм; панацея, пережиток, пережиток прошлого*. На наш взгляд, взаимосвязанными, выражающими эмоцию страха являются

речевые действия *ненависть, страх, фанатизм и фанатики*. Единичные речевые действия эмоционального характера *отчаяние и ограничение, нейтрально* в связи с понятием «вера», несмотря на сложность их интерпретации вне связи с актуальным предметным содержанием нельзя, связаны так или иначе с чувством неудовлетворенности. С чувством неудовлетворенности и безнадежности связаны и частотные речевые действия, утверждающие, что веры нет.

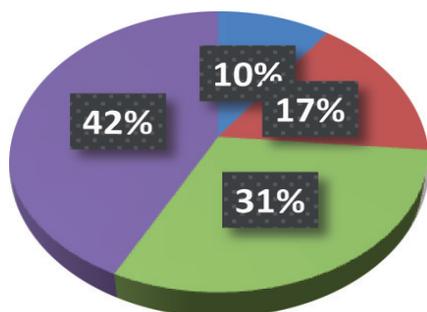
Таблица 1

Содержание эмоционально-оценочных речевых действий

Эмоции ожидания, связанные с надеждой (всего 61 реакция)	Эмоции ожидания, связанные с разочарованием (всего 76 реакций)
<p>Утверждение, что вера есть (всего 5): <i>есть 2; да; одна; не умирает</i></p> <p>Положительная эмоция и оценка (всего 47): <i>сила 14; мечта 4; свет 4; поддержка 2; щит 2; добро; доброта; искренняя; плюс; победа; поклонение; покой; помогает; поможет; понимание; радость; светлый; силы; сильная; стимул; счастье; тепло; удача; успех, Бог; успокоение; power; Наша.</i></p> <p>С модальностью сомнения (всего 8): <i>а почему нет; вопрос; вопросы; неоднозначно; сомнение; сомнения; странный предмет; только не религиям</i></p>	<p>Утверждение, что веры нет (всего 25): <i>нет 14; не верю 3; Бога нет 2; отсутствие 2; неверие; невозможна; не во что; потеря</i></p> <p>Отрицательная эмоция и оценка (всего 51): – <i>ложь 13; обман 5; заблуждение 3; панацея; самообман; сказка;</i> – <i>глупость 4; бессмысленна 2; бред 2; бесполезность; бессмыслица; впустую; лишнее; маразм; опиум; попы; чушь;</i> – <i>пережиток; пережиток прошлого; разочарование;</i> – <i>ненависть; стадо; страх; фанатизм; фанатики;</i> – <i>ограничение;</i> – <i>отчаяние;</i> – <i>нейтрально</i></p>

Содержание эмоционально-оценочных речевых действий положительного характера выражает эмоцию удовлетворения и счастья. И что более важно, реализуют связи как с актом веры, так и с ее содержанием. Интересным представляется самая частотная реакция *сила*, которая вовсе отсутствует в ассоциативном поле *веры* в «Русском ассоциативном словаре» и Русской региональной ассоциативной базе данных [Русский ассоциативный словарь URL; Русская

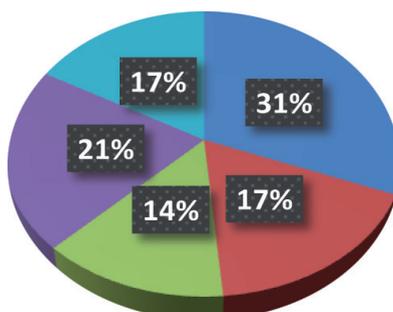
региональная ассоциативная база данных URL], но заметно присутствует в проанализированных нами ранее ассоциативных полях *успеха* и *свободы* в Двухязычном ассоциативном словаре базовых ценностей [Пищальникова 2020]. Мы полагаем, что слово *сила* требует специального изучения в связи с его актуализацией в эмоциональной речевой деятельности молодых людей. Важно выяснить, формируется ли «культ силы»; каково содержание аксиологического понятия «сила», его побудительная сила и какое место оно занимает в ценностносмысловом комплексе современных молодых людей. Важный для нас момент связан с отказом от ассоциирования. С учетом специфики уникального понятия «вера»? вслед за В. В. Библихиным, мы интерпретируем отказы (всего 29) как «молчание» [Библихин 2016, с. 168] и рассматриваем их как выражающие скорее значимость *веры*, чем наоборот.

- Значимость (нейтральная оценка)
- Значимость (отказы)
- Положительная эмоция и оценка
- Отрицательная эмоция и оценка

Рис. 1.

Структура эмоционально-оценочного компонента актуального психологического значения «веры»

- Понятийный компонент
- Эмоции и оценка
- Предметное содержание (речевые операции)
- Другие ассоциации
- Представления

Рис. 2.

Структура актуального психологического значения веры

Принципиально важным для нас было выявить в содержании речевых действий, связанных с верой, эмоции и оценки, направленные на «другого». Такими речевыми действиями нам представляются

реакции: *добро, доброта, поддержка, помогает, поможет, тепло* (всего 7). Полученная в результате анализа структура эмоционально-оценочного компонента представлена на рисунке 1.

В общей структуре психологического значения рассматриваемого понятия эмоционально-оценочный компонент занимает 21 %, а понятийный – 31 %, что показано на рисунке 2.

При этом 95% «понятийных» речевых действий реализуют связь с содержанием веры, а содержание мотивационного компонента имеет ярко выраженный противоречивый характер. Добавим к этому, что почти 1/3 (23%) полученной нами структуры занимают непсихологические реакции. Однако и они связаны именно с содержанием, а не с актом веры. Согласно деятельностной теории мотивации, отрицательным эмоциональным переживанием сопровождается состояние неудовлетворения потребности, которое приводит к наличию «активно-действенного момента» [Асеев 1976]. Следовательно, нам следует понять, как соотносится эмоциональное состояние неудовлетворенности значимой потребности в вере с содержанием других компонентов актуального психологического значения.

В «предметном содержании» были выявлены самые частотные речевые операции, которые не были сопряжены с «содержанием веры». Это типичная речевая операция – *вера в себя* (46). Другие речевые операции связаны с «общей верой» (всего 27), *в Бога* 20; *в чудо* 2; *в богов*; *в высшее*; *в Христа*; *в христиан*; *в чудеса*, а также с верой: *в лучшее* (18); *в успех* (13); *в будущее* (9); *в людей* (5); *в любовь* (2). Наконец, единичные речевые операции представлены в реакциях: *в голове*; *в добро*; *в дружбу*; *в Ленина*; *в науку*; *во всё*; *в Россию*; *в святое*; *в семью*; *в силы*; *в судьбу*; *в цель* (всего 12).

Итак, содержание речевых операций условно можно разделить на три составляющих, которые соответствуют лингвистическим и концептологическим характеристикам анализируемого понятия. Так, актуальное субъективное проявление веры у наших испытуемых основано на выражающей субъектное отношение к себе и другому (реакции: *в себя, в людей*) направленности «акта веры». С другой стороны, «объективированная» вера проявляется через «признание» общей веры, ее содержания (реакции: *в Бога, в чудо, в богов* и др.). Другие выявленные нами социальные нормы проявления веры связаны не с процессом, но фиксированными в языке результатами социальной «общей веры». Так

мы интерпретируем такие частотные речевые операции, как (*вера*) в лучшее, в будущее, в успех, а также в Ленина, в науку. Легко объяснимыми представляются единичные речевые операции, реализующие обусловленные сущностью веры связи с другими ценностями – любовью, дружбой, добром, семьей и Россией. Проявлением известного «мистического» опыта веры, фиксированного в языке, является устойчивое словосочетание *верить в судьбу*, которое нашло выражение в нашем исследовании в единичной реакции *в судьбу*. И наконец, нетипичные речевые операции (*вера*) в голову и (*вера*) в цель, на наш взгляд, тесно связаны с самой частотной в анализируемом компоненте типичной операцией (*вера*) в себя, которую мы рассматриваем как проявление актуальной психологической (социальной) веры, смысл которой, если судить по исследованиям в области практической психологии, состоит в осознанной установке целей для более эффективной самореализации личности. Хотя утверждать, что проявившаяся в нашем анализе *вера в себя* не является «актом веры», а только условием действия, мы не можем.

Таким образом, в механизме речевых операций, связанных с верой, мы обнаруживаем языковые социальные нормы, обусловленные как культурно-историческим, так и актуальным содержанием потребностей. При этом, мы опять же видим в их содержании наличие двух концептуальных начал веры – «мистического» и «догматического», однако лежащую в их основе «направленность на другого» находим только в нечастотных речевых операциях, связанных с близкими, по своей сути, с верой духовными концептами, внутренняя форма которых подразумевает отношения между двумя и более субъектами.

В итоге у нас остались непроанализированными представления о вере, которые мы распределили по следующим смысловым группам, взяв за основу разделение на «акт веры» и «содержание веры». Рассмотрим первую группу представлений (всего 47 реакций): вера как доверие: *бабушка* – 3; *дружба* – 3; *дочь* и др. (всего 19); вера и истина: *истина* – 5; *правда* – 5; *смысл* и др. (всего 14); вера и христианские добродетели «духовного пути» (деятельностное содержание веры): *воспитание*; *путь* и др. (всего 10); вера как акт воли: *жизнь* – 2; *верность* и *свобода* (всего 4).

Несмотря на то, что связь истины и известных христианских добродетелей с содержанием религиозной веры, которая

реализуется в речевых действиях наших испытуемых, неоспорима, мы рассматриваем эту связь не как формальную, а функциональную, выражающую уверенность в содержании веры, а именно, в ее волевом характере. Такую же волевою направленность имеют речевые действия, связанные с именами конкретных людей. Они выражают, безусловно, не «абстрактную» веру, а «универсальное» личностное ее содержание – доверие.

В отличие от первой группы, представления во второй группе, количество которых больше первых почти в три раза, имеют скорее формальный характер (всего 125). Так, в основе следующих речевых действий лежат: символы и атрибуты веры: *крест; Иисус; чудо* и др. (всего 53); «историческая» вера: *выбор; у каждого своя; управление; плюрализм* и др. (всего 26); «психологическая» вера: *душа; чувство; гармония; внушение* и др. (всего 19); антропоцентрическое содержание веры: *люди; личное; своя* и др. (всего 13); материальное содержание веры: *деньги; бизнес* и др. (всего 7); вера как упование: *ожидание; спасение* и др. (всего 5); «космическое» содержание веры: *вселенная; космос* (всего 2).

Таким образом, в «абстрактных» речевых действиях мы находим актуальное социально детерминированное содержание веры. В соответствии с поставленными нами задачами, для нас особый интерес представляют речевые действия, направленные в связи с верой на «другого». Они представлены в содержании первой группы, которое выражает субъект-субъектные отношения. Отношение к вере, выраженные в речевых действиях во второй группе, носит пассивный субъектно-объектный характер. Мы затрудняемся интерпретировать однозначно как «направленные на другого» реакции *дух, духовность* и *духовное* (всего 9), поэтому выделяем их в отдельную группу, но рассматриваем как выражающие религиозное содержание веры.

Выводы

Как мы выяснили ранее, общая мотивационная значимость анализируемой ценности выражает яркие противоположные эмоции признания и обмана, даже презрения. При этом в содержании условий речевой деятельности, связанной с понятием веры, мы выявили преобладание действий, представляющих содержание веры. Показательно,

что такие личностные элементы «идеального содержания» веры, как уверенность или доверие, не актуальны в концептуальной сфере наших испытуемых. Но именно на доверии основаны индивидуальные представления о вере, в которых, как нам кажется, имеется признак духовности – «направленность на другого».

В содержании установок, заданных объективированными речевыми операциями, мы видим механизм, направленный на волевой «акт веры». Три четверти установок на активность направлены на достижение чувства уверенности. В содержании речевых операций актуализирована потребность в «психологической» вере. Объектное отношение к предмету веры и стремление в отношении себя как субъекту веры при абсолютном доминировании в концептуальной сфере формальных признаков «содержания веры» свидетельствуют о кризисе духовности, а именно, о культурно-исторически обусловленной «ценностной несостоятельности» самого механизма функционирования речевой деятельности, связанной с понятием «вера». Конфликт между социально детерминированными нормами, в содержании которых уже закреплены отношения противостояния между сущностью и актом веры, и актуальными психологическими устремлениями и находит выражение в характере эмоционально-оценочного компонента анализируемого понятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абульханова-Славская К. А.* Типология личности и гуманистический подход. [Abul'hanova-Slavskaya, K. A. Tipologiya lichnosti i gumanisticheskij podhod (Personality typology and humanistic approach). (In Russ.)] URL: <http://www.rubinstein-society.ru/engine/documents/document77> (дата обращения: 1.11.2020).
- Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. [Aseev, V. G. (1976). Motivaciya povedeniya i formirovanie lichnosti (Behavior motivation and personality formation). Moscow: Mysl'. (In Russ.)].
- Бабаева Е. В.* Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. [Babaeva, E. V. (2004). Lingvokul'turologicheskie harakteristiki russkoj i nemeckoj aksiologicheskikh kartin mira (Linguocultural characteristics of the Russian and German axiological picture of the world): abstract in PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)].

- Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. [Berdyayev, N. (2006). O rabstve i svobode cheloveka (About slavery and human freedom). Moscow: AST : AST MOSKVA : HRANITEL. (In Russ.)].
- Бибихин В. В. Мир. Язык философии. СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. [Bibihin, V. V. (2016). Mir. YAzyk filosofii (*World. The language of philosophy*). St. Petersburg: Azbuka : Azbuka-Attikus. (In Russ.)].
- «Другой» как опыт духовности. [«Drugoj» kak opyt duhovnosti («Another» as an experience of spirituality). (In Russ.)]. URL: https://psyjournals.ru/crpp/2005/29983_full.shtml (дата обращения 1.11.2020).
- Климова Н. В. Структурная модель духовности как психологического феномена. [Klimova, N. V. Strukturnaya model dukhovnosti kak psikhologicheskogo phenomena (The structural model of spirituality as a psychological phenomenon). (In Russ.)]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN616.pdf> (дата обращения 1.12.2020).
- Ильичева И. М. Психология духовности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. [Ilicheva, I. M. (2003). Psihologiya duhovnosti (The psychology of spirituality): abstract in PhD in Psychology Moscow. (In Russ.)].
- Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения. [Leont'ev, A. A. Psiholingvisticheskij aspekt yazykovogo znacheniya (The psycholinguistic aspect of linguistic meaning). (In Russ.)]. URL: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/13.pdf> (дата обращения 01.03.2020).
- Лосский Н. О. Характер русского народа. М.: Ключ, 1990. [Losskij, N. O. (1990). Harakter russkogo naroda (The character of the Russian people). Moscow: Klyuch (In Russ.)].
- Пищальникова В. А. Концептуальный анализ художественного текста: учеб. пособие. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1991. [Pishchal'nikova, V. A. (1991). Konceptual'nyj analiz hudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie (The conceptional analysis of fiction text: a study guide). Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)].
- Пищальникова В. А. и др. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / под общ. ред. В. А. Пищальниковой. М.: Спутник+, 2020. [Pishchal'nikova, V. A. at al. (2020). Dvuyazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej (Bilingual Association Dictionary of Basic values). V. A. Pishchal'nikova (ed.). Moscow: Sputnik+. (In Russ.)].
- Русский ассоциативный словарь. [Russkij associativnyj slovar' (Russian Associative Dictionary) (In Russ.)]. URL: <http://thesaurus.ru/dict> (дата обращения 1.11.2020).
- Русская региональная ассоциативная база данных. [Russkaya regional'naya associativnaya baza dannyh (Russian regional associative basadate) (In Russ.)]. URL: <http://adictru.nsu.ru/dict#> (дата обращения 1.11.2020).

- Степанов. Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2001. [Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience). Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)].
- Теория установки. [Teoriya ustanovki (The Theory of Attitudes). (In Russ.)]. URL: <https://psyfactor.org/hist/uznadze-2.htm> (дата обращения 1.11.2020).
- Шаховский В. И.* Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. [Shahovskij, V. I. (2016). *Emocii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* (Emotions: Prelinguistics, Linguistics, Cultural linguistics). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)].

И. А. Бубнова

профессор, доктор филологических наук
заведующая кафедрой зарубежной филологии
Московского городского педагогического университета
aribubnova@gmail.com

**«НОМО SOVETICUS»: СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(на материале ассоциативного эксперимента)**

В статье представлены результаты пилотажного психолингвистического исследования, целью которого являлось изучение представлений о советском модельном типе личности в сознании разных поколений граждан России. Выявление социального стереотипа осуществлялось в ходе ассоциативного эксперимента, направленного на исследование психологической структуры значения (по А. А. Леонтьеву) словосочетания «советский человек». Полученные данные подтверждают взаимосвязь между существующим в обществе социальным стереотипом и фрустрированными потребностями в идеях, придающих смысл жизни, «идентификационной спутанностью», заключающейся в неспособности личности определить свою моральную и национальную идентичность, а также отсутствием «образа будущего», связанного с традициями и культурой своего народа.

Ключевые слова: социальный стереотип; «homo soveticus»; психологическая структура значения; фрустрированные потребности; «идентификационная спутанность».

I. A. Bubnova

Professor Doctor of Philology (Dr. habil)
Head of Foreign Philology Chair
Moscow City University
aribubnova@gmail.com

**“НОМО SOVETICUS”: SPECIFICITY OF THE SOCIAL STEREOTYPE
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

The article interprets the results of a pilot psycholinguistic experiment aimed at studying the content of the Soviet model personality type as it is presented in the minds of different generations of Russian citizens. The social stereotype was identified by means of an associative experiment aimed at studying the psychological structure of the meaning (according to A. A. Leontiev) of the phrase Soviet man. The obtained data confirm the existence of a relationship between the social stereotype in society and frustrated needs for ideas that give meaning to life, “identification confusion”, which means the inability of the individual to define his moral and national identity, as well as the absence of an “image of the future” associated with the traditions and culture of the people.

Key words: social stereotype; “homo soveticus”; psychological structure of meaning; frustrated needs; “identification confusion”.

Введение

Несмотря на то что со дня исчезновения Советского Союза с политической карты мира прошло тридцать лет, аббревиатура СССР остается символом, до сих пор вызывающим в обществе различные, причем часто прямо противоположные, эмоции и оценки. В связи с этим интерес к существовавшим в XX в. типу общественно-политического устройства и качествам человека, обозначаемого сегодня как «homo soveticus», растет и в гуманитаристике – истории, философии, политологии, социологии, психологии. При этом многие ученые, отмечая современную тенденцию к замещению в общественном сознании исторического образа советского человека сложно идентифицируемым термином «совок», который активно продвигается через дилетантские оценки при помощи массмедиа, считают, что в научном осмыслении концепта «советский», типа советского человека, могут помочь лингвистические работы, где существуют специальные методы и методики, позволяющие, во-первых, проследить динамику формирования и развития понятий, составлявших основу советского социального пространства, и, во-вторых, выявить факторы, определяющие отношение современных жителей России к феномену «советскости».

Очевидно, что в современной лингвистике такой областью является прежде всего психолингвистика, с позиций которой мы и попытались рассмотреть данную проблему.

Методология, методика и процедура исследования

Цель исследования – изучение представлений современных носителей русской лингвокультуры, принадлежащих к разным поколениям и, соответственно, имеющих различный субъективный опыт, о модели советского типа личности. В гуманитарных науках подобные представления определяются как социальные стереотипы, под которыми понимаются схематичные модели, обусловленные культурой, позволяющие человеку не только упорядочить окружающую реальность, связав увиденное с известными идеями, но и экономить усилия при восприятии сложных социальных феноменов. Важнейшая роль системы стереотипов состоит в том, что они служат гарантией самоуважения,

обеспечивают безопасность человека и «могут быть ядром личной традиции, защитой нашей позиции в обществе»¹ [Lippman 1966, с. 95]. С точки зрения психолингвистики данное предвзятое, не просто заменяющее беспорядочное восприятие реальности на упорядоченное представление о ней, но и наполненное чувствами восприятие людей, событий или явлений отражено в смысловом содержании слова, которое выявляется через исследование психологической структуры значения – сложной, лабильной, постоянно изменяющейся под влиянием различных внешних и внутренних факторов в системе эквивалентов психологических взаимосвязей слов [Леонтьев 1971].

Методологической основой исследования являлись:

1) основные положения культурно-исторического подхода [Выготский 2004];

2) разработанные в общепсихологической теории деятельности идеи о двойственности существования значений в индивидуальном сознании, а также о потребности (в широком смысле, включая высшие) как негативном состоянии нужды и мотиве, представляющем собой материальный или идеальный предмет потребности, который воспринимается чувственно или дан только в мысленном плане. Важно, что мотив, как правило, не осознаваемый субъектом, тем не менее всегда входит в его сознание, отражаясь в результатах деятельности и придавая ей личностный смысл [Леонтьев 1984; Леонтьев 2004];

3) положения о слове как «превращенной форме деятельности», представленной в сознании человека комплексной структурой, включающей в себя различные формы и уровни отражения объекта познающим мир субъектом, и психологической структуре значения как системе «ассоциативных связей слов... то есть его ассоциативной структуре» [Леонтьев 1971, с. 11], развитые в рамках отечественной психолингвистики.

Основной методикой исследования явился свободный ассоциативный эксперимент (АЭ) со стандартной инструкцией, стимулом при проведении которого послужило словосочетание «советский человек».

Здесь следует подчеркнуть, что использование словосочетаний в психолингвистических экспериментах является достаточно типичной процедурой, причем полученные реакции (отдельные слова и высказывания) могут анализироваться как результаты не только ассоциативного,

¹ Зд. и далее перевод наш. – И. Б.

но и проективного экспериментов, что позволяет выявлять мотивы, «скрытые» за словом. Наибольший интерес для исследователя в данном случае представляют парадигматические реакции, актуализирующиеся с повышением сходства семантического значения, а также реакции, связь которых не очевидна для внешнего наблюдателя, так как именно они обусловлены деятельностным, отношенческим контекстом, и поэтому являются наиболее содержательными.

Респондентами в исследовании стали студенты вуза ($n = 25$, средний возраст 23 года) и люди, получившие образование и прошедшие социализацию в советское время ($n = 25$, средний возраст 48 лет).

Полученные в группах ассоциативные реакции (АР) ранжировались по частоте, частотные АР (употребленные не менее 3 раз), которые рассматриваются в психологии как высокоинформативные в групповом ассоциативном эксперименте в силу низкой вероятности случайного выбора для испытуемых с нормальным развитием речи, послужили материалом для построения ассоциативных семантических универсалий стимула «советский человек» в исследуемых группах. Семантические универсалии в каждой из групп анализировались качественно и затем сравнивались между собой.

На заключительном этапе выявлялась условная групповая мера выраженности наиболее частотных параметров описания стимула «советский человек», а также мера семантической близости ассоциативных полей в исследованных группах.

Результаты и их обсуждение

Всего в ходе эксперимента было получено 206 АР, из них в группе взрослых – 107 АР, в группе студентов – 99 АР.

В группе взрослых первой по рангу частоты была реакция труженик (10), эксплицитно выражающая отношение к типу личности, существовавшему в советский период.

Весьма информативными с точки зрения отраженной в них эмоции и оценки оказались АР, близкие к ядру и получившие ранг частоты 2–5 – патриот (4), стабильный (4), идеал морали и трудолюбия (4), пионер (4), а также следующие за ними реакции с рангом частоты 5–8 – честный (3), коммунист (3), уверенность в завтрашнем дне (3), светлое будущее (3).

В целом проведенный эксперимент показал, что в ассоциативном поле стимула советский человек явно выделяется ядро и ближайшая

периферия, причем АР, образующие их, носят положительный характер. Более того, позитивное отношение к исследуемому модельному типу (единственное исключение – АР *послушный*, которая может интерпретироваться и в отрицательном ключе) отражается и АР, образующими дальнюю периферию (ранг частоты 6–24) – *строитель коммунизма* (2), *энтузиаст* (2), *идейный* (2), *комсомолец* (2) *добросовестный* (2), *мир, труд, май* (2), *идеология* (2), *доверчивый* (2), *наивный* (2), *послушный* (2), *душевный* (2), *дружная семья* (2), *рабочий* (2), *звучит гордо* (2), *равенство* (2), *коллективизм* (2).

Негативные реакции – это единичные АР с рангом частоты 25–60: *дефицит*, *талоны*, *совок*, *заложник системы*, *загнанный в рамки*, *наивный дурак*, *обязан ходить на демонстрацию от завода, всё принимающий и безотказный*. Число этих АР составляет 9,6% от общего количества единичных АР, т. е. оно относительно невелико, а доминируют в этой группе также реакции комплиментарного характера, многие из которых одновременно содержат эксплицитное либо имплицитное сравнение с человеком сегодняшнего дня: *новая общность людей разных национальностей*, *интернационалист*, *духовный*, *проживающий на своей родине (люди не уезжают в другие страны для заработка)*, *жил для блага общества и людей*, *социально защищен*, *основная масса не воровала*.

Из 107 АР, полученных в ходе эксперимента, в групповую семантическую универсалию стимула «советский человек» вошли следующие реакции (38): *труженик* (10), *патриот* (4), *стабильный* (4), *идеал морали и трудолюбия* (4), *пионер* (4), *честный* (3), *светлое будущее* (3), *уверенность в завтрашнем дне* (3), *коммунист* (3).

Таким образом, полученные АР не дают оснований утверждать, что современный социальный стереотип «советский человек» включает в себя только представления о его жизни как борьбе за выживание и погоней за дефицитом: реакция *дефицит* единична и присутствует в паре с реакцией *талоны*, так что они, скорее, относятся к воспоминаниям о периоде конца восьмидесятых [Фицпатрик 2001]. В фокусе внимания респондентов, социализация которых проходила в советский период, оказываются не воспоминания о неудовлетворенных тогда материальных потребностях, а духовно-нравственные качества и характеристики социальной жизни советского человека, которые отсутствуют в современной реальности, но личностно значимы для испытуемых.

В *группе студентов* было получено 99 АР, первой по рангу частоты оказалась реакция *трудяга* (6).

Ближняя периферия амбивалентна и представлена небольшим числом АР с рангами частоты 2 – *ответственный* (4) и 3–4 – *счастливый* (3), *постоянный страх (перед правительством)* (3), *преданный* (3), *серый* (3).

Таким же противоречивым оказался и ряд АР, получивший ранг частоты 5–15: с одной стороны, *честный, идейный, коммунист, высокие моральные нормы, любящий свою страну и верящий своему государству, уверенный в будущем и завтрашнем дне*, а с другой – *дефицит, жертва, ограниченный, боязливый, подчиненный советской идеологии*, однако и в данном случае, как и в слое АР, расположенном в непосредственной близости к ядру, количество негативных АР меньше, чем положительных.

Единичные положительные ассоциации (общее количество 44) также превышают по своему количеству отрицательные. Важно отметить целый ряд таких АР, которые включают в себя не просто оценку, но отображают некий общий фон знаний о советском периоде: *Шостакович, «Летят журавли», гуманизм, гражданин СССР, который воспринимает себя частью большой страны, которая растет и процветает благодаря совместному вкладу всех граждан этого государства* и т. д., причем значительная их часть, как можно предположить, определяется субъективным опытом, полученным в ближайшем социальном круге, что косвенно подтверждается следующим ассоциативным рядом: *как мой батя, бабуля, дедушка, все общаются и дружат дворами*.

Явно негативная оценка стимула «советский человек», переданная АР: *зажат рамками правил и общественных взглядов, бедность, голодающий, вороватый, хамоватый, слепой трутень, глупый, устаревший, красный*, – напоминает определенный список «общеизвестных» фактов, транслируемых через массмедиа, и отсылает к известному замечанию Ж. Бодрийера о «наименьшей общей культуре» – той типичной современной ситуации, когда человек, «потребляя» информацию, не осуществляет свой выбор, так как этот выбор (в данном случае – выбор реакции) предопределен обществом [Бодрийер 2020].

Двойственная оценка советского человека, отраженная АР, полученным в группе студентов, определила и контрадикторный характер

ассоциативной универсалии: *трудога* (6), *ответственный* (4), *счастливый* (3), *преданный* (3), *серый* (3), *постоянный страх перед правительством* (3), вполне объяснимый противоречивой информацией, получаемой современными молодыми людьми из самых разных источников.

Сравнительный анализ ассоциативных полей, отражающих психологически реальное значение словосочетания «советский человек» в исследуемых группах, позволил также выявить условную групповую меру выраженности наиболее ярких параметров описания.

Так, в группе взрослых ассоциативное *трудолюбие* советского человека равно 0,4: *патриотизм*, *моральность* и *стабильность* – 0,16, *уверенность в завтрашнем дне*, *в светлом будущем*, *честность* – 0,12, *энтузиазм* – 0,08.

В группе молодежи ассоциативное *трудолюбие* советского человека равно 0,24: *ответственность* – 0,16, *счастливость*, *страх*, *серость* и *преданность* – 0,12, *дефицит*, *уверенность в завтрашнем дне*, *честность* – 0,08.

Здесь обращают на себя внимание два момента. Во-первых, практически при полном совпадении оцениваемых параметров, их групповая оценка у студентов в два раза ниже, чем у взрослых людей, иными словами, последние считают советского человека более *трудолюбивым*, *патриотичным*, *честным* и *уверенным в завтрашнем дне*. Во-вторых, именно в группе студентов выявляются такие характеристики советского человека, как *счастливость* и *преданность*, хотя следует отметить, что наряду с ними студенты выделяют *страх* и *серость*, которые имеют такую же меру выраженности.

Однако наиболее неожиданными оказались данные, полученные в ходе выявления меры семантической близости ассоциативных полей, определяемой их пересечением. Из 206 полученных реакций в обеих группах общими оказались 100 АР: *труженик (трудога)*, *идеал морали (высокие моральные нормы)*, *уверенность в завтрашнем дне (уверенный в будущем)*, *идейный*, *патриот*, *духовный*, *честный*, *интернационалист (дружественно относящийся к другим народам)*, *новая общность людей разных национальностей (мультикультурен и многоязычен)*, *дружелюбный*, *равенство*, т. е. мера семантической близости ассоциативных полей оказалась равна 0,48.

Таким образом, несмотря на тот факт, что респонденты, входящие в исследованные группы, относятся к разным поколениям, их

ассоциативные поля, т. е. структуры психологически реального значения, оказываются достаточно близкими, следовательно, социальный стереотип советского человека разделяется значительным числом современных носителей русской лингвокультуры. Именно это обстоятельство объясняет отмечаемую многими исследователями ностальгию всего общества, и не только представителей старшего поколения, по советскому периоду жизни, связанную, как можно предположить, с глубинными неосознаваемыми мотивами и потребностями, которые сегодня оказываются фрустрированными как у тех, кто жил в советское время, так и у рожденных уже в новом веке – высшими потребностями в идеях, придающих смысл жизни, в уверенности в завтрашнем дне, в чувстве принадлежности к какому-то общему делу и будущему всей страны. Именно эти скрытые потребности, как показывают результаты, а не «борьба за дефицит», за выживание, зависть и ущербность оказываются основными характеристиками и мотивами деятельности человека не только советского, но и современного [Фицпатрик 2001; Лебина 2006; Гудков 2007].

Заключение

Подводя краткие итоги выскажем предположение, что выявленный в ходе исследования, выполненного в рамках психолингвистики, социальный стереотип «советского человека» как человека, живущего не только обыденной жизнью, но и высшими идеями, который пока доминирует в сознании разных поколений, может объясняться психологическим конфликтом, связанным непосредственно с культурой и человеческим «Я», с «идентификационной спутанностью», заключающейся в неспособности личности определить свою моральную и национальную идентичность, имеющую, как считает Э. Эриксон, функцию коллективного эго [Эриксон 1996]. И это состояние, определяемое многими современными учеными как ностальгия по прошлому, связано, скорее, не с прошлым, а с утраченной мечтой о будущем, с поисками истинных жизненных смыслов, берущих начало в родной культуре, которые не могут быть заменены миром бессмысленных знаков, не имеющих содержания.

Подчеркнем, что данное предположение в настоящее время может рассматриваться лишь как гипотеза, требующая подтверждения либо опровержения как в силу глобального характера самой затронутой проблемы, так и по причине нехватки экспериментальных данных.

Тем не менее представляется, что проведенный пилотажный эксперимент достаточно убедительно показывает возможности психолингвистики в изучении данного вопроса, поэтому широкие комплексные исследования смыслового содержания феномена «советский» в массовом сознании в психолингвистическом аспекте, которые могут внести весомый вклад в понимание происходящих процессов, еще впереди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: АСТ, 2020. [Baudrillard, J. (2020). *Obshchestvo potrebleniya* (Consumer society). Moscow: AST, 2020. (In Russ.)].
- Выготский Л. С.* Психология развития человека. М.: Смысл : Эксмо, 2004. [Vygotsky, L. S. (2004). *Psikhologiya razvitiya cheloveka* (*Human developmental psychology*). Moscow: Smysl : Eksmo, 2004. (In Russ.)].
- Гудков Л. Д.* «Советский человек» в социологии Ю. Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30. [Gudkov, L. D. (2007). “Soviet man” in the sociology of Yuri Levada). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 6, 16–30. (In Russ.)].
- Лебина Н. В.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. [Lebina, N. V. (2006). *Entsiklopediya banal'nostey: Sovetskaya povsednevnost': Kontury, simvol'y, znaki* (Encyclopedia of Platitudes: Soviet Everyday Life: Outlines, Symbols, Signs). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)].
- Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука. 1971. С. 6–28. [Leont'ev, A. A. (1971). *Psikhologicheskaya struktura znacheniya* (Psychological structure of meaning). *Semanticheskaya struktura slova* (pp. 6–28). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл : Академия, 2004. [Leontiev, A. N. (2004). *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* (Activity. Consciousness. Personality). Moscow: Smysl. Akademiya. (In Russ.)].
- Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы и эмоции // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вильюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: МГУ. 1984. С. 162–171 [Leontiev, A. N. (1984). *Potrebnosti, motivy i emotsii* (Needs, motives and emotions). V.K. Vilyunasa, Yu. B. Gippenreyter (ed.). *Psikhologiya emotsiy. Teksty*. (pp. 162–171). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)].
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. [Fitzpatrick, Sh. (2001). *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod* (Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: City). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].

Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. с англ. А.А.Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Ленато : АСТ : Университетская книга, 1996.
[Erikson, E. G. (1996). *Detstvo i obshchestvo* : per. s angl. A. A. Alekseeva. 2nd ed., pererab. i dop. (Childhood and Society). St. Petersburg: Lenato : AST : Universitetskaya kniga. (In Russ.)].

Lippman W. Public Opinion. N. Y., 1966.

Макки Альберто

аспирант

кафедры общего и сравнительного языкознания

Московского государственного лингвистического университета

albimacchi08@hotmail.it

**СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТИ «FAMIGLIA»/«СЕМЬЯ»
В ИТАЛЬЯНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Объект исследования в работе – базовая ценность «famiglia»/«семья» как компонент содержания фрагмента картины мира итальянцев. Содержание ценности моделируется, во-первых, на основе сопоставления лексикографических источников, представляющих инвариантное значение лексемы *famiglia* как номинанта исследуемой базовой ценности. Во-вторых, психологически актуальное содержание ценности «famiglia» выявляется в эксперименте на основании анализа свободного ассоциирования на стимул *famiglia*. Сравнение лексикографических и экспериментальных данных позволяет установить релевантное для носителей итальянской культуры аксиологическое содержание исследуемой ценности как социальной структуры, связывающей людей брачными или родственными отношениями.

Ключевые слова: картина мира; базовая ценность; ассоциативное поле; слово-стимул; ассоциат; ядро поля; периферия поля; ценность «famiglia»/«семья».

Macchi Alberto

PhD Student

The Department of General and Comparative Linguistics

Moscow State Linguistic University

albimacchi08@hotmail.it

**THE SPECIFICITY OF THE VALUE “FAMIGLIA” / “FAMILY”
IN THE ITALIAN WORLDVIEW**

The article considers the basic value “famiglia (family) viewed as an important concept of the Italian worldview and a word “famiglia” with a cultural meaning. Firstly, the author compares lexicographical sources to model the content of the value “famiglia” with reliance on the meanings of the corresponding lexeme. Secondly, a free association experiment with the word used as a stimulus is conducted to identify the actual psychological component of the value “famiglia”. Comparison of the lexicographical and experimental data serves to identify the current axiological meanings of the value “famiglia” and to describe it as a social structure that unites people by marriage or family relationships.

Key words: worldview; basic value; associative field; stimulus word; associate; field core; field periphery; value; “famiglia” / “family”.

Введение

Цель статьи – на основе экспериментальных данных установить структурно-содержательную специфику базовых ценностей, обозначенных итальянской лексемой *famiglia* и русской *семья*. При этом лексемы рассматриваются как единицы, номинирующие ценности и являющиеся средством доступа к их содержанию.

Для достижения цели использован исследовательский алгоритм, разработанный в рамках теории речевой деятельности:

1) производится анализ значений изучаемых лексем на основе фундаментальных лексикографических источников;

2) осуществляется свободный ненаправленный ассоциативный эксперимент, по результатам которого;

3) моделируется ассоциативное поле;

4) ассоциаты классифицируются в соответствии с принятыми в психолингвистике принципами [Пищальникова 2020; Степыкин 2011; Хлопова 2018; Яо Чжипэн 2019; Пэй Цайся 2019];

5) устанавливаются актуальные признаки ассоциирования, выявляющие значимую для носителей языка содержательную специфику базовых ценностей [Пищальникова 2019].

Пилотный свободный ассоциативный эксперимент проведен с носителями итальянского языка в Университете Инсубрия (г. Комо) в 2019 году, с носителями русского языка – в том же году в университетах Москвы. В эксперименте участвовали студенты разных факультетов в возрасте от 17 до 27 лет (возраст сформированной речевой компетенции, по Ю. Н. Караулову) в количестве 331 человека (131 итальянец и 201 носитель русского языка). Всего на стимулы получено 982 реакции (388 в Италии и 594 в России), которые представлены в виде ассоциативных полей стимулов «*famiglia*»/«семья».

Теоретические основы и этапы исследования

Под картиной мира, вслед за В. фон Гумбольдтом, мы подразумеваем систему понятий, выработанных практикой использования языка как средства познания мира; фиксация в языке культурного опыта индивида и общества в виде понятий, определяющих жизнедеятельность индивида и общества. Базовые ценности – это представления о принципах и нормах социального существования человека, определяющие доминанты его мировоззрения.

Теоретической основой исследования служит теория речевой деятельности А. А. Леонтьева, в рамках которой соотношение стимула и реакции рассматривается как речевое действие [Леонтьев 1969]. Поэтому характер ассоциирования устанавливается на основе предикативных отношений между стимулом и ассоциатом [Пищальникова 2017]. Такие отношения являются основанием моделирования психологически актуального содержания аксиологических (ценностных) концептов, репрезентированных исследуемыми лексемами [Пищальникова 2020].

Лексема *famiglia* определяется в фундаментальных итальянских лексикографических источниках следующим образом:

1. Nucleo sociale composto da due o più persone legate dal vincolo del matrimonio o da rapporti di parentela (социальная ячейка, состоящая из двух или более людей, которых связывают брачные или родственные отношения) [Devoto, Oli 2016, с. 525].

1. Nucleo di persone formato da marito, moglie e figli che convivono nella stessa casa (ячейка, состоящая из мужа, жены и детей, которые совместно проживают в одном доме) [Decio C. Deagostini 2003, с. 506].

Обратим внимание на то, что в разных словарях, помимо инвариантных семантических признаков слова *famiglia*, выделяются и другие.

Дефиниционный анализ представленных определений лексемы *famiglia* позволяет заключить, что такими инвариантными признаками для носителей итальянского языка являются: (1) *совокупность людей*, (2) *связанных брачными* или (3) *родственными отношениями*.

К признакам, представленным в отдельных словарях, относятся (4) *семья как социальная основа общества*, (5) *проживание в одном доме*. Совокупность инвариантных семантических признаков образует понятное значение, ассоциируемое итальянцами с лексемой *famiglia*.

В ассоциативное поле лексемы *famiglia* условно включены реакции с частотностью от 5 и выше: *amore* (любовь) – 23, *casa* (дом) – 10, *unione* (союз) – 10, *felicita* (счастье) – 6, *figli* (дети, сыновья, дочери) – 6, *grande* (большая) – 5, *nucleo* (ядро) – 4, *nido* (гнездо) – 3, *sicurezza* (безопасность) – 3, *bambini* (дети) – 3, *protezione* (защита) – 3, *genitori* (родители) – 2, *importante* (важная) – 2, *affetto* (любовь, забота) – 4, *benessere* (здоровье) – 2, *gioia* (радость) – 2, *felice* (счастливый) – 3, *traguardo* (достижение), *sostegno* (опора), *scuola di vita* (школа жизни), *numerosa* (многодетная), *villa* (дом, вилла), *cani* (собака), *amici* (друзья), *preoccupazione* (переживание), *buona* (хорошая), *cena* (ужин), *garporto*

(отношение), *cerchio* (круг), *abbraccio* (объятие), *calore* (тепло), *numero* (число), *coppia* (пара), *fratelli* (братья), *sogno* (мечта), *vita* (жизнь), *cooperativa* (сообщество), *Francesco* (Франческо), *Riccardo* (Риккардо), *San. Giuseppe* (Святой Джузеппе), *parenti* (родственники), *fiducia* (доверие), *parentela* (родство) – 131/46/27/3 (см. рис. 1). Цифры 131/46/27/3, данные в конце перечисления ассоциатов, последовательно указывают на количество полученных анкет, на количество полученных реакций, на единичные реакции, на количество отказов.

Рис. 1. Состав ассоциативного поля «famiglia»

В ассоциативном поле, отражающем общие и индивидуальные ассоциации на стимул, в зависимости от частотности реакций выделяют ядро и периферию. Ассоциации отражают те или иные психологически актуальные для индивидов знания и отношения, связанные со стимулом.

В ядро ассоциативного поля лексемы *famiglia* (50,85% всех реакций) вошли следующие ассоциаты: *amore* (любовь) – 23, *casa* (дом) (10), *unione* (союз) – 10, *felicita* (счастье) – 10, *figli* (дети, сыновья, дочери) – 6, *grande* (большая) – 5.

Распределим ассоциаты ядерной зоны ассоциативного поля в соответствии с принятой нами классификацией по доминирующим признакам ассоциирования:

1) понятийные: *unione* (союз) – 10, *figli* (дети, сыновья, дочери) – 6 (13,56% от всех ассоциатов поля);

2) реакции-представления: *casa* (дом) – 10, *grande* (большая) – 5 (12,71% от всех ассоциатов поля);

3) эмоционально-оценочные: *amore* (любовь) – 23, *felicita* (счастье) – 6 (24,58% от всех ассоциатов поля).

Показательно, что в ядре поля значительную часть составляют эмоционально-оценочные реакции, актуализирующие состояние человека, воспринимающего стимул семья, и определяющим его доминирующую связь с любовью. Это свидетельствует о наличии эмоционально переживаемого личностного отношения к понятию, фиксированному словом *famiglia*.

В состав ближней периферии вошли реакции с частотностью от 2 до 5: *nucleo* (ядро) – 4, *nido* (гнездо) – 3, *sicurezza* (безопасность) – 3, *bambini* (дети) – 3, *protezione* (защита) – 3, *genitori* (родители) – 2, *importante* (важная) – 2, *affetto* (любовь, забота) – 4, *benessere* (здоровье) – 2, *gioia* (радость) – 2, *felice* (счастливый) – 3.

В ближней периферии представлены следующие признаки ассоцирования:

- понятийные: *nucleo* (ядро) – 4, *bambini* (дети) – 3, *genitori* (родители) – 2 (29,03% всех реакций);

- реакции-представления: *protezione* (защита) – 3, *sicurezza* (безопасность) – 3, *importante* (важная) – 2 (25,81% всех реакций);

- эмоционально-оценочные: *affetto* (любовь, забота) – 4, *felice* (счастливый) – 3, *benessere* (здоровье) – 2, *gioia* (радость) – 2 (35,48% всех реакций).

Подчеркнутый нами предикативный признак *nucleo* (социальное ядро) – 4 (в русском узусе – социальная ячейка) выделяется в качестве интегративного понятийного для лексемы *famiglia* не всеми словарями. Однако в реальной речевой деятельности этот признак актуализируется частотно (*nucleo* – самый частотный ассоциат периферической зоны поля), поэтому экспериментальные данные позволяют считать ассоциат *nucleo* психологически актуальным для носителей итальянского языка, следовательно, входящим в определенный фрагмент картины мира.

Реакции-представления акцентируют положительно оцениваемую важность семьи для носителей итальянской культуры, ее защитную функцию и ощущение безопасности, формирующееся у человека в семье.

Отметим, что количественно в исследуемом ассоциативном поле больше реакций, относящихся к группе эмоционально-оценочных, и это свидетельствует о том, что семья – психологически актуальная базовая ценность, обладающая аксиологической значимостью, которая вызывает у носителей культуры только положительное эмоциональное отношение.

Дальняя периферия ассоциативного поля включает следующие группы ассоциатов:

- понятийные: *amici* (друзья), *numerosa* (многочисленная), *rapporto* (отношение), *cerchio* (круг), *numero* (число, количество), *Coppia* (пара), *fratelli* (братья), *villa* (дом, вилла), *parenti* (родственники), *parentela* (родство) – 33,33% всех реакций;
- реакции-представления: *cooperativa* (сообщество), *abbraccio* (объятие), *traguardo* (достижение), *sostegno* (опора), *scuola di vita* (школа жизни), *cane* (собака), *cena* (ужин), *sogno* (мечта), *vita* (жизнь), *Francesco* (Франческо), *Riccardo* (Риккардо), *S. Giuseppe* (Святой Джузеппе) – 44,44%;
- эмоционально-оценочное: *buona* (хорошая), *preoccupazione* (переживание), *calore* (тепло), *amore* (любовь), *fiducia* (доверие) – 14,81%.

Среди реакций-представлений выделим единичный ассоциат *villa* – дом, который, вероятно, может быть частотным в материале большего объема. Наличие такого ассоциата подтверждает позицию лексикографов, выделяющих в значении лексемы-стимула *famigli* признак «совместное проживание в доме».

Коэффициент разнообразия реакций в исследуемом ассоциативном поле высокий – 0,37, что говорит (1) о частотности употребления лексемы *famiglia*, о том, что (2) семантические и грамматические связи слова воспроизводятся в отношениях стимул-реакция операционально. Очевидно, что наиболее устойчивы в количественном отношении в ядре ассоциативного поля эмоционально-оценочные реакции, что свидетельствует о психологической «присвоенности» значения слова и о важности концепта, обозначенного словом, для носителей итальянской культуры: эмоциональные реакции, как утверждают психолингвисты, говорят о значимости того или иного содержания, представляемого языковой единицей, в речемыслительной деятельности человека.

В ближней периферии эта закономерность подтверждается, но в дальней доминируют реакции-представления (тоже всегда

эмоционально значимые). Для установления более определенных закономерностей необходима бóльшая выборка экспериментальных данных, чтобы верифицировать полученные нами первоначальные результаты.

Вторым необходимым этапом анализа экспериментальных данных является анализ актуальных признаков, которые лежат в основе ассоциирования на слово *famiglia* и позволяют выявить общие тенденции предикации между стимулом и реакцией.

И в этом случае важным показателем значимости признака для носителей культуры остается частотность, поэтому мы представляем выделенные признаки в зависимости от этого параметра. Такой порядок анализа в перспективе позволяет более точно сравнивать признаки, характерные для носителей разных культур.

Представим выявленные признаки в соответствии с частотностью их проявления в ассоциатах:

(1) положительное эмоциональное отношение к семье: *amore* (любовь) – 23, *felicità* (счастье) – 6, *felice* (счастливейший) – 3, *benessere* (благополучие) – 2, *salute* (здоровье), *gioia* (радость) – 2 (30,50 %);

(2) члены семьи: *figli* (дети, сыновья, дочери) – 6, *bambini* (дети) – 3, *genitori* (родители) – 2, *amici* (друзья) – 2, *cane* (собака), *fratelli* (братья), *parentela* (родство), *parenti* (родственники), *Francesco* (Франческо), *Riccardo* (Риккардо) (15,25 %);

(3) семья как место совместного проживания, очаг: *casa* (дом) – 10, *nido* (гнездо) – 3, *villa* (вилла) (11,84 %);

(4) семья как отношение людей: *unione* (союз) – 10, *coppia* (пара), *rapporto* (отношение) (10,17 %);

(5) размер семьи: *grande* (большая) – 5, *numero* (число), *numerosa* (многочисленная) (5,93 %);

(6) положительные отношение к семье: *importante* (важная) – 2, *buona* (хорошая), *scuola di vita* (школа жизни), *vita* (жизнь) (4,24 %).

(7) семья как замкнутое сообщество: *nido* (гнездо) – 3, *cooperativa* (сообщество), *cerchio* (круг) (4,24 %);

(8) семья как защита: *protezione* (защита) – 3, *sicurezza* (безопасность) (3,40 %);

(9) семья как опора общества: *nucleo* – ядро (4) (3,39 %);

(10) формы проявления семейных отношений: *abbraccio* (объятие), *calore* (тепло), *fiducia* (доверие), *sostegno* (опора, поддержка) (3,39 %);

(11) семья как цель: *sogno* (мечта), *traguardo* (достижение) (1,69 %).

В единичных реакциях представлены и дополнительные признаки: (12) отрицательное отношение к семье: *preoccupazione* (переживание) (0,85%);

(13) традиции семьи: *cena* (ужин) (0,85%).

Выделяется и реакция, не поддающаяся однозначной интерпретации: *S. Giuseppe* (Святой Джузеппе).

Представим результаты проведенного анализа наглядно (рис. 2):

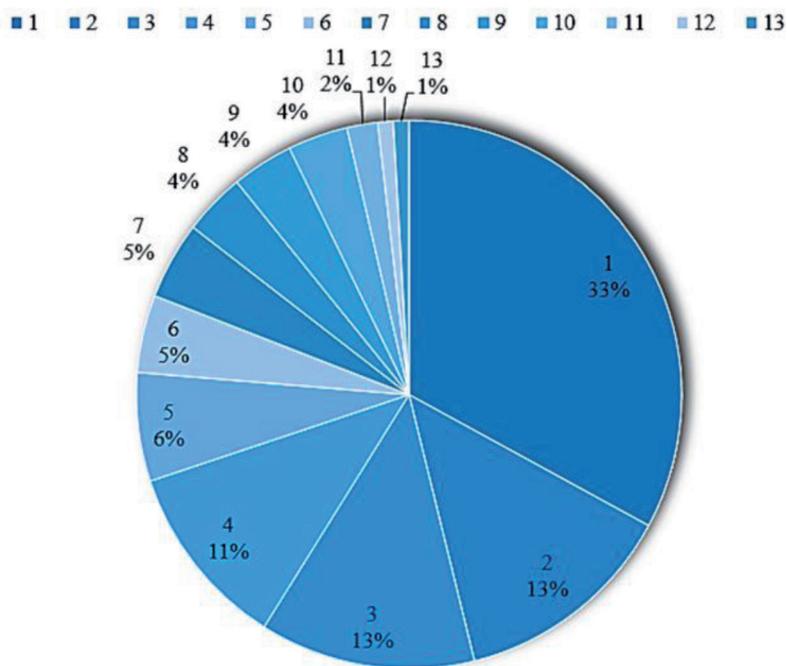

Рис. 2. Состав психологически актуальных признаков ценности «famiglia»

Заключение

Таким образом, представленная иерархия ассоциативных признаков, актуально связанных у исследованных носителей итальянского языка со стимулом «famiglia», позволяет сделать следующие выводы: наиболее частотно актуализируется исключительно положительное отношение к семье, что согласуется с культурологическими

и социологическими данными. Именно поэтому количественно на втором месте располагаются ассоциаты, так или иначе связанные с членами семьи, в том числе и имена конкретных людей, о чем говорят реакции – имена собственные. На третьем по частотности месте располагаются реакции, свидетельствующие о важности для итальянцев родного дома, «гнезда», в котором проживает семья как особый круг людей – родственников. И, наконец, к значимым частотным признакам относится «семья как специфическая социальная структура», что для итальянцев тоже оказывается важным, хотя, подчеркнем, этот признак фиксируется не всеми лексикографическими источниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Наука, 1969. [Leont'ev, A. A. (1969). *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* (Language, speech, speech activity). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 3 (832). С. 20–35. [Pishchal'nikova, V. A. (2020). Basic values: methodological problems of the psycholinguistic research. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (832), 20–35. (In Russ.)].
- Пищальникова В. А. Динамика базовых ценностей и речевая практика социума // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. С. 146–160. [Pishchal'nikova, V. A. (2017). *Dinamika bazovyh cennostej i rechevaya praktika sociuma* (Basic values dynamics and society speech practice). *Chelovek: Obraz i sushchnost'*, (pp. 146–160). (In Russ.)].
- Пищальникова В. А. Психолингвистическое исследование семантической подвижности слова // Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М.: Р.Валент, 2019. С. 5–62. [Pishchal'nikova, V. A. (2019). *Psiholingvisticheskoe issledovanie semanticheskoy podvizhnosti slova. Associativnyj eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki*. (Psycholinguistic research of the word's semantic mobility). *Associative experiment: psycholinguistic theoretical and practical perspectives*. (pp. 5–62). Moscow: R. Valent. (In Russ.)].
- Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Pej Cajsya, (2019). *Anticennost' «korrupciya» / «腐败» kak fragment yazykovoj kartiny mira russkih i kitajcev* (The anti-value “corruption” / “腐败” as Russian and Chinese worldview fragment): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

- Степыкин Н. И.* Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. [Stepykin, N. I. (2019). Sposoby strukturno-soderzhatel'nogo modelirovaniya lingvokul'turnogo koncepta (Meaning structure modelling of a linguocultural concept): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Хлопова А. И.* Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Hloпова, A. I. (2018) Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej (Verbal diagnosis of the dynamics of basic values): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Яо Чжипэн.* Содержательная специфика этического понятия «вежливость» // «貌» в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Yao Chzhipen. (2019). Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya «vezhlivost'» / «貌» v russkom i kitajskom yazykah (The meaning specificity of the moral concept "politeness"): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Decio C.* Dizionario Italiano. Deagostini. 2003. (In Italian).
- Devoto G., Oli C. G.* Dizionario della lingua italiana, a cura di L. Serianni e M. Trifone, Firenze, Le Monnier – Aggiornamenti digitali allegati all'edizione cartacea, Le Monnier. Deagostini. 2003. (In Italian).

В. А. Пищальникова

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
pishchalnikova@mail.ru

**АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Автор выделяет основные методологические принципы исследования личностной идентичности в свободном ассоциативном эксперименте, тенденции ее лингвистического изучения, предлагает алгоритм анализа материала: экспериментальный отбор стимулов; сплошной анализ речевых действий; классификация их по признаку предикации; отбор речевых действий, актуализирующих параметры личностной идентичности; формирование стабильных семантических типов речевых действий; проверка психологической релевантности модели.

Ключевые слова: идентичность; ассоциативный эксперимент; речевое действие; тип признаков; базовая ценность.

V. A. Pishchalnikova

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
pishchalnikova@mail.ru

**ASSOCIATIVE EXPERIMENT
AND PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH
OF INDIVIDUAL IDENTITY**

The author identifies the main methodological principles of individual's identity research via associative experiment, names the trends in identity's linguistic research, suggests an algorithm of data analysis: experimental selection of stimuli, solid analysis of speech acts, classification of associations based on predication, selection of speech acts that bring to light parameters of individual identity, formation of stable semantic types of speech actions, verification of psychological relevance of the model.

Key words: identity; associative experiment; speech action; type of characteristics; key value.

Постановка проблемы

Несмотря на то что в современных гуманитарных науках, как отмечает Д. А. Леонтьев, проблема идентичности изучается в разных аспектах, «сохраняется диспропорция между огромным количеством эмпирических данных и частных теорий и осмыслением проблемы идентичности в глобальном контексте места человека в мире» [Леонтьев 2012, с. 89]. Для нас важно, что феномен идентичности при всех модификациях научного объекта в гуманитарных науках, по сути, остается психологическим: это аспект самосознания индивида, переживания им своего «Я», что проявляется прежде всего в процессах речесмыслопорождения. Поэтому идентичность может быть эффективно исследована психолингвистическими экспериментальными методами, более непосредственно выявляющими, по сравнению с другими, ментальное содержание: они предполагают спонтанную реакцию испытуемых на предъявляемые стимулы в свободном ассоциативном эксперименте и не оставляют времени на обдумывание при выполнении заданий на шкалирование.

Одновременно такие методы могут дать значимый фактический материал для изучения идентичности с позиций других наук, например социологии, тем более что «принадлежность к социальным группам, задающая существенную часть идентичности каждого человека, а у многих людей являющаяся единственным способом определить себя, задает социологический ракурс проблемы идентичности» [там же, с. 90].

Особенно актуален с теоретической и экспериментальной точек зрения вопрос о детерминированности идентичности системой базовых ценностей. Эта обусловленность наиболее очевидно выражена тоже в речевой деятельности, а в свободном ассоциативном эксперименте представлена в характере предикации между стимулом и реакцией, единство которых рассматривается как речевое действие.

Мы подчеркиваем, что базовые ценности психологически актуальны только тогда, когда они специфически освоены индивидом в процессе его жизнедеятельности и определяют характер его мировоззрения и поведения. Такое освоение нейрофизиологически фиксируется в ассоциативно-вербальной сети индивида, а потому экспериментально может быть выявлен не только специфический характер присвоения ценности индивидом, но и ее связь с осмыслением человеком своего «Я». Таким образом, речевое действие – репрезентативный

материал для выявления ассоциативных связей любого характера, что позволяет широко использовать разные виды речевой деятельности, в том числе и экспериментальные, для моделирования параметров идентичности.

Основные тенденции психолингвистического исследования некоторых аспектов идентичности

Используя методики реконструкции коммуникативного существования, психолингвисты изучают различные аспекты социального статуса носителей культуры, в том числе возрастные и гендерные (Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц, Н. В. Орлова, М. А. Харламова и др.). Так, комплексное изучение специфики коммуникации и актуальных стереотипов пожилого человека осуществляется на основе аутентичных разговоров лиц «в возрасте поздней зрелости» с последующим моделированием типичных моделей коммуникации и установлением различий «поколенческой и возрастной специфики языка – речи» [Бутакова, Гуц 2021, с. 14]. На основе анализа выявленных моделей делается попытка определить «ценностно-оценочные составляющие дискурсов» субъектов речи «в возрасте “обычной” и “поздней” зрелости», что в целом позволяет представить комплексное описание пожилых людей с точки зрения актуальных для них стереотипов и динамики содержания последних [там же]. Такое детальное исследование речевой деятельности пожилых людей выявляет их отношение к разным аспектам социальной деятельности государства и одновременно устанавливает, какое место отводят себе представители исследуемой социальной группы в современной действительности и как они определяют «образ себя». При этом определяются ценностные доминанты пожилых людей – труд, семья, здоровье, востребованность в социуме; наиболее частотными оказываются такие признаки ценностей, как *интерес к жизни, здоровье, работа*. Отметим, что для определения личностной идентичности особый интерес представляет частотный психологически актуальный признак «я и другие», выявленный в исследуемом дискурсе.

Отношение к разным социально значимым аспектам современной культуры устанавливается в экспериментальных исследованиях, позволяющих выявить материал, на основе которого можно анализировать и проблему *личностной* идентичности. Так, фрагмент образа

«Я» моделируется в экспериментальном психолингвистическом изучении категории вежливости [Степыкин 2011; Яо Чжипэн 2019] и др. Анализируя состав ядерных ассоциатов поля 礼貌 / «вежливость», Яо Чжипэн делает вывод о «включенности исследуемой морально-этической категории в сознание испытуемых на уровне неосознаваемых, операциональных действий, что свидетельствует о “вращенности” вежливости в поведенческие реакции испытуемых» [Яо Чжипэн 2019, с. 89]. Очевидно, что одобряемая социумом норма поведения становится в этом случае лично необходимой, единственно возможной, а потому полученный экспериментальный материал можно использовать в моделировании личностной идентичности. Правомерность такого использования подтверждается сравнением ассоциативных полей носителей китайского и русского языков. Например, при внешнем совпадении признака ассоциирования «носитель качества» коэффициенты разнообразия ассоциатов значительно различаются: 0,6 у русских и 1,2 у китайцев, что явно обнаруживает более высокую степень стереотипности ассоциатов в русской лингвокультуре и свидетельствует о специфике личностного отношения к базовой ценности.

В ассоциативном эксперименте обнаруживается личностное отношение индивидов к таким ценностям, как работа и профессия [Хлопова 2018; Кафтанов 2020]; предпринят опыт построения вербальной ассоциативной модели профессиональной идентичности, в котором идентичность традиционно рассматривается как «переживание индивидом своей приверженности к какой-либо группе людей, идее, принципу, делу» [Кафтанов 2020, с. 4]. Профессиональная идентичность проявляется в системе «интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности», в том числе речевой [Голованова 2008, с. 158]. Последняя с психолингвистической точки зрения предпочтительнее в качестве материала для изучения, *во-первых*, потому, что репрезентирует все аспекты жизнедеятельности индивида в их разнообразных отношениях, *во-вторых*, ситуационная вариативность речевой деятельности позволяет более точно устанавливать ее сущностные динамические параметры, что для определения специфики идентичности чрезвычайно важно.

Вообще характер и степень присвоенности любого ценностного содержания (ее встроенности в ассоциативно-вербальную

сеть) в значительной степени мотивируется ценностной ориентацией субъекта, поэтому личностную и социальную идентичность при изучении ценностей возможно различать по специфике речевого действия, в котором закономерно отражается мотив речевой деятельности. В речевом же действии репрезентируется личностная иерархия ценностей, безусловно, связанная со степенью социализации человека, но одновременно детерминированная индивидуальной значимостью предметов деятельности человека. Поэтому активное психолингвистическое изучение ценностей сформировало серьезную фактическую базу для определения параметров и характера разных видов идентичности, в том числе личностной [Адамова 2006; Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики 2019; Пищальникова и др. 2020; Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей 2020].

Проблема *этнической* идентичности, рассматриваемая в разных науках, для психолингвиста актуальна прежде всего в аспекте выявления способов психологического усвоения этнических констант (базовых ценностей). При этом наблюдаются значимые расхождения в интериоризации ценностей индивидами в зависимости от характера группы, этнически цельной или смешанной, функционирующей в этнически подобном или инокультурном окружении, и др., поскольку этнические константы продуцируют не только не совпадающие, но часто и противопоставленные традиции, нормы, стереотипы деятельности. Осознание своей этнической принадлежности в разных условиях неодинаково опосредствуется этносоциальными и собственно личностными мотивационно-эмоциональными факторами. Как правило, доминируют в этом процессе последние, что ведет к выбору индивидом более комфортного образа жизни. Сложное взаимодействие названных факторов, функциональное единство этнической и личностной идентичностей в подавляющем большинстве случаев приводят к образованию не менее сложной мотивационной структуры речевой деятельности и специфически обуславливают характеристики конкретного речевого действия как в спонтанной речи, так и в экспериментальном вербальном ассоциировании. (Вместе с тем существует мнение психологов и о том, что «за стратегией социальной идентичности стоит, как правило, неосознаваемая стратегия отказа от собственной личности или, по меньшей мере, ее умаления, минимизации в мире больших социальных групп»

[Леонтьев 2009, с. 5].) Поэтому языковые данные, полученные при исследовании этничности, могут быть использованы и при конструировании личностной идентичности.

Так, моделируя конвенциональные стереотипы *Россия, Якутия / Саха Сирэ, Родина / Ийэ Дойду*, связанные с этническими границами, на основе экспериментальных данных (испытуемые – студенты), З. Г. Адамова опирается на их универсальную категоризацию по принципу «свои – чужие» [Адамова 2006]. Исследователь отмечает, что структура русских и якутских ассоциативных полей Россия значительно отличается: у якутов среди ассоциатов преобладают реакции-представления, у русских понятийные ассоциаты и реакции-представления численно практически равны; эмоционально-оценочные реакции якутов составляют 13 % поля, русских – 16 %; отказ от ассоциирования у якутов отмечен в 5 % случаев, у русских – в 16 %. Эти формальные отличия обнаруживают разное личностное отношение к содержанию стимула, что может стать основанием для установления характера личностной идентичности.

Определенное значение для установления параметров (личностной) идентичности имеют и результаты *лингвистических* исследований. В ряде работ наиболее эффективной единицей описания признается «дискурсивное (речевое) событие» [Герман 2012, с. 8] как «совокупность коммуникативно значимых прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [Цурикова 2004, с. 67]. Выделение в этой совокупности особого типа речевых событий, репрезентирующих осознание своего «Я» в социуме и устанавливающих самооценку «Я», позволяет включать выявленные существенные признаки и закономерности функционирования такого типа единиц в предметную область психолингвистических исследований. Лингвисты связывают с характером идентичности использование определенных моделей дискурсивных событий, специфицируя идентичность коммуниканта в этом случае как лингвокультурную [Герман 2012]. По сути, лингвокультурную идентичность можно рассматривать как аспект (разновидность) социальной, поскольку она моделируется на основе экспликации в речевой деятельности различных знаний о семантических и синтаксических структурах. Однако вместе с тем в *речевом действии* обязательно проявляется характер ассоциативной связи и степень присвоенности таких моделей, способность индивида операционально пользоваться

ими, а это уже область психолингвистического описания речевой компетенции. В ней значимыми становятся оценки эффективности моделей, стратегий и тактик коммуникации, как приемлемых или неприемлемых с точки зрения индивида, что способствует установлению характеристик личностной идентичности.

Лингвисты конструируют языковую личность на основе статичных результатов ее речевой деятельности – текстов, функционирующих в специфических дискурсах, в том числе и отражающих характер перцептивной деятельности индивида [Матвеева 2012]. Этот аспект представляется важным для психолингвиста, поскольку позволяет не только определить способы вербализации чувственных представлений в индивидуальном речевом акте, но и, возможно, установить закономерности вербализации градуального перцептивного знания как маркера идентичности.

М. А. Лаппо, используя понимание идентичности как значимого эмоционального и интеллектуального переживания, основывается на распространенном допущении, согласно которому идентичность как междисциплинарный объект конструируется взаимосвязанной совокупностью вербальных и невербальных средств, в которых она воплощается и с помощью которых описывается. М. А. Лаппо предпринимает попытку установить закономерные соответствия между характером самоидентификации индивида и языковыми средствами ее репрезентации [Лаппо 2018]. Исследователь рассматривает такие речевые акты, в которых так или иначе актуализируются разные аспекты социальной идентичности, отмечая, что самопрезентация как структурообразующий фактор «дискурса самоидентификации» может градуально реализовываться в речевой деятельности индивида в зависимости от внешних (жанровых) и внутренних (психологических) факторов, определяющих ее характер. М. А. Лаппо выделяет совокупность признаков элитарной языковой личности, среди которых можно отметить как общеизвестные (саморефлексия, творческое использование языка, осознание самоценности без встраивания «Я» в социальную иерархию), так и специфические (экспликация полного принятия «Я», наличие внутреннего эталона контроля речевого поведения). Для психолингвистических целей наиболее значимы аспекты речевой деятельности, связанные со специфическими признаками, поскольку они позволяют моделировать актуальные для индивида смыслы, связанные с представлением о себе.

Теоретические принципы психолингвистического анализа ассоциатов при моделировании личностной идентичности

Самым проблемным вопросом в экспериментальном исследовании идентичности является определение существенных свойств научного объекта, которые будут так или иначе проявляться в речевом действии и, следовательно, проверяться в эксперименте. С этой целью необходимо проведение (1) серии прямых и обратных пилотных экспериментов, в каждом из которых используются анкеты с разным набором стимулов, отобранных на основе интеграции данных уже известных социолингвистических и психологических исследований. Материал, полученный в первой серии, является базой для формирования списка параметров личностной идентичности и представления его в экспериментальной анкете; (2) в массиве экспериментального материала анализу должны подвергаться *все* речевые действия и вычленяться те из них, которые так или иначе отграничивают «Я» от «не-Я», хотя априори это представляется сложным и весьма трудоемким; (3) речевые действия, отобранные таким образом, могут быть далее дифференцированы по группам, проявляющим разные аспекты идентичности. В группу речевых действий, реализующих признаки личностной идентичности, могут быть отнесены такие, в которых представлены психологические характеристики индивида, самооценка, отношение к социально одобряемым ценностям, ощущение себя как цельной личности, осознание своих способностей, ответственности, вообще «образ Я» – всё то, что объединяется и порождается *активностью самосознания*, действенного и непрерывно переживаемого [Бахтин 2000]. Поскольку «человек в современном обществе не просто социален, а полисоциален, т. е. входит по разным основаниям в множество разных форм социальной организации, ценности и ролевые требования которых не согласуются между собой»¹ [Леонтьев 2009, с. 92]. В любом речевом акте, так или иначе отражающем социальное бытие индивида, можно обнаружить и личностное отношение к нему, следовательно, опосредованно эксплицированные характеристики «Я».

После условного выделения совокупности речевых актов, репрезентирующих, прямо или косвенно, параметры личностной идентичности, необходимо отделение таких, (4) в которых человек определяет

---

¹ Курсив наш. – В. П.

свою идентичность без обращения к социальным и ролевым категориям. Это сложный и кропотливый процесс, поскольку в современной культуре определение себя через принадлежность к группе стало доминирующей стратегией идентификации человека в силу усиления «психологической безответственности» и стремления людей получать ценности и правила поведения в готовом виде.

И здесь важным моментом анализа речевых данных становится проявление отношения индивида к базовым ценностям. Так, по данным эксперимента Чэнь Ваньжоу, в ядро ассоциативного поля «родина» входят ассоциаты: *Россия* – 133; *мать* – 126; *дом* – 78; *страна* – 50; *патриотизм* – 23; *любовь* – 16; *моя* – 14; *патриот* – 12; *поле* – 9; *семья* – 9; *защита* – 9; *гордость* – 8; *Земля* – 8; *мир* – 8; *о(О)тчизна* – 8; *земля* – 7; *одна* – 7; *Киров* – 6; *природа* – 6; *рождение* – 6; *война* – 5; *город* – 5 (78,7 % реакций поля) [Чэнь Ваньжоу 2020]. Анализ признаков ассоциирования (характера предикации между стимулом и реакцией) позволяет установить наиболее актуальные из них:

- 1) планета / страна, где человек родился (~ 28,4 % всех реакций);
- 2) символ борьбы страны с фашизмом 3 (~ 18,3 %);
- 3) патриотизм как нравственная / политическая позиция (~ 11,2 %);
- 4) эмоциональная близость к Родине (в том числе *моя, одна, любимая, родная, куда тянется душа* и т. п.) (~ 7,4 %); малая родина (~ 4,8 %); страна предков.

Все эти признаки так или иначе проявляют отношение к базовой ценности «Родина», одобряемое социумом, поэтому ассоциаты свидетельствуют прежде всего о социальной идентичности, в том числе ~ 1,1 % единичных негативных реакций (*Рашка, ограничение, слово, не хочу служить, предательство, пропаганда, пропасть, предали*). Однако часть ассоциатов всех групп, обнаруживающая выраженное эмоционально-личностное отношение к содержанию стимула, а также в целом признак 4 и представленные негативные реакции свидетельствуют о характере личностной идентичности, т. е. о совокупности психологически актуальных личностных смыслов, которые влияют на социальную идентификацию. Здесь выявляется нетождественность аксиологического компонента значения слова и ценности как культурно обусловленного аксиологического понятия, и единственным средством их разграничения оказывается анализ предикативного отношения, возникающего между стимулом и реакцией и реализующего индивидуальный ценностный смысл. Такое предикативное

отношение рассматривается как маркер ценностной детерминации речевого действия, как компонент речевого действия, обнаруживающего в своей структуре взаимоотношение цели, условий и средств речевой деятельности. Это дает возможность (5) детально проанализировать полученные в эксперименте речевые действия по типу предикации, выделить признаки, актуальные для осознания личностной идентичности, и представить модель (6), в которой эти признаки находятся в отношениях иерархии и отличаются частотностью актуализации (равно степени важности для индивида).

Еще одним важным методологическим требованием к психолингвистическому исследованию идентичности является (7) обязательная проверка модели, полученной на основе ассоциативного эксперимента, с помощью других: шкалирования и ранжирования в условиях ограничения времени. Конечно, степень «непосредственности» действия здесь снижается, поскольку испытуемые прибегают к операции сравнения, однако, как показывает опыт, остается высокой.

Выводы

Таким образом, специфика характера идентичности и рефлексии ее репрезентируется прежде всего в речевом действии. Психолингвистическое исследование идентичности может строиться на основе различных данных речевой деятельности, но в первую очередь на основе свободного ассоциативного эксперимента, обнаруживающего наиболее непосредственные связи между стимулом и реакцией. Структурированное на основе признаков предикации ассоциативное поле, компактно представляющее реакции репрезентативных групп испытуемых, может служить материалом для моделирования параметров идентичности. Результаты анализа указанных признаков должны быть верифицированы другими экспериментами. Если признаки ассоциирования образуют стабильные типы с частотным количеством компонентов, можно предположить, что они репрезентируют существенные параметры идентичности. Вместе с тем необходимо осознавать, что моделирование идентичности, возможно, требует конструктивно иного исследования современной культуры, в которой осуществляются процессы радикального изменения идентичностей и в которой, по мнению философов, происходит еще не отрефлексированный «парадигмальный сдвиг», усиливающийся под воздействием информационных технологий [Воропай 2009].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адамова З. Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [Adamova, Z. G. (2006). Verbal'naya diagnostika mezhetnicheskoj napryazhennosti. (Verbal Dyagnostics of Interethnic Tension): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова [и др.]; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Р.Валент, 2019. [Pishchal'nikova, V.A. et al. (2019). Associativnyj eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki (Associative Experiment: Theoretical and Applied Perspectives of Psycholinguistics). Moscow: R.Valent. (In Russ.)].
- Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 3–226. [Bahtin, M. M. (2000). Avtor i geroj v esteticheskoj deyatel'nosti. Avtor i geroj: k filosofskim osnovaniyam gumanitarnyh nauk (The Author and The Hero in Esthetic Activity) (pp. 3–226). St. Peterburg: Azbuka. (In Russ.)].
- Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Комплексность психолингвистических исследований пожилого человека: велесообразность vs мода? // Методология–3. М.: Р. Валент, 2021. С. 11–31. [Butakova, L. O., Guc, E. N. (2021). Kompleksnost' psiholingvisticheskikh issledovanij pozhilogo cheloveka: Celesoobraznost' vs moda? (Complexity of Psycholinguistic Research of Senior Age People: Expediency vs. Fashion?). *Metodologiya–3* (pp. 11–31). Moscow: R.Valent. (In Russ.)].
- Воропай Т. С. Между глобализацией и массовой культурой // Философские науки. 2009. № 10. С. 11–32. [Voropaj, T. S. (2009). Between Globalization and Mass Culture. *Filosofskie nauki*, 10, 11–32. (In Russ.)].
- Герман Н. Ф. Языковые параметры лингвокультурной идентичности субъекта современной межкультурной коммуникации // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 8–43. [German, N. F. (2012). Yazykovye parametry lingvokul'turnoj identichnosti sub"ekta sovremennoj mezhkul'turnoj kommunikacii (Linguistic Parameters of Linguacultural Identity of The Contemporary Intercultural Communication's Subject). *Lingvisticheskie aspekty issledovaniya identichnosti lichnosti v izmenyayushchemsya mire* (pp. 8–43). Chelyabinsk: Enciklopediya. (In Russ.)].
- Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Элпис, 2008. [Golovanova, E. I. Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke (2008). (Category of a Professional. Formation. Development. Its Status in The Language). Moscow: Elpis. (In Russ.)].

- Кафтанов Р. А. Опыт построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военных: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. [Kaftanov, R. A. (2020). Opyt postroeniya associativno-verbal'noj modeli professional'noj identifikacii voennyh (Experience in building an associative-verbal model of professional identification of military personnel): thesis of PhD in Philology. Krasnoyarsk. (In Russ.)].
- Ланно М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. [Lappo, M. A. (2018). Samoidentifikacionnyj diskurs russkoj elitarnoj yazykovoj lichnosti (Self-Identification Discourse of Russian Elitist Language Identity): thesis of PhD in Philology. Novosibirsk. (In Russ.)].
- Леонтьев Д. А. Идентичность личности в полисоциальном мире // Философские науки. 2012. № 11. С. 89–105. [Leont'ev, D. A. (2012) Identichnost' lichnosti v polisocial'nom mire (Personal Identity in The Multisocial World). *Filosofskie nauki*, 11, 89–105. (In Russ.)].
- Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5–11. [Leont'ev, D. A. (2009). The Labyrinth of Identities: Not a Person for Identity, but Identity for a Person. *Filosofskie nauki*, 10, 5–11. (In Russ.)].
- Матвеева Т. М. Маркеры идентичности в языке профессионального дегустатора // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 84–109. [Matveeva, T. M. (2012). Markery identichnosti v yazyke professional'nogo degustatora (Identity Markers in The Language of a Professional Taster). *Lingvisticheskie aspekty issledovaniya identichnosti lichnosti v izmenyayushchemsya mire* (pp. 84–109). Chelyabinsk: Enciklopediya. (In Russ.)].
- Двуязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова [и др.]. М.: Спутник+, 2020. [Pishchal'nikova, V.A. et al. (2020). Dvu-yazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej. (Bilingual Associative Dictionary of Key Values). Moscow: Sputnik+. (In Russ.)].
- Пищальникова В. А. [и др.]. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования. М.: Р. Валент, 2020. [Pishchal'nikova, V.A. et al. (2020). Kartina mira kitajcev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya. (Chinese Image of the World: Theory and Practice of Research). Moscow: R. Valent. (In Russ.)].
- Степыкин Н. И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. [Stepykin, N. I. (2019). Sposoby strukturno-soderzhatel'nogo modelirovaniya lingvokul'turnogo koncepta (Meaning structure modelling of a linguocultural concept): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

- Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Hloпова, А. И. (2018) Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej (Verbal diagnosis of the dynamics of basic values): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» – «貌» в русском и китайском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Yao Chzhipen. (2019). Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya «vezhlivost'» – «貌» v russkom i kitajskom yazykah (The meaning specificity of the moral concept "politeness"): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Цурикова Л. В. Культурно обусловленные дискурсивные стратегии и взаимопонимание в диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 1. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 63–91. [Curikova, L. V. (2004) Kul'turno obuslovlennye diskursivnye strategii i vzaimoponimanie v dialoge (Culturally-Based Discursive Strategies and Mutual Understanding in a Dialogue). *Vzaimoponimanie v dialoge kul'tur: usloviya uspehnosti* (pp. 63–91). Ch. I. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)].

А. И. Хлопова

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московский государственный лингвистический университет
chloпова_anna@mail.ru

**ДИНАМИКА СОДЕРЖАНИЯ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ
«GESUNDHEIT» / «ЗДОРОВЬЕ» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Основной целью статьи является установление содержания базовой ценности «Gesundheit» / «здоровье» в немецкой лингвокультуре. Исследование строится на сопоставлении данных двух ассоциативных экспериментов, проведенных автором в 2019 г. (до распространения коронавирусной инфекции) и в 2020 г. (в период распространения коронавирусной инфекции). Данные верифицируются с помощью экспериментов на ранжирование. Полученные результаты показали, что динамика содержания базовой ценности «Gesundheit» / «здоровье» проявляется в установлении новых признаков ассоциирования, иерархии содержательных признаков, а также появлении /увеличение отрицательных реакций, вызванных страхом за свое здоровье и свою жизнь.

Ключевые слова: ассоциативное поле; свободный ассоциативный эксперимент; динамика базовой ценности; немецкая лингвокультура.

А. I. Khloпова

Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German language
Moscow State Linguistic University
chloпова_anna@mail.ru

**DYNAMICS OF CONTENT OF THE BASIC VALUE
“GESUNDHEIT” / “HEALTH” IN THE GERMAN LINGUOCULTURE**

The article seeks to establish the content of the basic value Gesundheit (health) in the German linguoculture. The study is based on comparison of data from two associative experiments conducted by the author in 2019 (before the coronavirus pandemic) and in 2020 (during the coronavirus pandemic). The data is verified with the help of ranking experiments. The results obtained have shown that the dynamics of the basic value Gesundheit (health) is manifested in the establishment of new features, in a drastic change in the core of the meaning of the word, as well as in the appearance of a significant number of negative reactions. However, these reactions are not connected with a negative attitude towards health as a value. They are caused by fear for one's own health and life.

Key words: associative field; free associative experiment; dynamics of the basic value; German linguoculture.

Введение

В связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 тема здоровья стала преобладающей в медиакommunikации, она обсуждается в СМИ, ей посвящены многочисленные исследования медиков, социологов, психологов, лингвистов: А. Е. Абатуров (2020), Е. А. Агафонова (2020), Е. Л. Кривуша (2020), Т. В. Маликова (2020), Г. А. Мурза-Дер (2020), А. В. Нагорная (2020), Т. О. Новикова (2020), Д. Г. Пирогов (2020), Б. К. Романов (2020) и др. По словам А. В. Нагорной, в мире «происходит активная популяризация некогда узкокорпоративного медицинского знания, продвигается идея ответственного и осознанного отношения к здоровью, наблюдается доступность информации медицинского толка и ее повышенная востребованность» [Нагорная 2020, с. 25]. Пандемия не просто заставила людей осознанно относиться к здоровью и опасаться за него, она стала причиной формирования новых ценностей, культурных смыслов и форм поведения. Мы полагаем, что социальные факторы меняют социальные представления и содержание самих ценностей. Для верификации этой гипотезы мы обращаемся к исследованию содержания и изменения наиболее важной на сегодняшний день ценности в немецкой лингвокультуре – «Gesundheit» / «здоровье».

Исследование строится на сопоставлении данных лексикографических источников, в которых отмечено инвариантное содержание понятия, и результатов двух ассоциативных экспериментов. Полученные результаты верифицируются с помощью эксперимента на ранжирование. Первый ассоциативный эксперимент был проведен с носителями немецкой лингвокультуры в 2019 году в городах Фехта, Берлин, Потсдам, Баден-Баден, Фрайбург до распространения коронавирусной инфекции. Второй ассоциативный эксперимент был проведен с помощью электронной анкеты, представленной носителям немецкой лингвокультуры в Google-формате в 2020 году, после того как ВОЗ официально объявила о пандемии. Условия проведения свободного ассоциативного эксперимента стандартные: респонденты – студенты немецких вузов в возрасте от 17 до 23 лет – получали анкету, в которой были представлены 28 слов-стимулов, репрезентирующих одноименные базовые ценности. Среди стимулов была представлена исследуемая ценность «Gesundheit» / «здоровье».

Значения слова «Gesundheit» / «здоровье» на основе лексикографических источников

На основе данных лексикографических источников выделим компоненты значения слова *Gesundheit* и сопоставим их впоследствии с понятийными реакциями.

Согласно данным этимологического словаря, слово *Gesundheit* появилось в древневерхненемецком в VIII в. и означало «Unverletzttheit» («невредимость») [Pfeifer URL]. В толковом словаре 1967 г. *Gesundheit* / *здоровье* трактовалось как «Zustand des Gesundseins, körperliches und geistiges Wohlbefinden» («состояние здоровья, хорошее телесное и духовное самочувствие»)¹ [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache 1969]. В толковом словаре современного немецкого языка «Duden» слово *Gesundheit* объясняется как «Zustand oder bestimmtes Maß körperlichen, psychischen oder geistigen Wohlbefindens; Nichtbeeinträchtigung durch Krankheit» («состояние или определенная степень хорошего телесного, психического или духовного самочувствия; отсутствие ухудшения состояния из-за болезни») [Duden. Universalwörterbuch URL]. Словарь «The Free Dictionary» толкует слово следующим образом: «der Zustand des körperlichen und geistigen Wohlbefindens, in dem alle Teile und Organe des Körpers intakt sind und funktionieren» («состояние хорошего физического и душевного самочувствия, когда все части тела и органы здоровы и хорошо функционируют») [The Free Dictionary URL].

Таким образом, на основе словарных дефиниций можно выделить следующие компоненты значения слова *Gesundheit*:

- положительное физическое состояние;
- положительное психическое, духовное состояние;
- отсутствие боли;
- высокий уровень жизни человека;
- гармония тела и духа.

Данные свободного ассоциативного эксперимента 2019 г.

На слово-стимул *Gesundheit* в 2019 г. было получено 200 реакций, из которых методом случайной выборки было отобрано 70 реакций для релевантного сравнения с данными 2020 г. Полученные реакции для более детального анализа были распределены в соответствии

---

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. Х.

с моделью ассоциативного значения, предложенной В. А. Пищальниковой [Пищальникова 2007, с. 159].

Понятия: *Krankheit* – болезнь (14%), *Wohlbefinden* – хорошее самочувствие (4%), *krank* – больной, *schmerzfrei* – без болей (1%) – 20% от общего количества реакций.

Реакции-понятия частично соответствуют компонентам значения слова *Gesundheit*, выделенным на основе определений, приведенных в толковых словарях (*Wohlbefinden* – хорошее самочувствие, *schmerzfrei* – без болей), или являются антонимами слова.

Реакции-представления (43% от общего количества реакций):

– система здравоохранения: *Arzt* – врач (14%), *Krankenhaus* – больница (5%), *Arznei* – лекарство, *Krankenkasse* – медицинское страхование, *Tabletten* – таблетки (1%) – 22% от общего количества реакций;

– здоровый образ жизни: *Sport* – спорт (6%), *Gemüse* – овощи (6%), *Körner* – злаковые, *Mental health* – ментальное здоровье, *Natur* – природа, *Obst* – фрукты, *Vorsorge* – профилактика (1%) – 17% от общего количества реакций;

– причина здоровья / нездоровья: *Alter* – возраст, *Gewohnheit* – привычка (1%) – 2% от общего количества реакций;

– реализация иных ценностей: *Leben* – жизнь (2%) – 2% от общего количества реакций.

Большое количество реакций-представлений позволяет выделить актуальные смысловые признаки ассоциирования: ‘система здравоохранения’, ‘здоровый образ жизни’, ‘причина здоровья / нездоровья’.

Наибольшее количество реакций отражает актуальный смысловой признак ‘система здравоохранения’ (22% от общего количества реакций), в котором представлены реакции, соответствующие данному ассоциативному полю. Ядерной реакцией в признаке ‘система здравоохранения’ является реакция *Arzt* – врач (14% от общего количества реакций). Специфика предикации «здоровье – врач» заключается в том, что именно профессиональная деятельность врача направлена на сохранение и улучшение здоровья.

Реакции, соответствующие признаку ‘здоровый образ жизни’, можно разделить на следующие позиции: ‘правильное питание’ и ‘спортивный образ жизни’. Отметим, что для немцев правильное питание и спорт всегда играли важную роль, так как они считали здоровье своей собственной ответственностью.

В признаке ‘причина здоровья / нездоровья’ мы выделили реакции, которые сигнализируют о хорошем здоровье (отсутствие вредных привычек, юный возраст).

Эмоционально-оценочные реакции (36% от общего количества реакций):

– положительные реакции: *wichtig* – важно (19%), *Glück* – счастье (8%), *Freude* – радость (2,5%), *wertvoll* – ценный (2,5%), *Lebensziel* – цель жизни, *unbezahlbar* – не купишь, *das Wichtigste* – самое важное (1%) – 35% от общего количества реакций;

– отрицательные реакции: *unfair* – нечестный (1%) – 1% от общего количества реакций.

Все положительные реакции представляют здоровье как важнейшую ценность в жизни человека. Респонденты отмечают, что именно здоровье – это цель, которой стоит следовать на протяжении всей жизни.

Культурные реакции: *Körper* – тело (1%) – 1% от общего количества реакций.

Культурная реакция *Körper* – тело связана с поговоркой «*Gesunder Geist in gesundem Körper*» («В здоровом теле – здоровый дух»), которая означает, что тело нужно держать в форме для достижения умственной работоспособности, духовного и психического благополучия.

Анализ ассоциативного поля *Gesundheit* 2019 г. демонстрирует, с одной стороны, его связь с дефиницией, с другой – реакции-представления, эмоционально-оценочные и культурные реакции указывают на то, что здоровье для респондентов – это не просто отсутствие болезней, это ключ к счастливому и активному образу жизни.

Данные свободного ассоциативного эксперимента 2020 г.

Обратимся к результатам эксперимента 2020 г. На слово-стимул *Gesundheit* была получена 91 реакция. Как и в случае с реакциями 2019 г., методом случайной выборки было отобрано 70 реакций, которые мы распределили в соответствии с избранной моделью ассоциативного значения.

Понятия: *Wohlbefinden* – хорошее самочувствие (2,5%), *heilen* – излечить, *krank* – больной, *Krankheit* – болезнь (1%) – 5,5% от общего количества реакций.

Понятийные реакции 2020 г., как и в 2019 г., соответствуют компонентам значения слова *Gesundheit* или являются антонимами.

Реакции-представления (всего 46,5% от общего количества реакций):

– система здравоохранения: *Krankenhaus* – больница (13%), *Medikamente* – медикаменты (10%), *Arzt* – врач (2,5%), *Kasse* – страховка (1%) – 26,5% от общего количества реакций;

– здоровый образ жизни: *Essen – еда, Fitness und Ernährung* – фитнес и питание, *Gemüse* – овощи, *man sollte dafür sorgen* – за ним (за здоровьем) нужно следить, *Motivation* – мотивация, *Sport* – спорт (1%) – 6,5% от общего количества реакций;

– объект, на который направлена забота о здоровье: *Großeltern* – бабушка и дедушка (7,5%) – 7,5% от общего количества реакций;

– атрибут болезненного состояния: *Taschentuch* – платок (1%) – 1% от общего количества реакций;

– реализация иных ценностей: *Leben* – жизнь (1%) – 1% от общего количества реакций;

– временный характер здоровья: *temporär* – временный (1%) – 1% от общего количества реакций;

– желание быть здоровым: *wäre ich gern* – я с удовольствием (был бы здоровым) (1%) – 1% от общего количества реакций;

– болезнь: *Pandemie* – пандемия (1%) – 1% от общего количества реакций;

– молитва: *Gebet* – молитва (1%) – 1% от общего количества реакций.

Содержательно реакции-представления 2020 г. частично соответствуют реакциям-представлениям 2019 г.: можно выделить идентичные признаки ассоциирования: ‘система здравоохранения’, ‘здоровый образ жизни’, ‘реализация иных ценностей’. Однако количественное соотношение реакций меняется.

Таблица 1

Сопоставление схожих признаков ассоциирования

Признак ассоциирования	2019 г.	2020 г.
Система здравоохранения	22%	26,5%
Здоровый образ жизни	17%	6,5%
Реализация иных ценностей	2%	1%

К ядерным реакциям относится реакция *Krankenhaus* – больница (13% от общего количества реакций) как учреждение, которое принимает более серьезные меры для лечения больных, чем простой врач. В Германии существует большое количество семейных врачей

и частных клиник, которые, однако, не могут оказать всестороннюю медицинскую помощь. Реакция *Krankenhaus* – *больница* свидетельствует также о более серьезном протекании болезни, об опасности болезни для жизни. Соотношение реакций в признаке ‘система здравоохранения’ меняется. Если в 2019 г. реакции *Arznei* – *лекарство* (1%), *Tabletten* – *таблетки* (1%) были единичны и основным способом достижения хорошего здоровья являлись правильное питание и спорт, то в 2020 г. в качестве способа достижения хорошего здоровья респонденты называют именно лекарственные препараты. Реакция *Leben* – *жизнь* сигнализирует о пересечении ассоциативных полей базовых ценностей. С помощью ценности *Gesundheit* реализуется иная базовая ценность – *Leben* – *жизнь*. Кроме этого, среди реакций-представлений выделяются новые признаки ассоциирования: ‘объект, на который направлена забота о здоровье’, ‘болезненное состояние’, ‘временный характер здоровья’, ‘желание быть здоровым’, ‘молитва’. Реакция *Großeltern* – *бабушка и дедушка* (7,5% от общего количества реакций) является ядерной и может свидетельствовать также о влиянии пандемии. Известно, что именно пожилые люди наиболее подвержены тяжелому протеканию болезни и сложному лечению с непредсказуемым результатом. Отметим, что эта реакция может свидетельствовать о пересечении ассоциативного поля *Gesundheit* с ассоциативным полем *Familie* / *семья*. Для респондентов важно не только собственное здоровье, мысли о здоровье переносятся на членов семьи. В таком случае мы можем говорить о реализации ценности *Familie* посредством ценности *Gesundheit*.

Отличительной реакцией, которая характеризует период распространения коронавирусной инфекции, является единичная реакция *Pandemie* – *пандемия*. Такая реакция имеет исключительный характер ввиду уникальности самой ситуации в мире.

Реакция *Gebet* – *молитва* может также свидетельствовать о ситуации в обществе в целом, о критичности ситуации и невозможности выздороветь стандартными способами. Человек прибегает к высшим силам в случае отсутствия другой опоры, в ситуации страха и отчаяния. Он не надеется на себя, так как находится под влиянием тревожных обстоятельств. В таком случае люди надеются на исцеление с помощью молитвы.

Эмоционально-оценочные реакции (47% от общего количества реакций):

– положительные реакции: *dankbar* – благодарный (9%), *essenziell* – существенный (2,5%), *Glück* – счастье (2,5%), *bedeutend* – значительный, *erstrebenswert* – желательно, *gut* – хорошо, *hohes Gut* – высшее благо, *ohne wäre Ende* – без (здоровья) пришел бы конец, *ohne ist vieles nichts* – без (здоровья) многое ничто, *sehr wichtig* – очень важно, *unkäuflich* – не купишь, *unverzichtbar* – неотъемлемый, *wichtig* – важный, *das Wichtigste* – самое главное (1%) – 25% от общего количества реакций;

– отрицательные реакции: *Angst* – страх (12%), *Leid* – страдание (6%), *Gefahr* – опасность (4%) – 22% от общего количества реакций.

Количественное соотношение эмоционально-оценочных реакций в 2020 году резко меняется. В ассоциативном эксперименте 2019 года был отмечен только 1% отрицательных реакций. В эксперименте 2020 года 22% от общего количества реакций – отрицательные. Такая оценка связана прежде всего не с негативным отношением к здоровью как к ценности, а со страхом потерять свое здоровье, с опасностью, которую представляет собой пандемия. В предыдущих исследованиях было отмечено, что возрастающее количество негативных коннотаций может свидетельствовать о начале структурно-содержательной перестройки значения слова и об изменении отношения к самой базовой ценности [Хлопова 2018]. Положительные реакции, как и в случае с реакциями ассоциативного эксперимента 2019 года, характеризуют здоровье как наивысшую ценность. Стоит отметить ядерную реакцию *dankbar* – благодарный. Под влиянием СМИ в обществе меняются поведенческие стереотипы. До распространения коронавирусной инфекции публично врачам порой высказывали нарекания и недовольство. В современном мире СМИ заслуженно подчеркивают самоотверженную работу врачей – истинных героев. [Duden. Universalwörterbuch URL].

Культурные реакции: *arm* – бедный (1%) – 1% от общего количества реакций.

Культурологическая реакция связана с немецкой поговоркой «*Besser arm und gesund als reich und krank*» – «Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным», которая, в свою очередь, перефразирует библейский стих¹. Больной человек не может наслаждаться богатством, а здоровье представляется как наивысшая ценность.

¹ „Besser arm und gesunde Glieder als reich und mit Krankheit geschlagen. Ein Leben in Gesundheit ist mir lieber als Gold, ein frohes Herz lieber als Perlen“ (Das Buch Jesus Sirach, Kapitel 30).

Верификация полученных данных с помощью экспериментов на ранжирование

Для установления места ценности *Gesundheit* в системе базовых ценностей среди носителей немецкой лингвокультуры также было проведено два эксперимента на ранжирование в 2019 и 2020 гг. соответственно. При *ранжировании* респондентам представлялись все 28 базовых ценностей одновременно. Респонденты должны были упорядочить ценности по их значимости, приписывая каждой ценности определенный ранг в соответствии с заданием экспериментатора: ценность, имеющая наибольшую значимость для испытуемого, получала ранг 1, наименьшая – 28 (в соответствии с предложенным количеством ценностей). Для определения ранга в соответствии с методикой все ранги были сложены и поделены на общее количество анкет, что позволило выделить наиболее значимые для респондентов ценности.

Согласно результатам ранжирования в 2019 г., ценность *Gesundheit* хотя и относилась к пяти наиболее важным ценностям, но занимала при этом лишь пятую позицию: *Familie – семья* (2,48), *Freundschaft – дружба* (6,36), *Freiheit – свобода* (8,8), *Sicherheit – безопасность* (10), *Gesundheit – здоровье* (10,48).

Результаты эксперимента на ранжирование 2020 г. выявили определенные изменения. Несмотря на то, что семья остается важнейшей ценностью для респондентов, вторую позицию занимает именно здоровье: *Familie* (2,7), *Gesundheit* (5,3), *Freundschaft* (7,1), *Leben* (8,68), *Freiheit* (11,45), *Sicherheit* (12,9).

Результаты эксперимента на ранжирование подтверждают заданную гипотезу. В условиях пандемии наблюдается перераспределение значимости ценностей для респондентов. Такие ценности, как *Ausbildung*, *Freiheit*, *Arbeit*, *Sicherheit* становятся менее важными и уступают базовой ценности *Gesundheit*. В то же время ценность жизнь, которая занимала, согласно эксперименту на ранжирование в 2019 г., только седьмую позицию, стала для респондентов более значимой (ранг ценности *Leben* изменился с 20,7 до 8,68) и поднялась на четвертую позицию.

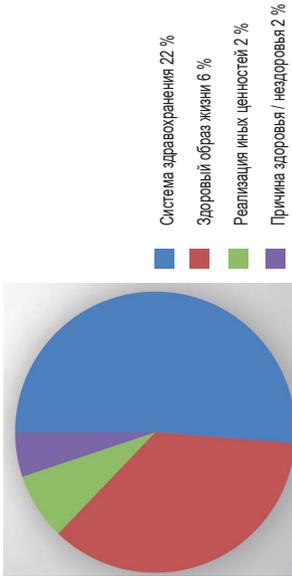
На основе данных ассоциативного эксперимента 2020 г. было также отмечено пересечение ассоциативных полей *Gesundheit*, *Familie* и *Leben*, это обусловлено тем, что распространение коронавирусной инфекции ведет к формированию новых форм поведения, что в первую очередь выражается в заботе о членах семьи.

Сопоставление данных 2019–2020 годов

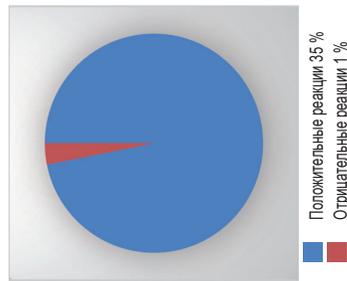
Таблица 2

Данные 2019 г.

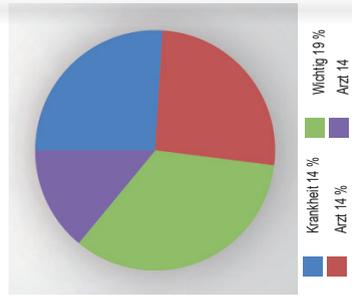
Признаки ассоциирования

Эмоционально-оценочные реакции

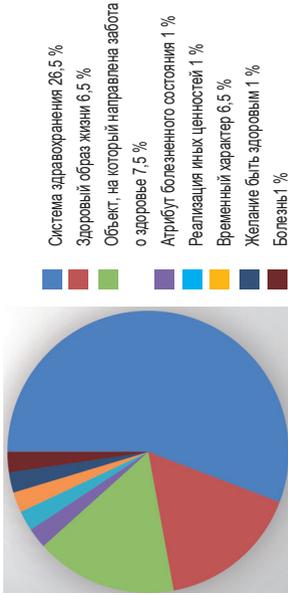

Ядро значения

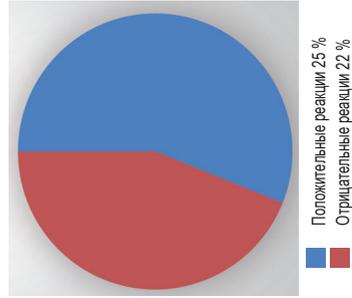

Данные 2020 г.

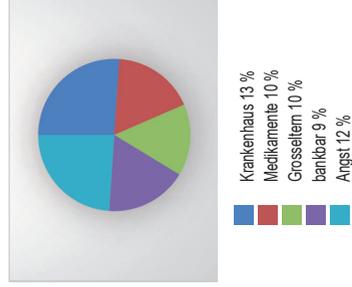
Признаки ассоциирования

Эмоционально-оценочные реакции

Ядро значения

Заключение

Система базовых ценностей в каждой культуре имеет устойчивую структуру, поэтому для немцев *Gesundheit* остается базовой ценностью и относится, согласно данным экспериментов на ранжирование, к пяти наиболее важным ценностям. В то же время ценности могут меняться под влиянием различных факторов, поэтому психологически актуальное содержание базовой ценности *Gesundheit* меняется.

Содержательная динамика базовой ценности *Gesundheit* проявляется в выявлении новых признаков ассоциирования, а также резкого изменения ядра значения. Прежде всего на эти изменения влияют новые социальные условия, к которым должен приспосабливаться современный человек. Тренд красоты и здорового образа жизни, который был популярен для носителей немецкой лингвокультуры, становится менее популярным и меньше связан у немцев со здоровьем. В результате ассоциирования 2020 год на первый план выводит не роль человека, способного решить все проблемы со здоровьем самостоятельно, а необходимость внешней помощи в виде лекарств и больницы. В таком случае можно говорить о «медикализации» общества, то есть распространении влияния медицины на все сферы общественной жизни. Согласно идеям известного французского философа М. Фуко, «медикализацию» стоит понимать как особую политическую технологию и «искусство управления». Он полагал, что медицина может управлять не только здоровьем, но и моральным поведением людей [Foucault 1980]. Повседневная жизнь человека изменилась, сформировались новые формы поведения в обществе: ношение масок, невозможность общения с родными, изоляция и т. д. Зависимость от внешних факторов делает человека уязвимым, а потому в эксперименте проявляется в значительной мере реакция *Angst – страх* (12%). В эксперименте 2020 г. отмечено резкое изменение коннотации с преимущественно положительной (35% положительных реакций, 1% отрицательных реакций от общего количества) на рост отрицательной (25% положительных реакций, 22% отрицательных реакций). Однако все негативные реакции определяются чувством страхом за свое собственное здоровье и свою жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Нагорная А. В. COVID-19 и эпонимическая контроверза в современной медицинской терминологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 25–31. [Nagornaya, A. V. (2020). (COVID-19 and

- eponymous controversy in modern medical terminology). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 455, 25–31. (In Russ.).
- Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций : в 3 ч. Ч. 2. Этнопсихологистика. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2007. [Pishchal'nikova, V. A. (2007). *Istoriya i teoriya psiholingvistiki: kurs lekcij: v 3-h ch. Ch. 2. Etnopsihologivistika*. (History and theory of psycholinguistics: a course of lectures). In 3 parts. Part 2. Ethnopsycholinguistics. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskiy universitet. (In Russ.).]
- Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Khloпова, A. I. (2018). *Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej* (Verbal diagnostics of the dynamics of basic values): thesis if PhD in Philology. Moscow. (in Russ.).]
- Aktion für Corona-Helden. URL : <https://www.maz-online.de/Lokales/Potsdam/Corona-Pandemie-Aktion-fuer-Helden-Pfleger-Krankenschwestern-Aerzte> (дата обращения: 30.01.2021).
- Das Buch Jesus Sirach, Kapitel 30. URL : <https://www.uibk.ac.at/theol/leseraum/bibel/sir30.html> (дата обращения: 10.01.2021).
- DUDEN. Universalwörterbuch. URL : <https://www.duden.de/rechtschreibung/Gesundheit> (дата обращения: 19.12.2020).
- Foucault M. *The Politics of Health in the Eighteenth Century. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. 1972–1977*. New York : Pantheon, 1980. P. 166–182.
- Pfeifer W. URL : <https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer> (дата обращения: 11.11.2020).
- The Free Dictionary. URL: <https://de.thefreedictionary.com/gesundheit> (дата обращения: 10.11.2020).
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1969. URL: <https://www.dwds.de/wb/Liebe#etymwb-1> (дата обращения: 11.11.2020).

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

УДК 811.133.1

М. М. Афонина

10.52070/2542-2197_2021_2_844_130

аспирант
кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета
afonina6991@mail.ru

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (на примере франкоязычной Швейцарии и франкоязычной Канады)

Объект исследования – механизмы категоризации и структуризации языковой картины мира. Предмет исследования – факторы дифференциации территориальной вариативности языковой картины мира во французском языке Швейцарии и Канады на материале тематической группы «Рыбы». В работе используются следующие методы: анализ словарных дефиниций, историко-этимологический анализ, когнитивный метод, фреймовый анализ. В ходе исследования была выявлена территориальная дифференциация языковой картины мира франкоязычной Швейцарии и франкоязычной Канады.

Ключевые слова: категоризация; структуризация; языковая картина мира; когнитивный метод; мотивированность; внутренняя форма.

Afonina M. M.

PhD Student
Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of the French language
Moscow State Linguistic University
afonina6991@mail.ru

CATEGORIAL ASPECT OF TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW (on the example of French-Speaking regions of Switzerland And Canada)

The article considers mechanisms of categorization and structurization of the linguistic worldview. The aim of research is to reveal the factors that influence the processes of differentiation of territorial variation of the linguistic worldview in the French language of Switzerland and Canada as exemplified in the thematic

group “Fish”. The author resorts to the following methods: word definition analysis, historical and etymological analysis, cognitive method, frame analysis. The study reveals distinctions of territorial differentiation of the linguistic worldview of French-speaking Switzerland and Canada.

Key words: categorization; structurization; linguistic vision of the world; cognitive method; motivation; inner form.

Введение

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает изучение процессов категоризации и структуризации, позволяющие проследить механизмы членения языком окружающей действительности. «Сущность категоризации заключается в делении Бытия на категориальные области, объединяющие подобные явления. Результатом категоризации является объединение, группировка подобных или тождественных элементов... в более крупные разряды, классы, группы» [Кузнецов 2019, с. 125]. В языке категоризация представлена лексико-семантическими полями и тематическими группами. Тематическая группа представляет собой объединение слов на основе общего родового слова, которое с точки зрения таксономической классификации является родовым. Тематическая группа включает в свой состав слова с видовым и видо-видовым значением, рассматриваемые как гипонимы. Структуризация представляет собой процесс, направленный на выделение прежде всего видо-видовых отношений в категориальных объединениях. Процессы категоризации и структуризации в языке выступают в качестве одного из способов описания языковой картины мира (далее – ЯКМ). ЯКМ представляет собой общую для всех членов языкового коллектива модель мира, оформленную языковыми, главным образом, лексическими средствами [Кузнецов 2019].

Недостаточно исследована проблематика территориальных вариантов ЯКМ одного и того же языка и факторы их дифференциации. Французский язык имеет различные территориальные варианты в силу своей широкой распространенности в современном мире. Наиболее известные из них – бельгийский, швейцарский и канадский (квебекский) варианты. Особый интерес представляет швейцарский вариант, поскольку он, с одной стороны, имеет наибольшее количество сходных черт с французским языком Франции, с другой – недостаточно исследован в сравнении с другими вариантами. Следует согласиться с Е. Г. Дмитриевой в том, что «сфера применения национального

варианта языка имеет устойчивую тенденцию постоянного расширения. Данное обстоятельство предопределяет необходимость уделять этому крупнейшему лингвистическому ареалу франкофонии самое пристальное внимание» [Дмитриева 2011, с. 34]. Представляет также интерес канадский, а именно, квебекский вариант, так как он содержит большее количество отличий от центрального варианта.

Задачей нашей работы является описание фрагментов ЯКМ франкоязычной части Швейцарии и канадского региона Квебек на материале предметно-тематической группы «Рыбы» в аспекте категоризации и структуризации. С этой целью мы проанализируем гельвецизмы и квебизмы, относящиеся к данной предметно-тематической группе, с точки зрения их: исторической этимологии и внутренней формы, лежащей в основе номинации, и роли в процессах категоризации и структуризации в сопоставлении с их аналогами во французском языке Франции в плане фреймового состава, словообразовательной мотивированности и этнокультурных коннотаций.

Вслед за В. Г. Кузнецовым, под внутренней формой слов понимается «мотивирующий признак, доминирующий в номинации предмета объективной действительности, на котором основаны денотативные и сигнификативные значения слова» [Кузнецов 2019, с. 77]. В большинстве слов внутренняя форма демотивирована в результате эволюции языка и ее реконструкция осуществляется путем историко-этимологического анализа, результатом которого является выделение этимона. Поскольку внутренняя форма отображает своеобразное видение мира, она имеет непосредственное отношение к ЯКМ. Еще основатель учения о ЯКМ В. Гумбольдт писал: «Тем самым возникают в равнозначных словах различных языков разные представления об одном и том же предмете» [Гумбольдт 1984, с. 64]. Под фреймом понимаются все признаки обозначаемого денотата, выявляемые в процессе когнитивного анализа семантической структуры лексического знака. При этом один из признаков выступает в качестве основы номинации. Этот признак А. А. Потебня квалифицировал как «способ представления внеязычного содержания» [Потебня 1941, с. 5].

Анализ лексем предметно-тематической группы «Рыбы» швейцарского французского языка

1. **Bondelle** (poisson des lacs de Neuchâtel et de Bienne, fam. de salimonidés, des corégones) – *невшательский сиг*, рыба в озерах

Невшателя и Бьенна, относится к семейству лососевых и роду сиговых. Слово произошло от французской диалектальной формы *bondella*, которая образовалась от галльского слова *bunda*, имевшего значение «дно», «глубина» [Tibault, Knecht 2004]. Таким образом, можно предположить, что в основу номинации в данном случае положен признак «глубина обитания» данного вида рыб, живущего на дне водоемов. Этот признак является этимоном. Этимон представляет собой внутреннюю форму видо-видовой номинации.

Фреймовую структуру значения данного слова можно представить следующим образом: *название рыбы + ее разновидность + глубина обитания + место обитания*.

Словарная дефиниция указывает на то, что данная разновидность рыб обитает в озерах Невшателя и Бьенна, т. е. в швейцарских регионах. Из этого можно сделать вывод, что слово *bondelle* обозначает региональную реалию.

2. **Féra** (poisson du lac Léman fam. de salimónidés, genre des corégones) – *белый сиг* Женевского озера относится к семейству лососевых, роду сиговых [там же]. Происхождение слова неизвестно, появилось, предположительно, в дороманский период. Обратим внимание на то, что слово *bondelle* также обозначает разновидность рыб, относящуюся к семейству лососевых, роду сиговых, но обитающую в других водоемах. Отметим, что структура значения данного слова совпадает со структурой значения слова *bondelle*. При этом компоненты «наименование рыбы» и «ее разновидность» в значениях обоих слов совпадают, в то время как компонент «место обитания» отличается.

3. **Palée** (poisson des lacs de Neuchâtel, Bienne et Morat (fam. des salmonidés, genre des corégones) – *белый сиг*, обитающий в озерах Невшателя, Бьена и Муртена, относится к семейству лососевых, роду сиговых. Слово имеет латинское происхождение, также использовалось в среднефранцузский период [там же]. Отметим, что данная лексема, как и две предыдущих, обозначает рыбу из семейства лососевых, рода сиговых, но места ее обитания шире.

Эти названия рыб имеют общий гипероним *corégone* (*cug*). Рассмотрим структуру значения данного слова: *corégone* (poisson d'eau douce lacustre de la famille des salmonidés – рыба, обитающая в пресных озерах и относящаяся к семейству лососевых [Wiktionnaire 2020]: *наименование животного + разновидность животного + место обитания*.

Таким образом, отметим, что в структурах значений гиперонима *corégone* и гипонимов *bondelle*, *féra* и *palée* присутствует общий компонент, указывающий на наименование рыбы, в то время как компоненты, обозначающие разновидность рыб и места обитания в структурах гипонимов, конкретизируют соответствующие компоненты в структуре гиперонима: в структурах гипонимов в компоненте «разновидность рыбы» есть указание не только на принадлежность к семейству лососевых, но также и на принадлежность к роду сиговых; в компоненте «место обитания» есть указание не только на тип водоемов, но и на их месторасположение.

4. **Dorsch** (*cabillaud* – *треска*). Слово было заимствовано из немецкого языка, где имеет то же значение [Tibault, Knecht 2004]. Следует обратить внимание на то, что во французском языке Франции существуют эквиваленты данного слова *cabillaud* (для обозначения зрелых особей) и *morue* (для обозначения молодых особей), тем не менее во французском языке Швейцарии используется немецкий эквивалент данного слова, что, вероятно, свидетельствует о влиянии немецкоязычной Швейцарии на ее франкоязычную часть. Таким образом, этносемантическим компонентом данного слова (частично, поскольку данный компонент был заимствован из другого языка) можно считать его внешнюю форму.

Этносемантический анализ предметно-тематической группы «Рыбы» во французском языке Канады

1. **Achigan** (*poisson d'eau douce originaire d'Amérique du Nord, à corps plutôt trapu, souvent verdâtre et marqué de taches sombres, à nageoires dorsales réunies (dont la première est épineuse), qui est connu pour sa combativité et qui fait l'objet d'une pêche sportive très prisée*) – *черный окунь*, рыба зеленоватого окраса с темными пятнами, обитает в пресных водах Северной Америки. Ее верхние плавники соединены (первый плавник колючий). Известна своим агрессивным нравом. Часто является объектом спортивной рыбалки. Слово *achigan* было заимствовано из алгонкинских языков, в которых имело форму *achigen* [Cajolet-Laganière, Martel, Masson 2020]. Рассмотрим структуру значения данного слова: *наименование рыбы* + *характеристика водоемов* + *регион обитания* + *форма тела* + *расцветка животного* + *характер животного* + *характеристика рыбалки*.

Во французском языке Франции: *black-bass*, *perche noire*. Рассмотрим их более подробно.

Black-bass – *черный окунь*. Значение полностью совпадает со значением *achigan*. Слово было заимствовано из североамериканского английского языка.

Perche noire – *черный каменный окунь*. Значение слова полностью совпадает со значением *achigan*. Слово *perche* было заимствовано из латинского языка, в котором имело форму, согласно одним источникам, *perca*, согласно другим – *pertica*. Таким образом, можно сделать вывод, что этнолингвистическими характеристиками данного слова являются его внешняя форма, эксплицитная мотивированность и происхождение.

2. **Achigan à grande bouche** (espèce à bouche largement fendue dont les flancs sont marqués d'une bande horizontale sombre) – *большеротый черный окунь*, разновидность черного окуня, форма рта имеет как бы «разрезанный» вид, по бокам проходит темная горизонтальная полоса [Cajolet-Laganière, Martel, Masson 2020]. Данное словосочетание представляет собой гипоним по отношению к слову *achigan*.

Приведем структуру формы словосочетания: *наименование рыбы + особенности строения ее тела*. Рассмотрим также структуру значения словосочетания: *наименование рыбы + разновидность рыбы + расцветка рыбы + особенности строения ее тела*.

Словосочетание имеет аналог в классическом французском языке: *perche truitée*.

Perche truitée – *большеротый черный окунь*, букв. ‘пестрый окунь’. Значение словосочетания полностью совпадает со значением словосочетания *achigan à grande bouche* [Cajolet-Laganière, Martel, Masson 2020]. Структура внешней формы данного словосочетания: *наименование животного + расцветка животного*. Таким образом, этнолингвистическими характеристиками *achigan à grande bouche* являются номинация словосочетанием, эксплицитная мотивированность и происхождение слова *achigan*.

3. **Achigan à petite bouche** (espèce répandue dans les eaux canadiennes, dont les flancs sont marqués de bandes verticales sombres) – *малоротый черный окунь*, разновидность черного окуня, обитающий в канадских водоемах, особенность его окраса – темные вертикальные полосы по бокам [Cajolet-Laganière, Martel, Masson 2020]. Данное словосочетание также представляет собой гипоним слова *achigan*. Рассмотрим структуру внешней формы словосочетания: *наименование рыбы + особенности строения ее тела*.

Структура значения слова выглядит следующим образом: *наименование рыбы* + *разновидность рыбы* + *место обитания рыбы* + *расцветка рыбы*.

Отметим, что структура словосочетания совпадает со структурой словосочетания *achigan à grande bouche* (отличается только содержание компонента, указывающего на особенности строения тела рыбы, а именно – на размер рта), в то время как на уровне структуры значения словосочетания наблюдаются различия: в случае словосочетания *achigan à grande bouche* присутствует компонент «особенности строения тела рыбы», но отсутствует компонент «место обитания рыбы», а в случае словосочетания *achigan à petite bouche* – напротив, в структуре значения словосочетания присутствует компонент «место обитания рыбы», но отсутствует компонент «особенности строения тела рыбы». Тем не менее в случае словосочетания *achigan à petite bouche* указание на особенности строения тела рыбы (размер рта) хотя и отсутствует на уровне структуры значения словосочетания, но присутствует на уровне структуры словосочетания. Таким образом, можно предположить, что в случае малоротого черного окуня такой признак, как строение рта, является существенным, но не настолько ярко выраженным, как в случае большеротого черного окуня. Также можно сделать вывод, что такой признак, как место обитания животного (а именно, канадские водоемы), является существенным в отношении малоротого черного окуня, но не является таковым в отношении большеротого черного окуня.

Аналогом данного словосочетания во французском языке Франции является словосочетание *black bass à petite bouche*. Значение данного словосочетания полностью совпадает со значением словосочетания *achigan à petite bouche* [там же]. Рассмотрим структуру внешней формы данного словосочетания: *наименование рыбы* + *цвет рыбы* + *особенности строения тела рыбы*.

Таким образом, структура словосочетания, принадлежащего французскому языку Канады, частично совпадает со структурой словосочетания, принадлежащего французскому языку Франции (а именно, компоненты: «наименование рыбы» и «особенности строения ее тела»); однако в канадском словосочетании в отличие от французского отсутствует указание на цвет рыбы. Таким образом, фактором территориальной дифференциации ЯКМ в данных случаях является эксплицитная мотивированность – элементы фрейма вербализуются отдельными словами.

Заключение

Факторами территориальной дифференциации ЯКМ являются: особенности категоризации и структуризации, внутренняя форма лексических знаков, эксплицитная мотивированность и этнокультурный компонент. Структуризация категориального объединения «Рыбы» в большей степени присутствует в швейцарском французском и проявляется в значительном количестве видо-видовых номинаций (в особенности рыб, относящихся к семейству лососевых, роду сиговых). В сравнении с швейцарским французским в квебекском французском лексем, обозначающих виды рыб, значительно меньше. В то же время имеет место дублирующая номинация, представленная заимствованиями из алгонкинских языков, что свидетельствует о развитии рыбного озерного промысла еще у коренного населения Квебека. В целом видо-видовые номинации дают представление о хозяйственной деятельности языкового коллектива.

Историко-этимологический анализ позволил выявить исторический этимон, положенный в основу номинации рыб во французском языке в Швейцарии. Установлено, что этимоны имеют латинское и диалектное происхождение, реже являются заимствованиями из других языков, главным образом из немецкого. Этот этимон представляет собой историческую внутреннюю форму слова, которая не воспринимается современными носителями французского языка. Другими словами, она является имплицитной. Реконструированная внутренняя форма дает представление о первичном признаке, лежавшем в основе номинации предмета. Тем самым подтверждаются мнение А. А. Потемни о том, что внутренняя форма способна передавать мировоззрение этноса, т. е. отражать его картину мира, вербализация которой обуславливает территориальную дифференциацию ЯКМ.

Для наименования озерных рыб в квебекском французском характерна эксплицитная мотивированность. Словосочетание представляет собой сложный лексический знак, в котором его семантический состав представлен расчлененно. Каждое слово вербализует элемент фреймового состава. В целом корреляцию между номинациями рыб в общем французском языке и его территориальных вариантах можно рассматривать в плане гиперо-гипонимических отношений. При этом гипероним выступает как родовое слово, а гипоним как видовое.

Этнокультурный компонент дает представление о водоемах, в которых водятся разновидности озерной рыбы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. [Gumbol'dt, V. (1984). *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* (Selected writings on linguistics). Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Дмитриева Е. Г. Лексико-семантические и стилистические особенности французского языка в Швейцарии // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 3. С. 30–34. [Dmitrieva, E. G. (2011). *Leksiko-semanticheskie i stilisticheskie osobennosti francuzskogo jazyka v Shvejcarii* (Lexico-semantic and stylistic peculiarities of the French language in Switzerland). *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 3. 30–34. (In Russ.)].
- Кузнецов В. Г. Произвольность и мотивированность языкового знака: семиологический и лингвистический аспекты: монография. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. [Kuznecov, V. G. (2019). *Proizvol'nost' i motivirovannost' jazykovogo znaka: semiologicheskij i lingvisticheskij aspektu: monografija* (Arbitrariness and motivation of a linguistic sign: semiological and linguistic aspects: monograph). Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. (In Russ.)].
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М. ; Л.: АН СССР, 1941. Т. 4. [Potebnja, A. A. (1941). *Iz zapisok po russkoj grammatike* (From notes on Russian grammar). Moscow ; Leningrad: AN USSR. (In Russ.)].
- Tibault A., Knecht P. Dictionnaire suisse romand. Genève: Éditions Zoé, 2004. 885 p.
- Cajole-Laganière H., Martel P., Masson Ch.-É. Dictionnaire Usito. URL: <https://usito.usherbrooke.ca/d%C3%A9finitions/achigan> (дата обращения: 05.11.20).
- Wiktionnaire. URL: <https://fr.m.wiktionary.org/wiki/cor%C3%A9gone> (дата обращения: 05.11.20).

УДК 811.133.1

И. А. Семина

10.52070/2542-2197_2021_2_844_139

доктор филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета
dekanat_ffya@mail.ru

ОБ ОДНОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНЦЕПТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ (на материале произведения Ромена Роллана «Кола Брюньон»)

Статья посвящена изучению специфики лингвокультурного национального французского концепта «Joie de vivre» – «наслаждение жизнью», анализируются составляющие его концептуальных признаков. По мнению автора, из всего многообразия ключевых концептов национального культурного мира Франции данный концепт представляется одним из наиболее показательных для демонстрации французского национального характера, тем более что концептуальные признаки выделяются на материале произведения, главным героем которого является труженик, простой человек из народа.

Ключевые слова: концепт; лингвокультурологический национальный концепт; концептуальные признаки; национальный характер; менталитет.

I. A. Semina

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Head at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of French
Moscow State Linguistic University
dekanat_ffya@mail.ru

ABOUT ONE NATIONAL CONCEPT OF FRENCH CULTURE (based on the work of Romen Rollan's "Cola Brunion")

The article analyzes the French concept "Joie de vivre" ("Pleasure of life") to reveal its ethnolinguistic and cultural features. For this purpose, its conceptual elements are identified. The author argues that of all the variety of key concepts of the French culture, this concept is one of the most illustrative in terms of French national character, which is proved by text analysis that serves to reveal that its distinctive conceptual feature is a common working man.

Key words: concept; linguocultural national concept; conceptual features; national character; mentality.

Введение

Цель настоящего исследования, проводимого в русле лингво-концептологии, состоит в определении специфики французского национального культурного концепта «JOIE DE VIVRE» – «НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ».

Актуальность работы заключается в необходимости дальнейшей разработки концептологии в аспекте особенностей национальных концептов на материале французского языка.

При всем многообразии трактовки понятия концепта нам представляется важным определение, данное этому феномену В. И. Карасиком. Исследователь рассматривает концепт как «метальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта <...> кванты передаваемого знания» [Карасик 2004, с. 59].

Сложная содержательная организация и структура концептов обуславливает разнообразие их классификаций, которые строятся на разных основаниях, частично перечисленных в работе Ю. В. Богдавленной [Богдавленская 2013]. Так, в качестве подобных оснований автор приводит выводы отечественных исследователей – З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Е. Ю. Пономаревой, Г. Г. Слышкина, М. В. Пименовой, которые утверждают, соответственно, что с точки зрения принадлежности к определенным группам носителей выделяются концепты универсальные, этнические, цивилизационные, групповые (профессиональные, гендерные и т. д.), индивидуальные, вербализуемые, имеющие закрепленные за ними языковые средства объективации и скрытые (невербализуемые) [Попова, Стернин 2007, с. 28]; в зависимости от дискурса, в котором они употребляются – обиходные, научные, художественные, (общехудожественные, индивидуально-авторские и собственно авторские концепты [Пономарева 2008, с. 7]. С точки зрения репрезентаций в языке существует классификация, объединяющая такие виды концептов, как лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические. Классификация концептов может включать также концепты культуры, которые делятся на категории универсальные (*время, пространство*), социально-культурные (*свобода, труд*), категории национальной культуры (*доля, душа, воля для русской культуры*), этические (*право, истина*), мифологические категории (*Ангел-хранитель*).

Среди всего множества нас интересуют прежде всего концепты национальной культуры, которые «рассматриваются как ключевые слова» и «сфокусированы на различных чертах национального характера» [Зусман, Кирнозе 2013, с. 168], как отражение национального культурного мира, или концептосферы, носителей национальной ментальности.

В качестве примера приводится концепт «джентельмен», который признается носителем английского национального характера, сочетающего в себе традиции и эксцентричность; русский же национальный мир может раскрываться в концептах «судьба», «тоска», «дух». Среди главных концептов французского национального мира Л. Г. Веденина называет дух критицизма (*esprit critique*); свободолюбие (*liberté*), республиканские ценности (*valeur républicaine*); любовь (*amour, admiration*), оцениваться/оценивать по заслугам (*méritorratie*), дух рыцарства (*esprit chevaleresque*); индивидуализм (*individualisme*); элегантность (*élégance*); бережливость (*esprit d'épargne*); вкус к комфорту (*goût au confort*) [Веденина 2009].

Концепт «JOIE DE VIVRE» – национальный французский концепт культурного мира

Одним из концептов национального культурного мира является французский концепт «JOIE DE VIVRE» – «НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ», который наряду с другими национальными концептами «может служить введением с целую систему установок и впечатлений», в данном случае относительно французского менталитета [Вежбицка 2001, с. 35]. Эти слова особенно важны и показательны для отдельно взятой культуры; они могут «анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [там же с. 37].

Историческое прошлое Франции, в частности Бургундии, в котором переплетаются время позднего Ренессанса и религиозных войн, привлекало Р. Роллана кипением страстей и мощью характеров, и вместе с тем давало возможность прославить творения народного умельца Кола Брюньона – простого резчика по дереву, народного ваятеля французского Ренессанса, создающего скульптуры и фонтаны, украшающего замки и общественные здания.

Р. Роллан наделяет Кола Брюньона многогранностью, в которой соединены «ремесленник и поэт, шутник и мыслитель, отец семейства» [Мотылева 1959, с. 280], «кутила и забияка, видящий высшую

радость в чтении старинных книг, мудрец одиночка, живущий вне городских стен, и предводитель кламсийцев в критические для города минуты» [Мотылева 1959, с. 280]. Кола полон противоречий и в своем образе носит собирательный характер всей нации. Писатель стремится проследить динамику внутренней жизни главного героя, перемену его настроения, переживаний.

Основные концептуальные признаки французского национального концепта «JOIE DE VIVRE»

Выявляя концептуальные признаки, составляющие содержание французского национального культурного концепта «JOIE DE VIVRE» на материале произведения Р. Роллана «Кола Брюньон», мы получаем характеристики заглавного персонажа с разнообразных точек зрения. Поскольку этот герой представлен как собирательный образ обыкновенного француза из народа, мы можем полагать, что выделенные признаки данного национального концепта являются выражением французской народной ментальности.

Народный умелец, Кола Брюньон, умеет ценить покой (*J'aime trop mon repos*¹), высказанные в его адрес недобрые слова не заставляют его огорчаться (*je ne suis pas si sot de me faire pour des mots une solide mélancolie*); ему не портят настроение ни крик, ни брань жены, на которые он отвечает смехом (*quand elle cris, je ris...*), ни плохая погода (*quand il tonne, je baritone – когда гремит гром – я пою на весь дом*). Герой умеет наслаждаться тем, что есть. Он не унывает несмотря на холодную погоду (*Rira celui qui pleure, et le gèle cuira – кто плачет – посмеется, озябший обожжется*).

Кола Брюньон любит свою жизнь, несмотря на то, что главным ее элементом является тяжелый труд. Для него подобные трудности могут быть скрашены возможностью выпить вина. Он с большим оптимизмом восклицает: *Travailler après boire, boire après travailler, quelle belle existence!* – *Выпив – поработаешь, поработал – выпить – что за чудное житье!* Герой критически относится к тем людям, которые не понимают, как он может пить в такие непростые времена. В свою очередь, он не осуждает подобные высказывания тех, кто не умеет радоваться

---

¹ Зд. и далее Р. Роллан цитируется по: R. Rolland . Colas Breugnon. Bonhomme vit encore. М.: Editions en langues étrangères, 1948 ; перевод на русский язык М. Лозинского : Р. Роллан. Кола Брюньон. «Жив Курилка». Рига : Латгосиздат, 1949.

жизни: *Il n'y a pas de triste époque, il n'y a que des tristes gens* – Не бывает мрачных времен, бывают только мрачные люди. Кола Брюньон утверждает, что не нужно обращать внимание на людей, которые жалуются и выражают свое недовольство. Эти слова выражают оптимизм главного героя, считающего, что нужно находить прекрасное в том времени, в котором ты живешь, каково бы оно ни было.

Кола Брюньон перечисляет самые простые вещи, которые, по его мнению, приносят ему радость: *J'ai tout ce qui est bon, la bonne chère, le bon vin, les belles joies* – Я люблю все хорошее – вино, вкусную еду, простые радости жизни. Так, при выражении концептуального признака концепта «JOIE DE VIVRE» – «НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ» простые радости жизни, приносящие наслаждение, выражены существительным *vin, bonne chère, belles joies* в сопровождении таких эпитетов как *bon, belle, tendre, douce*.

Однако истинное удовольствие он получает от труда:

Joie de la main exacte, des doigts intelligents, les gros doigts d'où l'on voit sortir la fragile oeuvre d'art! Joie de l'esprit qui commande aux forces de la terre, qui inscrit dans le bois, dans le fer ou la pierre, le caprice ordonné de sa noble fantaisie!

Радость верной руки, понятливых пальцев, из которых выходили хрупкие искусные изделия! Радость разума, который повелевает силами земли, который запечатлевает в дереве, в железе и в камне прихоть твоей благородной фантазии!

Такие эпитеты, как *exacte, intelligents, fragile, noble* – верный, понятливый, хрупкий, стройный придают его словам жизнерадостность.

Герой трепетно относится к родному краю, воспевает его красоту:

A mes pieds est ma ville, toute coiffée de neige, toute transie qu'elle est, frileuse et grelottante, elle me fait chaud au coeur chaque fois que je la vois...

– Мой город даже весь заваленный снегом, весь застывший, избыбший и продрогший, согревает мне душу всякий раз, когда я его вижу.

Здесь Р. Роллан употребляет стилистический прием антитезы: при описании родного города автор использует такие эпитеты, как *transie, frileuse, grelottante* – продрогший, озябший, дрожащий от холода, которым он противопоставляет то чувство, которое испытывает по отношению к своей родине, а именно – теплоту своего сердца *elle me fait chaud au coeur*.

Все жизненные трудности встречаются Кола Брюньоном с пониманием и готовностью. Так, когда солдаты опустошают его винный погреб, герой приглашает их к столу со словами: *Ne pardons pas de temps, allons boire avec eux – Не будем терять времени, идем пить вместе.* При этом он добавляет: *me ruiner, je veux bien; mais me ruiner gaiement – я согласен разоряться; но разоряться весело.* Герой готов поделиться последним куском хлеба и последним глотком вина, лишь бы это принесло тому радость и удовольствие. При этом Р. Роллан умело употребляет такой стилистический прием как оксюморон – *me ruiner gaiement – разоряться весело.*

Уважительное отношение к людям и их жизни, гуманизм персонажа К. Брюньона составляют содержание другого концептуального признака концепта «JOIE DE VIVRE» и заключены в следующих словах главного героя: *Tous les homme sont mes amis. S'ils se battent, c'est leur plaisir. – Все люди мои друзья. Если они дерутся – это их добрая воля.*

Так, во вспыхнувшем религиозном конфликте между католиками и протестантами Кола Брюньон не принимает чью-либо сторону, продолжая уважать тех и других за их человеческие хотения.

Кола не теряет надежду в самых трудных жизненных ситуациях. Даже такое страшное событие, как война, не пугает его. Он надеется, что все плохое обязательно закончится, и ему на смену придут лучшие времена:

La froidure, les gelées, la canaille des camps et celle de la cour n'ont qu'un temps, s'en iront. La bonne terre reste, et nous pour l'engrosser. D'une seule ventrée, elle aura réparé.

– Холода, морозы, сволочь лагерная и придворная, побудут и пройдут. Добрая земля останется и мы, чтобы она рожала. Она за один помет с лихвой свое вернет.

Оптимизм Кола Брюньона составляет еще один концептуальный признак концепта «JOIE DE VIVRE». Так, когда враги разрушали его дом, он не отчаивается, но говорит: *Je l'ai refaite deux, je la referai bien dix – Я отстраивался два раза – отстроюсь еще десять.*

Даже в суровой реальности у главного персонажа находится время, чтобы выпить вина:

En attendant, buvons le fond de la feuillette! Il faut faire la place aux vendanges à venir.

– А пока прикончим мой бочонок! Надо очистить место для будущего урожая.

Такой концептуальный признак, как «позитивный настрой», а также «умение ценить и с благодарностью принимать жизнь со всеми ее трудностями», характеризует моральные качества главного героя в произведениях Ромена Роллана. Он заключается в следующих словах Кола Брюньона:

J'en fus très contristé, ainsi qu'on peut le croire; mais quand le mal est fait, il est fait et bienfait, il faut s'en accommoder <...> .

– Я был этим весьма опечален, как это поймет всякий; но когда зло содеяно, то оно содеяно, и с ним приходится мириться. Я и мирюсь.

Не забывает главный герой в очередной раз упомянуть о вине и подчеркнуть, что оно будет выпито не просто так:

Mon ami! Mais vous n'en perdrez rien; c'est à votre santé!

– Какой нектар, какой букет! Но вы не горюйте, мой друг: его выпьют за ваше здоровье!

Экспрессивность речи Кола Брюньона подчеркивается использованием в речи междометий, а также большим количеством восклицательных предложений.

Следующий аргумент из текста произведения позволяет сформулировать такой концептуальный признак, как «гостеприимство», «любовь к широким празднествам». Мы видим, что Кола всегда готов выпить вина сам и поделиться им со своими добрыми друзьями:

A boire! A boire! A boire!

Nous quitterons – nous sans boire? Non!

Les Bourgignons ne sont pas si fous,

D' se quitter sans boire un coup!

Пить! Пить! Пить!

Не так же друзей отпустить? Нет!

Среди бургундцев нет такого дурака,

Чтоб друга отпустить, не выпив с ним глотка.

Одним из главных принципов жизни Кола, которому он всегда следует – относиться ко всем людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе. Именно поэтому главный персонаж по-доброму относится даже к врагам:

Parce que, dans la vie, vois-tu, c'est plus prudent d'être bien que d'être mal avec les méchants

– Потому что в жизни со злыми лучше жить в ладу, если с ними заводишь вражду.

Общение с людьми очень ценится главным героем, оно всегда приносит ему яркие эмоции:

Toutes occasions sont bonnes pour causer.

– Для беседы всякий повод хорош.

Кола считает, что человек познается за едой, его красят поступки:

C'est du manger que l'on apprend ce que vaut l'homme. Qui aime ce que bon, je l'aime: il est bon Bourguignon.

– Человек познается за едой. Кто любит хорошее, того и я люблю, он добрый бургундец!

Герой Р. Роллана олицетворяет образ настоящего патриота, преданного своей Родине. Он любит свой родной край и говорит об этом:

Qu'il fait bon vivre en ce pays! Que Dieu au Ciel soit béni, qui tous trois nous fit naître ici! Se peut-il rien de plus mignon, de plus riant, de plus touchant, attendrissant, appétissant, gras, moelleux et gracieux! On en a les larmes aux yeux. On voudrait le manger, le gueux.

– Как хорошо жить в этом краю! Благословен Господь Небесный, давший нам с вами родиться тут. Есть ли что-нибудь милее, веселее, умилнее, восхитительнее, вкусней, жирней, сочней и миловидней! У меня слезы на глазах перед этой далью. Так бы и съел ее, каналью.

Таким образом концептуальный признак «патриотизм» входит в содержание французского национального концепта «JOIE DE VIVRE». Средства вербализации этого концепта содержат такие яркие эпитеты, как *mignon*, *riant*, *touchant*, *attendrissant*, *appétissant*, *gras*, *moelleux*, *gracieux*, которые придают яркую эмоциональную окраску образу родной страны, родного края.

Любовь главного героя, его привязанность к родной земле как концептуальный признак, составляющий национальный французский концепт «JOIE DE VIVRE», получает свою объективную цель также в следующих словах Кола Брюньона:

Allez d'ou je suis incrusté, il ne sera plus facile de m'arracher.

– Но раз я туда вбит, меня нелегко оттуда вытащить.

Заключение

Таким образом, в качестве основных концептуальных признаков французского национального концепта «JOIE DE VIVRE» можно назвать следующие: «любовь к жизни и наслаждение всеми ее проявлениями», «любовь ко вкусной еде и вину», «умение ценить такой и не огорчаться», «получение истинного удовольствия от труда», «трепетное отношение к работе и чувствам других людей», «умение ценить свободу и уважать различные проявления человеческих чувств», «смирение и принятие жизненных трудностей», «гостеприимство», «гуманизм», «воспевание красоты родного края», «патриотизм».

В соответствии с трактовкой национального культурного концепта как феномена, связанного с проявлением национального менталитета, можно рассматривать данные признаки как типичные для французского национального менталитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богоявленская Ю. В.* Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология. 2013. Вып. 7. С. 6–16. [Bogoyavlenskaya, Yu. V. (2013). Problema tipologii kontseptov v sovremennoy lingvistike (The issue of the typology of concepts in modern linguistics). *Lingvokul'turologiya*, 7, 6–16. Ekaterinburg. (In Russ.)].
- Веденина Л. Г.* О рациональности французов // Французское предложение в речи. М.: ИП, 2009. [Vedenina, L. G. (2009). O ratsional'nosti frantsuzov. Frantsuzskoye predlozheniye v rechi (On the rationality of the French. French sentence in speech). Moscow: IP. (In Russ.)].
- Вежбицка А.* Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Vezhbitskaya, A. (2001). Ponimaniye kul'tury cherez posredstvo klyuchevykh slov (Understanding culture through key words). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.)].
- Зусман В. Г., Кирнозе З. Н.* Ключевые концепты национального культурного мира // Языки и культуры. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2013. С. 162–172. [Zusman V. G., Kirnoze Z. N. (2013). Kljuchevye koncepty nacional'nogo kul'turnogo mira. (Key concepts of the national cultural world). *Jazyki i kul'tury*. Moscow: MGIMO (U) MID RF. (In Russ.)].
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепт, дискурс. М.: Гнозис, 2004. [Karasik, V. I. (2004). Yazykovoy krug: lichnost', kontsept, diskurs. (Language circle: personality, concept, discourse). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Мотылева Т. Л.* Творчество Романа Роллана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. [Motyleva, T. L. (1959).

Tvorchestvo Romena Rollana (The creative work of Romen Rolland). Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. (In Russ.).

Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе: на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова. М., 2008. [Ponomareva, E. Ju. (2008). Konceptual'naja oppozicija «Zhizn' – Smert'» v pojeticheskom diskurse: na materiale poezii D. Tomasa i V. Brjusova. (Conceptual opposition «Life – Death» in poetic discourse: in the poetry of D. Thomas and V. Brusov). Moscow. (In Russ.)].

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ : Восток-Запад, 2007. [Popova Z. D., Sternin I. A. (2007). Kognitivnaja lingvistika. (Cognitive linguistics). Moscow: AST : Vostok-Zapad. (In Russ.)].

Rolland. Colas Breugon. Bonhomme vit encore. М.: Editions en langues etrangeres, 1948.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 81(091)

10.52070/2542-2197_2021_2_844_149

Н. Н. Германова

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
nata-germanova@yandex.ru

СИНТЕТИЗМ И АНАЛИТИЗМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОГО СТРОЯ В БРИТАНСКИХ ГРАММАТИКАХ XVIII ВЕКА

Автор исследует истоки учения о синтетизме и аналитизме как о двух типах организации языкового строя в европейской лингвистике. В британских грамматиках это различие было осознано еще в XVIII в., задолго до разработки типологической классификации языков А. В. Шлегелем. В статье показано, какую оценку получал аналитический характер английского языка в трудах британских грамматистов и каким образом осознание аналитизма английского языка влияло на выработку критериев для установления грамматических категорий.

Ключевые слова: лингвистическая типология; синтетизм; аналитизм; британские грамматики XVIII в.; грамматическая категория.

N. N. Guermanova

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
nata-germanova@yandex.ru

SYNTHETISM AND ANALYTICISM AS CHARACTERISTICS OF LANGUAGE STRUCTURE IN 18TH CENTURY BRITISH GRAMMARS

The author explores the roots of the study of synthetism and analyticism as two types of language structure in European linguistics. As shown in the article, British grammarians realized this difference in the 18th century, long before A. W. Schlegel worked out his typological classification of languages. The author analyses the appraisal of the analytical character of the English language in British grammars, focusing on the way this affected the identification of grammar categories of the English language by 18th-century grammarians.

Key words: linguistic typology; synthetism; analyticism; 18th-century British grammars; grammatical category.

Введение

В истории лингвистических учений противопоставление синтетических языков аналитическим принято приписывать А. В. Шлегелю, который в 1818 г. выделил их как два подтипа в рамках морфологической типологии языков мира. Однако, как показывает обращение к британской грамматике XVIII в., эти два способа организации грамматического строя были хорошо известны, хотя и под другими названиями, британским грамматистам эпохи Просвещения.

Британская грамматическая традиция XVIII в. нередко обсуждается в истории лингвистических учений в снисходительном тоне или даже в негативном ключе. К ее недостаткам относят нормативный, а не сугубо дескриптивный характер, а также подражание латинским образцам, которое, как часто утверждают, не позволяло британским грамматистам отразить своеобразие английского языка. Однако вопрос о том, в какой мере справедливы эти упреки, заслуживает более тщательного рассмотрения.

Что касается нормативного характера этих трудов, то следует отметить, что хотя XVIII в. действительно стал ключевым для формирования нормативной традиции, и грамматике, в частности работы Р. Лауга и Л. Маррея, сыграли в этом процессе важнейшую роль, все же грамматические сочинения этого периода отнюдь не были подборками нормативных рекомендаций наподобие современных *style guides*. Нормативные рекомендации в грамматиках авторов XVIII в. были встроены в грамматическую теорию, и авторам этих грамматик приходилось решать традиционные для грамматического описания теоретические проблемы – о принципах выделения частей речи и грамматических категорий, о числе и характере частных грамматических категорий, о средствах выражения грамматических значений и т. п.

Поскольку британская грамматическая традиция, как и другие грамматические традиции национальных языков Европы, относится, по определению Ю. В. Рождественского [Рождественский 1990, с. 282], к числу «непервообразных» (т. е. к числу традиций, сложившихся в ареале распространения некоторой первообразной традиции, в данном случае греко-латинской), она не могла не обнаруживать зависимость от латинских образцов. Однако детальное изучение того,

насколько велика была эта зависимость, в чем именно она проявлялась и какие отступления от нее позволяли себе британские авторы, показывает, что последние отнюдь не слепо копировали латинские образцы. Как справедливо пишет Й. Майкл, «несмотря на поверхностное впечатление об однообразии, подражательности и скучности, английские грамматики¹ фактически содержали удивительное разнообразие взглядов и категорий» [Michael 2010, с. 2].

Так, в частности, британские грамматисты эпохи Просвещения прекрасно осознавали аналитический характер английского языка, который резко контрастировал с устройством латинского и греческого языков. Как будет показано ниже, хотя сами термины «синтезизм» и «анализизм» появились лишь в XIX в., в знаменитых «Заметках о провансальском языке и литературе» А. В. Шлегеля (1818), в Великобритании само противопоставление языков двух типов было отчетливо осознано еще в XVIII в.

В теоретическом плане это противопоставление было исследовано А. Смитом в трактате «Соображения о происхождении и формации языков» (1761) в контексте его рассуждений об эволюции ментальных способностей человека; А. Смит дал этим типам названия «составных» и «несоставных» языков [Smith 1774]. В практическом плане, при описании грамматического строя английского языка, это противопоставление поднималось часто во всех грамматиках английского языка XVIII в.

В настоящей статье будет показано, какую оценку получал аналитический характер английского языка в трудах британских грамматистов эпохи Просвещения и каким образом осознание анализизма английского языка влияло на построение грамматической теории, в частности, на выработку критериев для установления грамматических категорий.

Оценка аналитического строя английского языка в британских грамматиках эпохи Просвещения

Практически в любой грамматике английского языка XVIII в. можно найти рассуждение о том, что английский язык отличается от классических языков, таких как древнегреческий и латынь, тем, что в нем отношения между словами выражаются не с помощью флексий,

¹ Речь идет о работах XVII–XVIII вв. – Н. Г.

а за счет порядка слов и служебных слов. Эти рассуждения, прежде всего, сопровождали объяснения падежного устройства английского языка, а также описания системы времен, но встречалась также в разделах о других грамматических категориях, например, о наклонении глагола или о степенях сравнения прилагательных.

Особенности синтетических и аналитических языков обычно истолковывались в историческом ключе как противопоставление классических, или древних языков, языкам современным или, несколько реже, это было противопоставление ареально-географического характера. В последнем случае аналитические конструкции приписывали «северным» языкам, к которым относили и английский. Если первое противопоставление в целом соответствует современным взглядам (усиление аналитизма является объективной тенденцией развития индоевропейских языков), то положение об особом аналитизме северных языков явно противоречит тому факту, что романские языки также развивались в направлении аналитизма (что также отмечали некоторые грамматисты XVIII в.).

В качестве причины возникновения аналитических конструкций указывали на языковые контакты, а также на развитие способностей человека к абстрагированию (в аналитических конструкциях отношения выражаются отдельным словом, которое имеет предельно абстрактное значение) [Smith 1774].

Аналитическим средствам выражения грамматических значений, таким, как предлоги и артикли, в грамматических трудах уделялись обширные разделы, причем авторы подчеркивали не только их собственно грамматические функции, но и выразительные возможности. Так, Х. Блэр, автор самой известной британской риторики XVIII в. (она использовалась в практике университетского образования с момента ее публикации в 1783 г. до первой трети XIX в.), называл их «стыками, или петлями, на которых держится предложение». Автор другой влиятельной риторики этого периода Дж. Кэмпбелл (1776) указывал, что без коннекторов конструкция «предстанет лоскутным одеялом, а не единым целым» [Campbell 1844, с. 405]. Оба автора подчеркивали, что умелое использование предлогов может увеличивать «силу» и «живость» предложения (это были важнейшие риторические категории в стилистико-риторическом учении XVIII в.).

Так же детально описывались функции артиклей. Кроме указания на значения определенности/неопределенности, у артиклей обнаруживали дополнительные семантические возможности, усиливавшие «индексальную иконичность» языка. Например, употребление одного артикля перед именованным словосочетанием с сочинительной связью подчеркивало концептуальное единство его частей, в то время как повторение артикля перед каждым существительным указывало, что его части мыслятся как отдельные концепты. Так, в словосочетании «the soul and body» душа с телом рассматривались как единая сущность, а в обороте ‘the soul and the body’ они трактовались как два противоположных начала [Kames 1841, с. 257].

Введение описаний аналитических конструкций в текст грамматик XVIII в. потребовало выработки метаязыка описания. В середине XVIII в. Дж. Гринвуд иногда называет вспомогательные глаголы «словами-помощниками» (*helping words*); в конце XVIII в. Р. Лаут, Дж. Битти и другие авторы используют вполне современный термин «вспомогательные глаголы» (*auxiliary verbs*). Еще с XVII в. некоторые авторы вводили в грамматическое описание термин «знак» (*sign*), который был призван обозначать любые грамматические средства: флексии, предлоги, союзы, частицы, порядок слов, вспомогательные и модальные глаголы (в XVII–XVIII вв. модальные глаголы квалифицировались как глаголы вспомогательные). В XVIII в. к термину «sign» в значении «формальное грамматическое средство» широко прибегал У. Уорд [Ward 1779].

Однако если признание особой роли аналитических конструкций в английском языке было общим местом, то оценка этого обстоятельства существенно варьировала. Было бы неверно полагать, что авторы грамматик английского языка, при всем их пиетете по отношению к классическим языкам, однозначно расценивали аналитический характер английского языка как его недостаток. Напротив, многие грамматисты этого периода отмечали в положительном плане простоту английского языка, вызванную отсутствием развитых систем спряжения и склонения: «мы освобождены от многих проблем и сложностей, который обнаруживаются в других языках», – писал Дж. Гринвуд [Greenwood 1753, с. 64].

Однако не все авторы считали простоту, обусловленную аналитическим характером грамматики английского языка, достоинством.

Теми грамматистами, кто был озабочен проблемами языковой правильности, простота грамматики английского языка могла истолковываться как источник ошибок в речи его носителей. Как писал автор авторитетнейшей нормативной грамматики конца XVIII в. Р. Лаут, эта простота могла создать ложное представление, что в английском языке нет правил, и провоцировать небрежное обращение с языком [Lowth 1793, с. V]. Впрочем, как подчеркивал автор, это проблема не английского языка, а его недостаточно внимательных пользователей (ср. аналогичную точку зрения в [Ward 1779, с. 294]).

Более любопытной является дискуссия о соотношении простоты и выразительных возможностей английского языка. Дж. Битти, шотландский поэт, философ, лингвист, автор универсальной грамматики «Теория языка» (1788), отмечая простоту грамматики английского языка, подчеркивал, что из-за отсутствия флексий английский язык серьезно уступает классическим языкам с точки зрения «элегантности», под которой он понимал красоту языка – благозвучность, изящество конструкций, выразительные средства.

Введение в грамматическое описание языка критерия «элегантности» свидетельствует о тесной связи грамматики XVIII в. с риторикой и стилистикой. В XVIII в. их предметные области пересекались. Это проявлялось двояко.

Во-первых, учебники грамматики и риторики часто включали в свой состав одинаковые или близкие по содержанию материалы. Составители риторик расценивали грамматику как своего рода фундамент искусного пользования языком, на который накладываются собственно риторические умения. Так, в упоминавшейся выше риторике Х. Блэра были такие разделы, как «Возникновение и развитие языка», «Структура языка», «Структура английского языка», «Структура предложения», посвященные лингвистической проблематике. Грамматические сведения были рассеяны и по другим частям его риторики. В популярнейшую грамматику Л. Маррея, в свою очередь, было включено приложение, представлявшее собой отрывок из риторики Блэра. Такое положение дел было характерно и для других учебников.

Во-вторых, сближение грамматики и риторики проявлялось и при обосновании правил грамматической правильности, которые нередко учитывали стилистико-коммуникативный потенциал грамматических конструкций. Например, возражая против отделения предлога

от глагола, в результате которого предложение могло заканчиваться предлогом (так называемый «prepositional stranding»), Х. Блэр указывал, что такая конструкция ослабляет «силу» высказывания, так как внимание читателя вынужденно фокусируется на предлоге – невыразительном слове, лишенном собственного значения [Германова 2018].

В свете этого неудивительно, что грамматическая структура языка оценивалась с эстетико-стилистических позиций. Показательна в этом отношении позиция А. Смита, которого считают создателем одной из первых типологических классификаций языков в европейской лингвистике [Германова 2020], а также автором влиятельной в XVIII в. риторической концепции (его лекции по риторике, хотя и не опубликованные при жизни автора, оказали существенное влияние на Дж. Кэмбелла и особенно на Х. Блэра). В трактате «Соображения о происхождении и формации языков» А. Смит связывал появление аналитических конструкций с ростом способности человеческого мышления к генерализации и абстрагированию. Было бы логично ожидать, что в конце своего труда А. Смит отдаст предпочтение аналитическим языкам как языкам, основанным на более сложных речемыслительных операциях. Однако, сравнивая достоинства «составных» и «несоставных» языков (т. е. языков аналитических и синтетических), он переходит на риторико-стилистическую аргументацию. Отмечая многословность аналитических языков (аналитическая конструкция состоит из нескольких слов), строгий порядок слов, ограничивающий выразительный потенциал синтаксических конструкций и придающий тексту монотонность, а также их неблагозвучность (из-за строгого порядка слов часто невозможно избежать негармоничного сочетания звуков на стыках слов), А. Смит отдает лавры первенства языкам синтетическим. Если в технике упрощение конструкции приводит к ее совершенствованию, то в языках дело обстоит противоположным образом, заключает он.

На этом фоне новаторской выглядит позиция У. Уорда, автора монументального «Трактата о грамматике» (1765). Один из разделов его труда называется «О совершенстве английского языка по причине простоты его синтаксиса». Его сравнение английского языка с латинским оказывается в пользу английского языка: «Отсутствие простоты в синтаксисе не может быть компенсировано гармоничностью каденций или какими-нибудь другими достоинствами, которые, как

предполагают, дает сложный синтаксис, такой, каким обладает латынь или греческий» [Ward 1779, с. 289]. Урд отвергает претензии филологов к английскому языку. Что касается многословности, то, как поясняет он, предложные конструкции английского языка содержат не больше слогов, чем падежные формы классических языков. Урд отмечает звуковое разнообразие английского языка, точность выражения смысла синтаксическими конструкциями и лексическое богатство, которые делают его эффективным средством выражения мысли, ссылаясь в качестве доказательства на литературные шедевры Мильтона и Шекспира.

Критерии выделения грамматических категорий в британских грамматиках XVIII в.

Аналитический характер английского языка ставил перед грамматистами сложный теоретический вопрос: на каком основании следует выделять грамматические категории, можно ли (как это делали в Средневековье) ориентироваться преимущественно на семантику, и если одной семантики недостаточно, то какие именно формальные средства указывают на наличие в языке грамматической категории. Этот вопрос имел (и до сих пор сохраняет) свою теоретическую значимость.

В целом британские авторы были едины в том, что для выделения грамматической категории одних семантических критериев недостаточно, и грамматист должен принимать во внимание наличие некоторых формальных маркеров. Вопрос для них, однако, заключался в том, можно ли считать аналитические средства – предлоги и вспомогательные глаголы – полноценными средствами выражения грамматических значений.

Надо заметить, что этот вопрос сохранял свою значимость и в более поздний период – достаточно вспомнить теорию грамматической формы главы московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова, который в XIX в. связывал понятие грамматической формы исключительно с наличием флексий и даже предложил альтернативную классификацию частей речи, основанную исключительно на наличии или отсутствии словоизменения (так, в его классификации инфинитив, наречие и деепричастие попадали в один класс на основании отсутствия у них словоизменения).

Мнения британских грамматистов по этому вопросу варьировали, но многие не считали возможным устанавливать присутствие

в языке грамматической категории, опираясь на наличие исключительно аналитических средств. Такого мнения придерживался, к примеру, Дж. Пристли: «представляется неправильным путать флексии либо с грамматическим использованием комбинаций слов, с порядком, в котором они расположены, либо со словами, которые выражают отношения и которые эквивалентны флексиям в других языках» [Priestley 1771, с. VIII]. В этом пассаже перечислены все основные аналитические способы – порядок слов, аналитические конструкции («комбинации слов»), слова, «передающие отношения» (предлоги). По его мнению, установление грамматических категорий с опорой на аналитические средства приведет к тому, что «истинная симметрия грамматики будет потеряна, и она окажется загроможденной поверхностными терминами и подразделениями» [там же].

На этом основании многие грамматисты делали выводы, что в английском языке есть только два падежа (или даже только один генитив) и весьма ограниченное число глагольных категорий. Чаще, однако, выделяли два падежа – номинатив и генитив (Р. Лаут, Дж. Гринвуд, Ч. Кут и др.). Основанием для выделения генитива было наличие у него маркера *'s*; в качестве маркера этого падежа указывали и на предлог *of* [Lowth 1793, с. 22].

Существовала, однако, и противоположная точка зрения. У. Уорд, утверждая, что грамматические значения передаются любыми «знаками» (т. е. любыми формальными средствами), усматривал в английском языке существование такой же падежной системы, как и в латыни: формальными показателями падежей для него были предлоги [Ward 1779, с. 330]. Шесть падежей обнаруживали в английском языке и авторы ряда других грамматик (А. Лейн, Т. Коар, Дж. Корбет, Дж. Ноулс, Дж. Кольер и др.). Дж. Кольер, к примеру, решительно возражал против того, чтобы считать падежи «вариациями существительного», указывая на то, что даже в латыни есть случаи совпадения падежных форм [Collyer 1735, с. 13]. «Если вся польза от падежей состоит в том, чтобы выражать эти вариации, то как же так получается, что падежей больше, чем этих вариаций? И некоторые падежи совпадают по форме?» – вопрошал он [там же]. Функция падежей состоит в передаче отношений, что в английском языке достигается не только окончанием генитива, но предлогами и «положением в предложении», как утверждает он [там же, с. 12–13].

Это подводило лингвистов к вопросу об универсальности категории падежа. Так, по мнению Дж. Битти, поскольку падежи есть только в тех языках, где есть флексии, они не обязательны для языка. Сторонники противоположной точки зрения указывали на то, что любой язык должен передавать определенные типы отношений между словами в предложении, и, следовательно, в любом языке можно обнаружить те же падежи, что и в латыни, хотя они передаются другими способами.

Аналогичные дискуссии разворачивались и вокруг числа глагольных категорий. Так, Дж. Гринвуд утверждал, что в английском языке есть только два времени: «Если рассматривать времена в соответствии с тем, как они выражены окончаниями, то мы имеем в английском языке только два времени¹ и используем слова, называемые вспомогательными, чтобы выразить все остальные времена» [Greenwood 1753, с. 86]. На этом же основании он отрицал существование в английском языке наклонений: «В английском нет наклонений, потому что у глагола нет разнообразия окончаний» [там же, с. 136]. Такого же мнения придерживался и Дж. Пристли, также усматривавший в английском языке только два времени [Priestley 1771]. Напротив, в описании У. Уорда система глагольных форм оказывается весьма разветвленной и включает в себя временные формы, формы залога и наклонения; эти формы, по большей части, образованы с помощью «знаков», т. е. вспомогательных и модальных глаголов [Ward 1779].

Любопытно, что обе позиции обнаруживают зависимость от латинской грамматики, хотя эта зависимость проявляется по-разному. У тех авторов, кто усматривал в английском языке ограниченное число времен и падежей, эта зависимость проявлялась в отказе признать аналитические средства полноценными способами выражения грамматических значений. У их противников ориентация на латынь выражалась в том, что грамматические категории латыни они считали универсальными и, следовательно, обнаруживали в английском языке те же падежи, что и в латыни (при описании глагола ориентация на латинские категории также обнаруживалась, хотя и не всегда столь же прямолинейно).

В дальнейшем, как известно, положение о наличии в английском языке двух падежей стало общепринятым – другими словами,

---

¹ Здесь речь идет о настоящем времени и претерите. – Н. Г.

предлогах было отказано в способности самостоятельно, без помощи флексий, выражать падежные значения (заметим, что это справедливо не только по отношению к грамматике английского языка). Между тем вспомогательные глаголы, необходимые для образования аналитических глагольных форм, расцениваются как полноценный способ образования видовременных глагольных форм, а также форм залога и склонения и т. п.

Заключение

В лингвистической историографии нередко высказывается мнение о том, что научный период в лингвистике начинается в XIX в., в то время как предыдущий период развития науки о языке – с Античности до начала XIX в. – объявляется «донаучным». Между тем изучение британских грамматик эпохи Просвещения убедительно демонстрирует поступательность развития науки о языке, которая, вместо научных революций в духе Т. Куна, обнаруживает преемственность в развитии идей. Как было показано выше, в британской грамматической традиции XVIII в. было уже достаточно четко осмыслено противопоставление двух типов грамматического строя, описаны различные способы выражения грамматических значений, отмечено движение европейских языков от синтетизма к аналитизму и установлена роль языковых контактов в разрушении систем спряжения и склонения – то есть были намечены те положения, которые впоследствии будут детально разработаны немецкими авторами XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Германова Н. Н. Британская нормативная грамматика эпохи Просвещения и литературная теория классицизма: точки соприкосновения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 12–24. [Guermanova, N. N. (2018). British normative grammar and the literary theory of classicism: the points of convergence. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (801), 12–14. (In Russ.)].
- Германова Н. Н. На подступах к типологической классификации языков: Г. Жирар, Н. Бозе, А. Смит // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4 (833). С. 9–20. [Guermanova, N. N. (2020). Approaching the typological classification

- of languages: G. Girard, N. Beauzée, A. Smith. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4 (833), 9–20. (In Russ.).
- Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. [Rozhdestvenskij, Yu. V. (1990). *Lekcii po obshchemu yazykoznaniiyu* (Lectures on general linguistics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Beattie J.* *The Theory of Language*. London: A. Strandon, 1788.
- Campbell G.* (1776). *The Philosophy of Rhetoric*. New York, Harper, 1844.
- Collyer J.* *The General Principles of Grammar: Especially Adopted to the English Tongue. With a Method of Passing and Examination. For the Use of Schools*. London: Tho. Collyer, 1735.
- Greenwood J.* *An Essay Towards a Practical English Grammar*. London: J. Nourse, 1753.
- Kames lord (Henry Home)* (1762). *Elements of Criticism: with analyses and translations of ancient and foreign illustrations*. New York: Mason Brothers, 1841.
- Lowth R.* (1762). *A Short Introduction to English Grammar: with critical notes*. London: Printed for D. Dodsley, 1793.
- Michael I.* *English Grammatical Categories and the Tradition to 1800*. Cambridge etc: Cambridge University Press, 2010
- Priestley J.* (1761). *The Rudiments of English Grammar, adapted to the use of schools*. 3rd ed. London: Printed for J. and F. Rivington etc., 1771.
- Smith A.* (1761). *The Theory of Moral Sentiments Or An Essay Towards an Analysis of the Principles by Which Men Naturally Judge Concerning the Conduct and Character, First of Their Neighbours, and Afterwards of Themselves, to Which is Added, a Dissertation on the Origin of Languages*. London, W. Strahan, J. & F. Rivington, W. Johnston, T. Longman, and T. Cadell, 1774.
- Ward W.* (1765). *An Essay on Grammar as it may be applied to the English language. In two treatises*. London: printed for J. Murray, 1779.

УДК 81.119

В. М. Костева

10.52070/2542-2197_2021_2_844_161

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
vmkosteva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ТОТАЛИТАРНЫХ ГОСУДАРСТВ XX ВЕКА

В статье рассматриваются языковые особенности академического дискурса, обусловленные влиянием на него агрессивного интрадискурса. Используя оригинальные научные критические публикации, автор вычленяет наиболее употребительные негативизмы, распространенные в академическом дискурсе СССР и некоторых социалистических странах в период тоталитарного общественного устройства; рассматривает их с точки зрения ритуальности и креативности, прослеживает использование речевой агрессии как реализацию дискурсивных практик.

Ключевые слова: дискурс; интрадискурс; ритуальность; креативность; речевая агрессия; негативизм; новообразование.

V. M. Kosteva

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
vmkosteva@gmail.com

FEATURES OF THE ACADEMIC DISCOURSE OF TOTALITARIAN STATES OF THE TWENTIETH CENTURY

The article considers the linguistic features of academic discourse with regard to the influence exercised by aggressive intradiscourse. Using original scientific critical publications, the author identifies the most common negativisms spread in the academic discourse of the USSR and some socialist countries in the period of totalitarian regime; considers them in terms of ritualism and creativity, traces the use of speech aggression as the implementation of discursive practices.

Key words: discourse; intradiscourse; ritualism; creativity; speech aggression; negativism; newly formed structure.

Введение

Наука в тоталитарных государствах характеризуется рядом особенностей, позволяющих выделить ее в историографической перспективе

в отдельный феномен. При изучении лингвистики тоталитарных государств XX века нами было установлено, что ее признаки в теоретическом и прикладном аспектах в равной степени относятся как к политическому дискурсу, дискурсу власти, так и к агрессивному виду дискурса [Костева 2019, с. 25]. В большинстве случаев дискурсивные маркеры пересекаются друг с другом, что обусловливается характером проводимой идеологической и языковой политики тоталитарного государства, а также зависимостью развития науки от государственных установок.

Созданные условия работы не могли не отразиться на жизни академического сообщества, определив особые дискурсивные практики проведения научных дискуссий, правила и структуру написания научных трудов. В представленной статье предпринята попытка выявить особенности проявления агрессии в академической среде и проанализировать их с позиции современной теории речевой агрессии. В центре нашего внимания находятся тексты ученых-лингвистов, написанные на злобу дня, а также посвященные критике различных лингвистических концепций. Исследование такого рода позволяет рассмотреть академический дискурс с позиции агрессивного дискурса, который вслед за О. А. Радченко мы рассматриваем как интрадискурс, основные признаки которого можно найти в ряде частных дискурсов, в том числе в научном и академическом [Радченко 2009, с. 64–65].

Методы исследования

В нашем исследовании при определении дискурса мы исходим из дефиниции дискурса, предложенной О. А. Радченко, согласно которой дискурс понимается как фрагмент лингвокультурологии. Будучи неотделимым от языкового коллектива, дискурс опирается на ряд лингвокультурных составляющих, что обуславливает и интерпретирует социальное поведение человека и его проявления в речевых действиях [там же, с. 61].

Рассматривая природу дискурса под таким ракурсом, следует ориентироваться на его изучение «не путем «восхождения» от текста к его экзистенциальному окружению, а путем «нисхождения» от социальной реальности к фактам ее проявления» [там же]. Данный способ коррелирует с нарративным методом лингвоисториографии, использование которого предусматривает работу с различными источниками, среди которых оригинальные статьи и доклады.

Предлагаемая методика позволяет рассмотреть академический дискурс с точки зрения стиля поведения и образа мышления участников тоталитарного дискурса, в нашем случае – ученых-филологов, вынужденных писать свои научные статьи в соответствии с дискурсивными практиками тоталитарного общества.

Теоретические предпосылки исследований агрессивного дискурса

Тема языковой агрессии привлекает внимание лингвистов на протяжении уже нескольких десятилетий. Под ней понимаются «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян 2003, с. 33].

Исследования языковой агрессии включаются в анализ агрессивного интрадискурса, его элементы изучаются в других видах дискурсов, например, педагогическом, социальных сетях, политическом дискурсе и т. д.

Систематизируя дискурсы, О. А. Радченко исходит из наличия двух аспектов дискурса, а именно – потенциального, в который включены созданные тексты, имеющиеся нормы социального поведения, культурно-специфические клише; и актуального, содержащего «реально существующие социально-значимые ситуации», участники которых руководствуются определенными дискурсивными практиками. На основе этих практик создаются индивидуальные стратегии поведения в социуме [Радченко 2009, с. 61].

Полагаем, что, говоря об академическом дискурсе в условиях тоталитаризма, мы имеем дело как с первым, так и со вторым аспектами проявления дискурса, их взаимодействие обуславливается дискурсивными практиками (в трактовке М. Фуко), реализацию которых мы можем проследить в существующих критических текстах и в поведенческих стратегиях участников академического дискурса.

С учетом частотности проявления тех или иных аспектов, в концепции Радченко выделяются три группы дискурсов: ритуализованные, креативные и креолизованные. Агрессивный дискурс относится к креолизованному типу, так как он сочетает ритуализованность и креативность в равной степени [там же, с. 61]. Под ритуальностью в теории дискурса понимается «отсутствие элемента новизны, предсказуемость, запрограммированность, преобладание фатичности над информативностью» [Шейгал 2001].

Креативность дискурса воплощается в оригинальности и высокой степени индивидуальности. В применении к агрессивному дискурсу креативность можно рассматривать в аспекте создания особого пласта негативизмов и новообразований (терминология [Яковлева 2016]), а также их использования той или иной группой участников дискурса.

Проявления агрессивного дискурса в научной критике

Рассмотрение агрессивного интрадискурса в СССР мы можем начать с периода 1920–1930-х гг. прошлого века, когда концепция Н. Я. Марра постепенно приобретала статус доминирующей теории. Ее продвижение требовало активной поддержки в научной среде. Сторонники Марра активно внедряли марризм как подлинное марксистское языкознание, используя при этом различные средства агрессии. К ним можно отнести специальную агрессивную риторику дискуссий, агрессивность устных и письменных выступлений. Объектом критических нападок стало зарубежное языкознание в целом и индоевропейское языкознание, в частности. При написании научных статей обязательной дискурсивной практикой стало использование эпитета «буржуазное» при условии непрременной критики данных категорий. В качестве примера приведем несколько цитат из научных статей: «буржуазная наука об языке» [Аптекарь 1930, с. 135], «буржуазное языкознание» [Против буржуазной контрабанды в языкознании 1932, с. 31].

Попытки критики марризма обозначалась как «вылазки буржуазной агентуры в языкознании», да и сам Марр противопоставлялся зарубежным ученым. (См., например, заглавную статью Н. Я. Золотова в сборнике «Против буржуазной контрабанды в языкознании» (1932), где автор выступает с резкой критикой против тех людей, которые считали Марра «буржуазным ученым» [там же, с. 18]).

Отметим, что и сам Марр периодически прибегает к этому эпитету. В ряде его работ мы можем найти такие словосочетания, как, например, «буржуазная идеология», «буржуазные мыслители», «буржуазный классовый язык» [Марр 1933, с. 281, 262, 287].

Определение «буржуазной» получила европейская наука в работах Е. О. Шор и других лингвистов [Шор 1931].

Представляется, что использование лексемы «буржуазный» в отношении западных течений лингвистики является примером ритуальности дискурса. Доказательством этому факту может послужить, например, статья Л. П. Якубинского «Против ‘даниловщины’», где автор

практически автоматически перед каждым упоминанием зарубежной лингвистики ставит лексему «буржуазный», например: «буржуазная «социологическая» лингвистика, в западноевропейской буржуазной лингвистике» [Против буржуазной ... 1932, с. 47–65, 48]. Другим наглядным примером является название доклада Л. П. Мамета «Отражение марксизма в буржуазном востоковедении» [Мамет 1930].

Полагаем, что использование прилагательного «буржуазный» с отрицательной коннотацией находится в общей критической парадигме того времени, когда дореволюционные явления, предметы материального и нематериального вида были отнесены к разряду враждебных новому государству в целом, что впоследствии было проецировано на научные направления, стоявшие в оппозиции к новому марксистскому языкознанию.

Так, в статье Э. Арнольди «Буржуазное кино сегодня» все явления западной киноиндустрии представлены буржуазными. К ним автор относит, например, такие лексемы, как *фильма* (в современном варианте фильм), *производство*, *кинопродукция*, *рецензенты*, *цензура*, *семья*, *быт*, *художник* [Арнольди 1933].

Данная тенденция была присуща ряду других наук, например, истории. В «Историческом журнале» от 1937 г. в статье, посвященной избирательным законам в буржуазных странах «Выборы в буржуазный парламент», буржуазным объявляются практически все: литература, партия, демократия, кандидаты, исследователи, журналисты, страны, государство, конституция. Буржуазными являлись независимость, шовинизм, критика в центральных газетах и журналах [Коровин 1937].

Отметим также, что вслед за учеными СССР лексема «буржуазный» в отношении лингвистики и отдельных языковедов широко использовалась в социалистических государствах, что объясняется прямой зависимостью лингвистики в этих странах от языкознания в СССР. Так, в Албании все лингвистические школы и направления, кроме существующих в СССР, были объявлены ненаучными, реакционными и нелегальными [Kananaj 2015, с. 138]. В программной статье «Основные проблемы албанского языкознания» ряд зарубежных лингвистов был отнесен к буржуазным: имеются в виду представители западного буржуазного языкознания Г. Мейер, А. Мейе и др. [Сухотин, Косталари 1953, с. 90].

Примером использования эпитетета «буржуазный» в румынском языкознании может послужить статья ведущего лингвиста того

времени Э. Петровича «Благотворное влияние советского языкознания на языковедческую деятельность в Румынской Народной Республике» (Influenta binefacatoare a lingvisticii sovietice asupra lingvisticii din patria noastra) [Petrovici 1953, с. 7–12], в которой «буржуазными идеалистическими концепциями» (conceptiilor idealiste burgheze) назывались концепции структурализма.

Вторым по частотности является эпитет «реакционный». Данную лексему активно использовали марристы нового поколения 1940-х гг. Так, согласно резолюции совместного заседания ученых советов Языка и мышления имени Н. Я. Марра и Русского языка в 1948 г. при обсуждении доклада Н. Н. Мещанинова «О положении в лингвистической науке» академик В. В. Виноградов и профессор А. С. Чикобава были объявлены «реакционными языковедами», только по причине того, что они выступили против положения о классовой борьбе «в развитии идеологического содержания речи» [Романовский 2004].

Широкое распространение слово «реакционный» получило в работах других известных советских ученых. В Стенограмме публичной лекции профессора В. Н. Ярцевой «Реакционная сущность “теории мирового” англо-саксонского языка» реакционной предстает идея, сущность (см., например, «порочная и реакционная идея») [Ярцева 1949, с. 23]. Не менее распространено было существительное реакционность, относящееся, например, к теории [там же, с. 19].

В статье А. В. Десницкой реакционность простирается в основном на философскую составляющую концепции Марра, например, «реакционно-идеалистические влияния» или «реакционно-идеалистическая зарубежная философия» [Десницкая 1951, с. 31, 34].

Третьим не менее популярным эпитетом стала лексема «вредный». Вредной представляется теория, направление. Такого определения удостоилась, например, буржуазная социологическая школа [Современное положение на языковедном фронте и задачи Института языка и мышления Академии наук СССР 2013, с. 306]. Показательным является также название статьи Г. П. Сердюченко в газете «Культура и жизнь» «Об одной вредной теории в языкознании» [Сердюченко 1949, с. 3].

Отметим, что использование упомянутых выше лексем привело к возникновению целого ряда штампов, использование которых мы можем найти практически во всех научных трудах того периода.

Способы выражения агрессии в академическом дискурсе

Другим проявлением агрессии академического дискурса является использование разговорной и просторечной лексики, которое в научном тексте приводит к определенному диссонансу, с одной стороны, а, с другой – усиливает популизм и конъюнктурность такого рода высказываний.

К наиболее яркому проявлению этого факта можно отнести критику со стороны «выдвиженцев» 20-х гг. прошлого века, которые активно использовали «новый, канцеляризованный, основанный на упрощении старого модернизированного язык» [Романенко 2001, с. 116], с помощью которого они внедряли в сознание людей мысли о правильности/неправильности научных идей. В «разоблачениях» Е. Д. Поливанова представители данной группы использовали такие выражения, как: «поднажить капиталец», «голословное заявление», «апологетизирующий автор», «ученый-специалист» [Аптекарь 1930, с. 131–138].

К не менее интересным проявлениям креативности агрессивного дискурса относятся авторские новообразования, в основе которых лежат базовые концепты политической жизни той эпохи. К ним мы относим агрессивно-политизированные высказывания типа «механицизм и меньшевистствующий идеализм», «неприкрытое выражение социал-фашизма в языкознании», «маскирующаяся индо-европеистика», «социал-фашистская контрабанда», «клеветническое извращение марксизма-ленинизма», «абстрактно-идеалистическая галиматья» и т. п. [Против буржуазной ... 1932, с. 12, 14, 31, 45, 108].

Продолжение использования такого рода негативизмов мы находим и в последующий исторический период, связанный с проводившейся борьбой против космополитизма в конце 1940 – начале 1950-х гг. В уже упомянутой выше статье Г. П. Сердюченко, критикующей деятельность известных советских ученых-лингвистов В. М. Жирмунского, Л. Р. Зиндера, Т. В. Сокольской, В. Н. Ярцевой, А. В. Десницкой, автор клеймит их концепции, используя такие выражения, как «расистские позиции в науке», «англо-американский шовинизм», «вредное космополитическое извращение», «антипатриотическое суждение» [Сердюченко 1949, с. 3].

Представляется, что подобное словотворческое новаторство было востребовано и в других отраслях общественной жизни тоталитарных государств. Одно из подтверждений данному факту мы находим в диссертации Ю. В. Яковлевой, посвященной речевой агрессии

в полемических материалах советских литературно-художественных изданий первой половины XX в. [Яковлева 2016]. Среди прочих выводов автор отмечает наличие большого количества «результатов агрессивной словотворческой деятельности журналистов» [там же, с. 146].

Заключение

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что ритуализированность и креативность агрессивного интрадискурса в академическом дискурсе тесно связана с политической составляющей общественного дискурса. Одной из задач тоталитарного государства является борьба с внешними и внутренними врагами, что проецируется на лингвистику и, соответственно на лингвистов, которые создают свои методы и инструменты такой борьбы. Использование элементов речевой агрессии, создание особых клише, негативизмов и других новообразований агрессивного характера представляются также удобным инструментарием для ученых-лингвистов, вынужденных строить свою научную деятельность в соответствии с предписаниями руководства страны и государственной политикой в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / Тр. Международная конференции «Диалог 2003». М.: Флинта : Наука, 2003. С. 32–35. [Aprésjan, V. Ju. (2003). Implicitnaja agresija v jazyke (*Implicit aggression in the language*). Komp'juternaja lingvistika i intelektual'nye tehnologii Tr. Mezhdunarodnaja konferencii «Dialog 2003» (pp. 32–35). Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)].
- Аптекарь В. На забытом участке теоретического фронта // Литература и искусство. 1930. № 1. С. 131–138. [Aptekar', V. (1930). On a forgotten branch of the theoretical front. *Literatura i iskusstvo, 1*, 131–138. (In Russ.)].
- Арнольди Э. Буржуазное кино сегодня // Советское кино. 1933. № 5. С. 68–76. [Arnol'di, Je. (1933). Bourgeois cinema today. *Sovetskoe kino, 5*. 68–76. (In Russ.)].
- Десницкая А. В. О роли антимарксистской теории происхождения языка в общей системе взглядов Н. Я. Марра // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании: сб. статей / под ред. академика В. В. Виноградова и Б. А. Серебrenникова. М.: АН СССР, 1951. Ч. I. С. 26–59. [Desnic-kaja, A. V. (1951). O roli antimarksistskoj teorii proishozhdenija jazyka v obshhej sisteme vzgljadov N. Ja. Marra (On the role of the anti-Marxist theory

- of the origin of language in the general system of views of N. Y. Marr). *Protiv vul'garizacii i izvrashhenija marksizma v jazykoznanii: Sb. statej / Pod red. akademika V.V. Vinogradova i B.A. Serebrennikova.* (pp. 26–59). Moscow: AN SSSR. (In Russ.).
- Коровин Е. Избирательные законы в буржуазных странах. Выборы в буржуазный парламент // Исторический журнал. 1937. № 10. С. 177–189. [Korovin, E. (1937). Electoral laws in bourgeois countries. Elections to the bourgeois Parliament. *Istoricheskij zhurnal*, 10, 177–189. (In Russ.).]
- Костева В. М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Пермь, 2019. [Kosteva, V. M. (2019). *Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoj paradigme XX veka* (Linguistics of totalitarianism in the Linguophilosophical paradigm of the twentieth century): abstract of PhD in Philology. Perm'. (In Russ.).]
- Мамет Л. П. Отражение марксизма в буржуазном востоковедении // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 69–96. [Mamet, L. P. (1930). Reflection of Marxism in bourgeois Oriental Studies). *Istorič-marksist*, 17, 69–96. (In Russ.).]
- Марр Н. Я. Избранные работы: в 5 т. Л.: ГАИМК, 1933. Т. 1: Этапы развития яфетической теории. [Marr, N. Ja. (1933) *Izbrannye raboty v 5 t. T. 1: Jetapy razvitija jafeticheskoj teorii* (Stages of development of the japhetic theory). Leningrad: GAIMK. (In Russ.).]
- Против буржуазной контрабанды в языкознании: сб. бригады Ин-та языка и мышления АН СССР. Л.: ГАИМК, 1932. [Protiv burzhuaznoj kontrabandy v jazykoznanii (Against bourgeois contraband in linguistics): Sb. brigady In-ta jazyka i myshlenija AN SSSR. (1932). Leningrad: GAIMK. (In Russ.).]
- Радченко О. А. Исследования агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1. С. 61–65 [Radchenko, O. A. (2009) *Aggressive Discourse Research: problems and prospects. Vestnik of Moscow City Pedagogical University. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie*, 1, 61–65. (In Russ.).]
- Романовский С. И. «Притащенная» наука. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. [Romanovskij, S. I. (2004). «Pritashhennaja» nauka (Dragged Science). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).] URL: <http://fanread.ru/book/4058856> (дата обращения: 02.02.2021).
- Романенко А. П. Советская философия языка: Е. Д. Поливанов – Н. Я. Марр. К особенностям философии языка // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 110–122. [Romanenko, A. P. (2001). *Sovetskaja filosofija jazyka: E. D. Polivanov – N. Ja. Marr. K osobennostjam filosofii jazyka* (Soviet philosophy of language: E. D. Polivanov – N. Ya. Marr. To the peculiarities of the philosophy of language). *Voprosy jazykoznanija*, 2, 110–122. (In Russ.).]

Сердюченко Г. П. Об одной вредной теории в языкознании // Культура и жизнь. 1949. 30 июня. С. 3. [Serdjuchenko, G. P. (1949). About one harmful theory in linguistics. *Kul'tura i zhizn'*, 3 (In Russ.)].

Современное положение на языковедном фронте и задачи Института языка и мышления Академии наук СССР. Резолюция, принятая на собрании партячейки ИЯМ АН СССР 7 дек. 1931 // *Acta Linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 1. Материалы к истории ИЛИ РАН (1921–1934). Сост. А. Н. Анфертьева. СПб.: Наука, 2013. С. 301–308.* [Sovremennoe polozhenie na jazykovednom fronte i zadachi Instituta jazyka i myshlenija Akademii nauk SSSR. Rezoljucija, prinjataja na sobranii partjachejki IJaM AN SSSR 7 dek. 1931 (The current situation on the linguistic front and the tasks of the Institute of Language and Thinking of the USSR Academy of Sciences. Resolution adopted at the meeting of the party cell of the IAM of the USSR Academy of Sciences on December 7, 1931 (2013). *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN: in N. N. Kazanskij (ed.). Т. IX. Ч. 1. Materialy k istorii IЛИ RAN (1921–1934) / sost. A. N. Anfert'eva. Acta Linguistica Petropolitana (pp. 301–308). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)].*

Сухотин В. П., Косталари А. Основные проблемы албанского языкознания // Вопросы языкознания. 1953. № 4. С. 90–98. [Suhotin, V. P., Kostalari, A. (1953). The main problems of Albanian linguistics. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 90–98. (In Russ.)].

Шейгал Е. И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование. 2001. Вып. 1. С. 157–161. [Shejgal, E. I. (2001). (Nonverbal signs of political discourse). *Osnovnoe vysshee i dopolnitel'noe obrazovanie*, 1, 157–161. Volgograd. (In Russ.)]. URL: <http://philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

Шор Р. О. На путях к марксистской лингвистике. М. ; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931. [Shor, R. O. (1931). *Na putjah k marksistskoj lingvistike* (On the way to Marxist linguistics). Moscow. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. (In Russ.)]. (дата обращения: 01.02.2021). URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/SHOR31b/txt.html>.

Яковлева Ю. В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917–1932 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. [Jakovleva, Ju. V. (2016). *Rechevaja agressija v polemicheskikh materialah sovetskih literaturno-hudozhestvennyh izdanij 1917–1932* (Speech aggression in polemical materials of Soviet literary and artistic publications of 1917–1932): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Ярцева В. Н. Реакционная сущность «теории мирового» англо-саксонского языка. М.: Правда, 1949. [Jarceva, V. N. (1949). *Reakcionnaja sushhnost'*

- «teorii mirovogo» anglo-saksonskogo jazyka (*Reactionary essence “of the theory of the world” Anglo-Saxon language*). Moscow: Pravda. (In Russ.).
- Кананай А. The impact of the totalitarian ideology in Albanian grammatology // International Journal of Multidisciplinary Research and Development. 2015. Vol. 2. Issue 6. P. 137–140. URL: www.allsubjectjournal.com (дата обращения 01.02. 2021).
- Petrovoci E. Influenta binefacatoare a lingvistici sovietice asupra lingvisticii din patria noastra // Studii și cercetări lingvistice. București: Institutul de Lingvistică. 1953. T. IV. P. 7–12.

УДК 81:1

О. А. Крючкова

10.52070/2542-2197_2021_2_844_172

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
OLQA100@yandex.ru

ЛИЧНОСТЬ М. ХАЙДЕГГЕРА: ЯЗЫК И ЭПОХА

Философия языка в Германии XX века находилась под влиянием мысли и языка М. Хайдеггера, величайшего философа, воспринимаемого, однако, неоднозначно. С одной стороны, тексты его трудов пронизаны идеей достичь истины в вопросе о бытии (*das Sein*), с другой стороны, время, в которое писал М. Хайдеггер свои работы, не могло не оставить отпечаток на его языке. Таким образом, в статье рассматривается проблема взаимосвязи исторических событий, роли человека, занимаемой в обществе, и языка общения и изложения материала.

Ключевые слова: философия языка; идеология; взаимовлияние; терминология.

О. А. Kryuchkova

PhD Student
Department of General and Comparative Linguistics
Moscou State Linguistic University
OLQA100@yandex.ru

M. HEIDEGGER: LANGUAGE AND EPOCH

The article analyzes the influence of M. Heidegger on the German philosophy of language of the 20th century. M. Heidegger is viewed both as an outstanding philosopher of the period and a controversial personality whose ideas found a great response in different philosophical approaches. Special attention is paid to the interconnection between M. Heidegger's philosophy, the epoch he lived in and the complicated language of his works.

Key words: the theory of language; ideology; communication; terminology.

Введение

Человек обращается к миру через языковую призму. Язык выполняет роль посредника между различными формами отношения человека к миру и сам становится естественным и необходимым материалом для этих форм. Если для античных философов и философов Средневековья краеугольным камнем был вопрос о соотношении имени и именуемого, о первичности единичного понятия или

абстрактного (так называемый спор об универсалиях), то умы философов XX в. занимала проблема функционирования языка в процессе формирования и выражения мысли.

Философия XX в. отражает всю сложность происходящих в обществе изменений, указывая, в первую очередь, на язык, посредством которого совершается коммуникация. В рамках философии XX в. укрепляется идея о том, что многочисленность проблем, накопившихся и не решенных окончательно, обуславливается нарушением и неправильным пониманием связи слова и образа. Выход из сложившейся ситуации философы видят в использовании «точного» языка, «точных» формулировок при общении. Отсюда возникает идея о некоем «перевode», «переложении» на другой язык исследуемой проблемы с целью выявления в ней скрытых и незамеченных ранее смыслов ввиду использования родного разговорного языка. Область исследования философов становится междисциплинарной: она сдвигается от чистой философии к логике, лингвистике и психологии и составляет философию языка.

Появление в философии аналитического, феноменологического и структуралистского направлений подтолкнуло ученых к разработке методов, позволяющих исследовать проблему языка многогранно. На примере личности Мартина Хайдеггера (1889–1976) и его философского пути будет рассмотрен один из методов обращения к языку с точки зрения философии.

Особенности работы с текстами М. Хайдеггера

Тот, кто знает меня только по публикациям,
совсем меня не знает.

Лейбниц

Особое внимание к личности Мартина Хайдеггера исходит не только из едва ли не самого сложного языка изложения мысли, но, в том числе, из того, что к нему как к личности философа возникло противоречивое отношение: с одной стороны, он величайший мыслитель XX в., отмеченный глубочайшей силой мысли, положивший начало не одному направлению в философии, с другой – строгий последователь нацистского режима. Сразу возникает общий вопрос о взаимовлиянии внешней идеологии, принятой человеком (или окружающей его в обществе), и его внутренних идей и переживаний, и частный вопрос:

передается ли через язык М. Хайдеггера в его трудах его причастность к пропаганде нацизма?

Отечественный ученый А. Г. Дугин (1962 г.р.) в работе «Мартин Хайдеггер. Философия другого начала» определяет, помимо общепризнанного, исключительное место М. Хайдеггера в истории философии. М. Хайдеггер, по его мнению, предвосхищает новую философию и являет собой «фигуру эсхатологическую», «открывается... как финальный толкователь и изъяснитель самых глубоких и загадочных тем мировой философии и создатель радикально *нового мышления*» [Дугин 2010, с. 12]. В своей работе А. Г. Дугин возводит философа до пророка и фигуры религиозного пантеона и утверждает, что для понимания алгоритма его мысли необходимо исходить из такой позиции восприятия философа в первую очередь.

По-другому оценивают работу с текстами М. Хайдеггера европейские ученые. Обращаясь к работам Отто Пёггелера (1928–2014), Рюдигера Сафрански (1945 г.р.), Альфреда Денкера (1960 г.р.), занимавшихся глубоким исследованием биографии М. Хайдеггера, становится ясно, что понять философию мыслителя невозможно без изучения эпохи, в которую он жил, жизненного пути философа и особенностей его характера. Противоречивая фигура философа раскрывалась в обществе наравне с качествами человека скромного, дружелюбного и простого. Однако его характер был намного сложнее: горд, своенравен и хитер. Ему было сложно найти общий язык с собеседником, в разговоре вел себя слишком скованно, не доверял никому. Тем не менее на женщин он производил приятное впечатление, буквально очаровывал их.

Философский путь М. Хайдеггера связан с раскрытием сложных онтологических проблем непростым языком. Особенность его философии заключается в структуре построения его работ: всякое рассуждение основано на личном опыте философа. Самое важное для читателя – научиться следовать его философии, т. е. научиться правильно задавать вопросы в процессе его прочтения. Бернхард Вельте (1906–1983), немецкий философ и теолог, будучи знакомым с М. Хайдеггером, отмечал особенности его метода философствования: М. Хайдеггер постоянно задает вопросы, за что его философию называют также «философией вопросов». Б. Вельте прозвал его за это «величайшим искателем XX века» и сам перенял подобный метод в свою философию [Heidegger 2005, с. 127].

Линия мысли М. Хайдеггера отражена в последовательности его публикаций. А. Денкер в работе «По пути в Бытие и Время» отмечает, что «посредством определенного выбора работ и порядка их публикаций М. Хайдеггер дал нам карту и компас в руки, чтобы мы могли верно за ним следовать» [Denker 2011, с. 14].

Жизнь и философия М. Хайдеггера

Свою жизнь М. Хайдеггер видел как некий путь размышления (ein Denkweg). М. Хайдеггер родился 26 сентября 1889 г. в г. Месскирх. Его отец, Фридрих Хайдеггер, был бочаром и служителем в католическом приходе, мать, Йоханна Кемпф, – крестьянкой из близлежащей деревни Гёггинген. У М. Хайдеггера были младшая сестра Мария и брат Фриц. Сам философ отмечает, что детство его было счастливым и беззаботным. В 1909 г. он поступил на теологический факультет, затем учился на философском факультете Фрайбургского университета. По окончании обучения он защитил две диссертации («Учение о суждении в психологизме», «Учение Дунса Скотта о категориях и значении»). С 1915 г. М. Хайдеггер занимал должность приват-доцента на теологическом факультете. Своей главной задачей он видел воспитание молодежи в традициях философии [Heidegger 2005, с. 22f.].

Занимаясь преподавательской деятельностью, он никогда не оставлял философию. «Он жил, как он думал, он передумывал то, что проживал» [Denker 2011, с. 28].

Путь размышления М. Хайдеггера и его личный опыт отмечается в его философии характеристикой *существования* (es gibt/es ist): человек *есть*, животное *есть*, музыка *есть*, цвет *есть*, мысль *есть*. Иными словами, все, что есть, есть то, что человек испытывает на своем опыте. М. Хайдеггер называет эту характеристику *существующим* (das Seiende). Подобный опытный «постулат» существования невозможно, по его мнению, определить и утвердить, не имея языка. «Вещь не существует там, где прерывается язык», – вторит идее М. Хайдеггера немецкий поэт Штефан Георге. Язык предполагает существование говорящего и, таким образом, закрепляет идею о способности *существующего* что-либо говорить. Человек – это живая сущность, обладающая языком. Язык хранит тайну отношения к Богу, миру, человеку, к его трудам и вещам. У каждого человека в жизни есть смысл. Смысл жизни заключается в *словах*: «сказание (die Sage)

раскрывает *существующее* через выражение «это существует» (es gibt). Сказание и бытие, слово и вещь принадлежат друг другу» [Heidegger 1959, с. 219–238].

О. Пёггелер в работе «Путь размышления Мартина Хайдеггера» заостряет внимание на языковой составляющей взглядов философа и указывает на то, что язык М. Хайдеггера требует дополнительного исследования. О. Пёггелер уточняет, что язык мыслителя не всегда был понятен не только простому слушателю или читателю, но и философу: «Зачастую было достаточно сложно разобрать, что именно Хайдеггер хотел выразить своими словами» [Pöggeler 1994, с. 210]. М. Хайдеггер, как известно, использовал свою терминологию, разработанную непосредственно для раскрытия главной темы своей философии (и, вероятно, цели в жизни) – вопроса: «Что есть бытие?» Работая в качестве преподавателя во Фрайбургском университете, М. Хайдеггер читал лекции с использованием своих терминов, поясняя их и, тем самым, показывая возможности языка и его роль в исследовании онтологических вопросов. Такие неологизмы, как *wesen*, *lichten*, *nichten*, или целые выражения „das Nichts nichtet“ прочно укрепились в немецком языке и, в частности, в философии после изданных работ М. Хайдеггера [там же, с. 214–217]).

Философия и идеология

Важным термином для философии М. Хайдеггера становится «истина» (die Wahrheit). Он понимает ее как свободу в духе греческой философии: «Истина – это свобода как событие проявления (досл. ‘несокрытия’) бытия» [Heidegger 1967, с. 5].

Труды М. Хайдеггера наполняются рассуждениями о понятии свободы и развитии идеи «обновления метафизики» (die Erneuerung der Metaphysik) именно в то время, когда он становится активным участником национал-социалистической партии Германии. Отсюда возникает вопрос о правильном прочтении философии М. Хайдеггера. С одной стороны, критики М. Хайдеггера (Виктор Фариас, Эммануэль Файе) заняли позицию восприятия самого философа и его мысли как раскрытие идеологии национал-социализма. С другой – ученики М. Хайдеггера (Франсуа Федьер, Фридрих-Вильгельм фон Геррман) оспаривали такую радикальную позицию, утверждая, что мысль философа сформировалась задолго до того, как национал-социализм занял главенствующую роль в обществе [Denker 2011, с. 178–180].

Тем не менее, став в 1933 г. ректором Фрайбургского университета, М. Хайдеггер в своей речи говорит о «силе начала», на котором зиждется историческое духовное бытие человека: «Это начало есть рассвет греческой философии <...>. Впервые западный человек *восстает* из своей национальности (народного духа) посредством своего языка против *существующего* в целом, ставит его под сомнение и понимает его как отдельное существующее, которое *есть*» [Heidegger 2000, с. 107–117]. Отсюда возникает мысль о том, что задача обновить метафизику решается философом не посредством только философии или университетской науки, но при помощи всего народа и его языка. Соответственно, взяв греческую традицию за основу, М. Хайдеггер стремился доказать, что условием воссоздания метафизики является политическое единство немецкого народа и языка, и наоборот, обновленная метафизика – это условие для политического единства немецкого народа. Таким образом, немецкий народ, по мнению философа, был призван защитить наследие греков и через национальность и язык противостоять всему *существующему* как идеологии и исполнить свое предназначение.

Речь М. Хайдеггера вызвала волнения в кругах философов. Бенедетто Кроче (1856–1952) в письме Карлу Фосслеру (1872–1949) оценивал ее как «глупую и в то же время раблепную». Он, тем не менее, не был уверен, что Хайдеггер будет иметь какое-либо влияние в политической сфере. Большую тревогу у Б. Кроче вызывало то, что подобными громкими высказываниями Хайдеггер бесчестит философию и наносит ущерб будущей политической идеологии [Safranski 1997, с. 282]. Карл Лёвит (1897–1973) видел значение произнесенной речи в том, что после выступления Хайдеггера уже стало неясно, что предпринимать: необходимо учить досократическую философию или сразу вступать в национал-социалистическую партию. Карл Ясперс (1883–1969), со своей стороны, поблагодарил Хайдеггера за его слова. Он особенно отметил приведенную в речи связь современной философии с ее греческими истоками и нашел в ней само собой разумеющуюся истину: «Благодаря этому Ваша речь обладает достоверной сущностью. Мое доверие к Вашей философии не задето характером речи, которая соответствует духу времени, хоть и для меня является неестественной, а предложения ее кажутся пустым звоном. В целом я рад, что кто-то умеет говорить, возвращая слушателя к настоящим границам и первоначалу» [там же].

После выборов на должность ректора М. Хайдеггер де-факто ввел в университете «принцип фюрера». Некоторое время он не

собирал академический сенат, после чего распустил его. Обращения М. Хайдеггера к коллегиальным органам носили приказной характер. Он видел своей целью воплощение солдатского духа в образе преподавателя. Так, согласно Р. Сафрански, профессор Штилер, служивший прежде корвет-капитаном, был уполномочен М. Хайдеггером разработать порядок утверждения звания доцента, который бы соответствовал правилам получения звания офицера [Safranski 1997, с. 285].

М. Хайдеггер чувствовал себя причастным к движению национал-социализма. В письмах брату в этот период времени М. Хайдеггер выражает свою идею и философскую мысль о связи греческого первоначала (силы власти) и немецкого национального духа более просто и открыто, он вдохновенно говорит о внутреннем приготовлении к принятию новой идеологии, что напоминает «перекрещивание» из католицизма в национал-социализм, который после принятия его принесет очищение и прояснение („daß nur auf diesem Wege eine Läuterung und Klärung der ganzen Bewegung möglich ist“, „möchte ich Dir doch raten, Dich auf einen Eintritt innerlich vorzubereiten“) [Heidegger 2000, с. 93].

М. Хайдеггер отказался от руководства научными работами и проектами студентов-евреев, разорвал все контакты с Э. Гуссерлем. М. Хайдеггер разбирал каждое событие происходящей «революции» на отдельные фрагменты и обращался с ними как феноменолог; в первую очередь, его интересовало движение, в котором осуществлялся переворот всего немецкого бытия – метафизический переворот как «восхождение сверхчеловека» в образе рабочего солдата. Он стремился развить феноменологию политических событий, проявляющихся в партии и в народе.

В 1945 г. М. Хайдеггеру было вынесено обвинение с частичным отстранением его от преподавательской деятельности. Через год дирекция Фрайбургского университета полностью лишила его возможности преподавания, но уже в 1949 г. запрет был снят, а в 1951–1952 гг. М. Хайдеггер вел некоторые занятия в университете. Однако произошедшие события не могли не повлиять на его репутацию, он оказался «в рядах аутсайдеров» в преподавательской среде университета. После ухода на пенсию больше всего философ жалел о потерянном контакте со студентами. Такое положение отразилось и на его пути размышления: ему следовало переосмыслить себя самого и найти нового читателя вне стен университета. С этой целью М. Хайдеггер все больше читает доклады и обращается к философам других стран, где ищет вдохновения. Опубликовано в 1947 г. «Писем о гуманизме»

и «Учения Платона об истине» стало ключевым этапом в поздней философии М. Хайдеггера и определило его место как мыслителя. В указанных работах М. Хайдеггер обозначает мышление, бытие и язык основными категориями своего философского пути: «Мышление исполняет отношение бытия к человеческой сущности <...> Мышление передает то, что само получило от бытия. В мышлении бытие обращается к языку»¹. Если раньше М. Хайдеггер определял отношение к бытию как то, что относилось к человеческой сущности, теперь он отдает предпочтение мышлению. В раскрытии этого отношения находится бытие (Sein) и здесь-бытие (Dasein). В этой связи бытие является той данностью, которая передает отношение здесь-бытию, что выражается в «es gibt/es ist». В историческом контексте мышление едва ли не требует от существующего в мире, чтобы это бытие в его «существует» (es gibt) было забыто. Бытие проявляется только как смысл, поэтому оно в мышлении выражается на языке. Отсюда известная метафора – «язык есть дом бытия», которая со временем приобретет другое исполнение – «язык говорит» (die Sprache spricht).

Восприятие философии М. Хайдеггера

Политическая сфера интересовала М. Хайдеггера, широта его мысли не ограничивалась Германией. В своих рассуждениях он часто упоминал и Россию, говоря, что Россия и Германия способны «целительной силой спасти мир от болезни платонической, еврейской и христианской традиции» [Love 2017, с. 4]. Исследователи, занимавшиеся вопросом философской концепции М. Хайдеггера, проводят параллели между русской традицией мысли и немецкой, как, например, И. Меджибовская в своей статье «Толстой и Хайдеггер на пути бытия» или Х.-Ю. Геригк в статье «Достоевский и Хайдеггер: эсхатологический поэт и эсхатологический мыслитель», собранные в сборнике «Хайдеггер в России и Восточной Европе», посвященном открытиям в области исследования философии М. Хайдеггера [Михайловский 2018, с. 350].

В отечественной литературе М. Хайдеггер долгое время был под запретом, его идеология принималась как враждебная. Тем не менее в 1989 г. состоялась международная философская конференция, приуроченная к 100-летию юбилею М. Хайдеггера, где обсуждались определенные положения и идеи философа, которые сравнивались

¹ Цит. по: [Denker 2011, с. 330].

с подобными рассуждениями других мыслителей. Интересное замечание в этой связи делает А. В. Михайловский в своей статье «Хайдеггер будущего и будущее Хайдеггера». Он отмечает, что на «репетиции юбилейной конференции» в Институте философии АН СССР обсуждался в первую очередь вопрос о роли философии М. Хайдеггера для СССР, тексты его работ и заложенные в них мысли уходили на второй план [Михайловский 2018, с. 350–351].

А. Г. Дугин указывает на то, что «интерес к Хайдеггеру изначально рассматривался как гносеологическое преступление или совершенно пустое занятие» [Дугин 2010, с. 13]. Вследствие того, что труды мыслителя были не переведены с должной точностью и соответствием содержанию, переводы, которые существовали, и дискуссии вокруг них были несостоятельны. «Русский Хайдеггер» появился с переводами В. В. Бибихина (1938–2004), «несистемного мыслителя, неожиданного и неординарного», как отмечает в своей статье «О приемах мыслящей речи В. В. Бибихина» С. С. Неретина [Неретина 2018, с. 288]. С. С. Неретина также указывает на то, что В. В. Бибихин, главный русский переводчик и интерпретатор М. Хайдеггера, «мыслит так, что пунктир его мысли возникает во внутренней работе каждого, кто его читал» [Неретина 2018, с. 288]. В. В. Бибихин сформулировал свой личный образ М. Хайдеггера. С одной стороны, явное выражение мысли автора определяет однозначно его позицию и идеологию. С другой – переводчик создает новое сочинение, искажает исходный текст и идею, заложенные в нем изначально. Можно сделать вывод, что перевод В. В. Бибихина предлагает иное прочтение М. Хайдеггера, которое уводит далеко от мыслей самого философа.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что на примере личности и отчасти затронутой философии М. Хайдеггера через призму его языка и различных подходов к интерпретации действительности можно исследовать сложную структуру лингвофилософской концепции в Германии XX в. Очевидно, что без знаний фактов биографии, без сопоставления их с внешними событиями, происходящими в обществе, трудно дать однозначную оценку исследуемой проблеме. Интеллектуальная мощь М. Хайдеггера и витиеватое изложение его идей в многочисленных трудах перемешивались с замечаниями о политике

и истории таким образом, что определить тесную взаимосвязь только на основе его философских текстов практически невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дугин А. Г.* Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический Проект : Мир, 2010. [Dugin, A. G. (2010). Martin Heidegger: filosofiya drugogo Nachala (Martin Heidegger: Philosophy of Another Beginning). Moscow: Akademicheskij Proekt : Mir. (In Russ.)].
- Михайловский А.* Хайдеггер будущего и будущее Хайдеггера // Horizon. Феноменологические исследования. 2018. № 7(2), С. 337–364. [Mihajlovskij, A. (2018). Heidegger of the future and the future of Heidegger. *Phenomenological research*, 7 (2), 337–364. (In Russ.)]. URL: http://www.horizon.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1542&lang=ru (дата обращения 15.12.2020).
- Неретина С. С.* О приемах мыслящей речи В. В. Биbihина // Политическая концептология: Журнал мегадисциплинарных исследований. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. 2018. № 4. С. 284–289. [Neretina, S. S. (2018). On methods of thinking speech by V. V. Bibihin. Politicheskaya konceptologiya. *Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij*, 4, 284–289. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj federal'nyj universitet. (In Russ.)].
- Denker A.* *Unterwegs in Sein und Zeit. Einführung in Leben und Denken von Martin Heidegger.* Stuttgart: Klett-Cotta, 2011.
- Heidegger M.* *Mein liebes Seelchen! Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride 1915–1970* (Hrsg.), ausgew. und kommentiert von Gertrud Heidegger München: Dt. Verl.-Anst. 2005.
- Heidegger M.* *Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges*, 2000. Band 16. Frankfurt am Main.
- Heidegger M.* *Unterwegs zur Sprache.* Pfullingen: Günther Neske, 1959.
- Heidegger M.* *Vom Wesen der Wahrheit.* Wegmarken, 1967.
- Heidegger M., Welte, B.* *Briefe und Begegnungen*, hrsg. von Alfred Denker und Holger Zaborowski, Stuttgart, 2003.
- Love J.* *Heidegger in Russia and Eastern Europe.* London & New York: Rowman & Littlefield International, 2017.
- Pöggeler O.* *Der Denkweg Martin Heideggers.* 3. Aufl. Pfullingen: Neske, 1994.
- Safranski R.* *Ein Meister aus Deutschland. Heidegger und seine Zeit.* Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 811.134.2

А. А. Альварес Солер

10.52070/2542-2197_2021_2_844_182

кандидат филологических наук

доцент кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

anna.alvaressoler@gmail.com

ПОДРАЖАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОМУ СТИЛЮ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена анализу способов сохранения индивидуального стиля автора в переводе на примере произведений афроколумбийского писателя Мануэля Сапаты Оливеллы, затрагивающих актуальную и злободневную тему расового конфликта. Рассматриваются методы достижения адекватности художественного перевода, при этом особое внимание уделяется выбору языковых средств, необходимых для воплощения идейно-эстетического замысла автора. Делается вывод о необходимости подражать манере писателя с целью воссоздания средствами переводящего языка художественного мира исходного произведения и отражения мировоззренческих позиций писателя.

Ключевые слова: афроколумбийское население; латиноамериканская литература; художественный перевод; авторский стиль; стилистические приемы.

Al'vares Soler Anna A.

PhD (Philology)

Head of the Spanish Language Department

Faculty of Translation and Interpreting

Moscow State Linguistic University

anna.alvaressoler@gmail.com

IMITATION OF INDIVIDUAL STYLE IN LITERARY TRANSLATION

The article analyzes works by an Afro-Colombian author Manuel Zapata Olivella in order to highlight ways of preserving the individual style of the author in translation. The study examines methods for achieving the adequacy of literary translation with special attention paid to the choice of linguistic means necessary for conveying the author's ideological and aesthetic intention. The article presents the results of analysis of novels about racial conflicts that prove the importance of imitating the manner of the writer for reflecting his attitudes and his worldview.

Key words: Afro-Colombian population; Latin American literature; literary translation; author's style; stylistic devices.

Введение

В 2020 г. минуло сто лет со дня рождения пока не столь известного мировой общественности афроколумбийского писателя Мануэля Сапаты Оливелли. Всю свою жизнь, захватившую чуть менее столетия (1920–2004), Сапата Оливелля жил жизнью бурного XX в., был активным участником многих крупных событий исторического масштаба. Он оказался подлинным ровесником прошлого века, потому что с предельной честностью и упорной доскональностью настоящего художника слова стремился ответить на самые болезненные вопросы современности. Он поднимал самые щекотливые и табуированные темы. Будучи человеком талантливым и многогранным, он необыкновенно искренне выражал свое отношение, свой правдивый взгляд на общественно-политическое развитие колумбийского народа. Горькие мысли о судьбе африканских народов и их потомков на колумбийской земле, излившиеся в минуты размышлений как над событиями, произошедшими еще до его рождения, так и над проблемами современного ему общества, стали предвестниками грядущих рассказов – «Аккордеон за решеткой», «Чужак в моей коже». Он писал о том, что хорошо знал сам, чему сам стал свидетелем, сам пережил, но личный опыт служил лишь фундаментом возводимой им крепости творчества, призванной стать оплотом надежд и верным пристанищем афроколумбийского населения. Все свои произведения – романы и рассказы – он посвятил проблеме расовой дискриминации. Он впервые заговорил об африканском компоненте латиноамериканской культурной общности как долгое время «безмолвствующем» участнике взаимодействия двух культур – иберокатолической и латиноамериканской. Он писал о тяжелой жизни афроколумбийцев, об их исторических корнях, придерживаясь своей собственной стилистической палитры.

При переводе возникает необходимость, используя прием подражания, сохранить исходный стиль, колорит и манеру изложения [Казакова 2006]. Все произведения, хоть и написаны одним человеком, разнятся по стилю. В рассказе «Чужак в моей коже» писатель как будто забывает о красоте слога и все свое внимание уделяет размышлениям главного героя и диалогам между ним и его преследователями. При переводе следует овладеть индивидуальным стилем автора и подражать ему: стремиться к краткости и лаконичности, не отказываться использовать жаргонную и бранную лексику [Писанова,

Альварес 2019]. В рассказе «Я увидел ночь» язык автора отличается метафоричностью. Даже самые мрачные сцены находят изысканное языковое воплощение, что вызывает особые эмоции у читателя. При переводе этого рассказа не стоит проявлять эмоциональную сдержанность, так как точная передача чувств и эмоций будет способствовать достижению адекватности перевода.

Особенности авторского стиля в первых произведениях

В своих ранних произведениях Сапата Оливелья, с присущими ему филигранной точностью практикующего врача и романтическим настроением исследователя-этнографа, старался проникнуть в суть явлений, чтобы прочувствовать их и написать об этих явлениях так, чтобы и по прошествии ста лет они вызывали бы те же чувства и эмоции.

В самых первых его рассказах и романах проявились характерные черты его стиля – предельная сжатость языка, выпуклость описаний, необычный диалог, идущий, казалось бы, по поверхности, но таящий в себе глубинные смыслы. Удивительно, но многим его рассказам присущи простые по своей структуре предложения, а некоторые, наоборот, изобилуют перенасыщенными сложными структурами. Сравним следующий отрывок из рассказа «La telaraña» («Паутина», перевод А. Альварес Солер) с отрывком из рассказа «Los lentes pleocrómicos» («Фотохромные линзы», перевод А. Петрова):

La araña sacudida por el viento se balanceó sobre la escalera. El diminuto orificio de su vientre continuó escupiendo la saliva que la suspendía en el vacío. En sus ojitos poliédricos los escalones se multiplicaban y superponían. Flotaban como ella en el abismo. Su hilo pegajoso tampoco se apoyaba en ninguna parte. Ignoraba de dónde venía ni en qué lugar de la escalera hilar su telaraña. Sin embargo, por un instinto deseaba inmovilizar aquella multitud en su red. Paralizarla. Que tuviera conciencia de su inutilidad. Si proseguía descendiendo en la misma dirección, caería en la cabeza de la vieja. Pero en esa cabeza peluda y alborotada los piojos podrían devorarla. Un manotazo la aplastaría. Se columpió en el aire y se desvió para descender sobre el hueco del escalón. Un maravilloso sitio para ocultarse de la vieja.

Качнувшись на ветру, паук замер над лестницей. Через крошечную дырочку на его брюшке продолжала выделяться слюна, которая, застыв, позволяла ему висеть в воздухе. В его выпуклых глазах ступеньки множились, наслаиваясь друг на друга. Они будто парили над пропастью, как и сам паук. Его липкая нить тоже ни к чему не крепилась. Он не

знал, ни откуда эта нить появлялась, ни в какую точку на лестнице ее направить, чтобы сплести паутину. Однако ему, в силу инстинкта, хотелось обездвигнуть своей сетью всю эту толпу. Парализовать ее. Чтобы она осознала свою ничтожность. Если он будет продолжать снижаться в прежнем направлении, то упадет на голову старухи. Но, если он окажется в этой пышной, взъерошенной шевелюре, то его сожрут вши. Или он погибнет оттого, что его прихлопнут. Качнувшись, он легко поменял траекторию движения и приземлился в трещине на одной из ступенек. Прекрасное место, чтобы укрыться от старухи.

Me quité el cigarrillo de los labios y lo apagué contra el cenicero. Una salivación espesa afluyó a mi boca. La inquietud que precedía al temor. Me puse a dar vueltas en torno al cuarto. Vagaba a través de un prisma donde los objetos se multiplicaban convertidos en planos superpuestos de colores. Tropecé con algo pesado y tuve que llevarme las manos a los lentes para protegerlos. Al quitármelos recaí otra vez en la realidad. Estaba de frente al muro, contra el rincón.

Я опустил сигарету и затушил её о пепельницу. Мой рот наполнился слюной. Я чувствовал то самое беспокойство, которое всегда предшествует страху. Я стал наворачивать круги по комнате, будто проходя сквозь призму, увеличивающую предметы и превращающую их в скопление цветов. Столкнувшись с чем-то увесистым, я поднял руки к очкам, чтобы защитить их. Сняв очки, я вновь оказался в обычной реальности. Я смотрел в стену, стоя в углу.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что писатель говорит языком своих персонажей, который отражает их характер и настроение. Поэтому при переводе очень важно проявлять гибкость, принимая во внимание интенции автора и стиль языка персонажей.

Отражение социальной тематики в творчестве и в переводе

В своих рассказах писатель объективировал чувства обездоленности, нищеты и бесправия представителей негроидной расы, проживающих на тех землях, на которые были привезены насильно, против их воли. Писатель пишет об их судьбе с впечатляющей остротой и выразительностью, не скрывая злобного, агрессивного отношения к ним «белого человека». Поступки, слова и мысли, чувства и переживания – вся трагическая жизнь, исполненная боли и безотчетной тоски – трепещут в его рассказах, словно живые, обнаженные нервы. Он критически описывает положение негров в стране, пропагандирующей свободу мысли и слова. Он бесстрашно изображает социальные

противоречия с позиции обездоленных людей, понимая насущные проблемы дня, но не находя способов их разрешения. Писатель отважно заявляет о горькой судьбе социально угнетенных, о несправедливом отношении к ним. В рассказе «Un extraño bajo mi piel» («Чужак в моей коже», перевод Д. Фурсова) в каждой строке ощущается возмущение, испытываемое писателем от необоснованной человеческой ненависти:

Maldiciones. Un puñetazo y las cartas aletean otra vez sobre la mesa. Elder solo piensa en la sogá. A su abuelo Arcie lo colgaron. Salió a buscar medicina. A su mujer le flaqueaba el corazón. No encontró la droga en la farmacia del barrio negro. Siguió adelante. A esas horas de la noche estaría abierta la droguería de Mr. Johnson, en la ciudad de los blancos. “No vayas, Arcie”, se decía. Otra voz lo empujaba: “Se te muere tu mujer”. Al día siguiente penduleaba de una cuerda.

María Antonieta encaneció en la noche que esperaba ser guillotínada.

– Eso no podría sucederle a un negro.

La guillotínada era mejor que una sogá al cuello. Elder vio colgado al abuelo. Era muy pequeño entonces pero no lo olvidaba: la lengua partida entre los dientes, los sacos de los ojos llenos de sangre. Un pie descalzo inmensamente hinchado y el otro, comprimido por el zapato, deforme como una salchicha.

– Ya es hora de que acabemos con este negro.

– No se atreverá otro a caminar por nuestras calles de noche.

Брань. Стол вздрагивает от тяжелого удара кулаком, и карты взлетают на воздух. Мысли Элдера только о веревке. Его деда Арси повесили. Он хотел купить лекарство. Его жене было плохо с сердцем. У местного аптекаря из черного района подходящих таблеток не нашлось. Тогда Арси отправился на поиски дальше. В такой поздний час была открыта аптека, пожалуй, одного только мистера Джонсона, в белой части города.

– Не ходи, Арси, – говорили ему. Но внутренний голос твердил: «Да ведь твоя жена умрет».

На следующий день его нашли повешенным.

– Мария-Антуанетта поседела в ночь перед своей казнью на гильотине.

– Ну, негру-то это не грозит.

Лучше уж гильотина, чем веревка на шее. Элдер видел труп деда собственными глазами. Он был совсем ещё ребёнком, но такое трудно забыть: перекушенный язык и налитые кровью нижние века. Одна нога была голая и сильно раздутая, а вторая, сдавливаемая ботинком, походила на сардельку.

– Ладно, пора кончать с этим негром.

– Да, чтоб его отродью неповадно было шастать по нашим улицам.

Писатель не скрывает, что потомки африканских народов в странах Северной и Южной Америк ведут титаническую борьбу за выживание, за сохранение идентичности. В своих произведениях он заставил звучать все регистры своего таланта. Шутливый тон, легковесные реплики, перемежающиеся меткими метафорами, искрометными замечаниями, четкими выстрелами ранят сердце и саднят душу, внушая отвращение к тем, кто с предубеждением относится к цвету кожи или низкому социальному положению. Социальные проблемы оказываются в центре внимания писателя. Он ясно осознает, что не имеет права уклоняться от художественного исследования этих проблем. Многие его рассказы можно назвать мрачными и безнадежными. Мрак, окутывающий несчастную жизнь афроколумбийцев, стужается до предела в его рассказах, остается только одиночество и насильственная смерть.

Не умозрительно, а воочию писатель видит все тяготы и лишения, на которые обречены бедняки, насколько враждебно настроено против них обеспеченные люди. Во многих рассказах он создает резкую контрастную, без полутонов картину общества, где на одном полюсе бедняки, с трудом добывающие средства на кусок хлеба, не имеющие нормального жилья, а на другом богатеи, прожигающие жизнь. Приведем пример из рассказа «He visto la noche» («Я увидел ночь», перевод А. А. Альварес Солер):

Muy atrás estaban los tiempos cuando Duke Ellington atraía a la élite blanca a los salones del Cotton Club; cuando Louis Armstrong vocalizaba su trompeta de oro frente a los atónitos magnates de la ciudad baja de Nueva York, quienes solo esperaban la caída de la noche para aparecer en los salones aristocráticos de Harlem. De este pasado no quedaba sino la leyenda y a mí solo me era dado ver la angustia y la amargura que ensombrecía los rostros. <...>... donde aquella multitud privado de compartir el concierto retrotraje los recuerdos de mi vida vagabunda. Desfilaban en mi mente los niños negros del Chocó, piadosos y parasitados; las horas de fatiga de los obreros en Panamá, en la Zona del Canal; los palúdicos y anémicos cultivadores de banano en Costa Rica, los galpones abandonados del ferrocarril donde sus hijos morían de sprue por falta de vitaminas; y más acá, en Nicaragua, las moledoras de maíz que compartieron conmigo la totuma de mazamorra de sus pequeños, en Honduras, los soldados descalzos, analfabetos, obedientes de Carías Sandino, sordos a la desgracia de sus propios hermanos, el peregrinaje de los indios de Guatemala alimentándose con panes duros y llevando sobre sus espaldas a los recién nacidos momificados, con sus caritas sucias y sin luz; las hogueras en los parques de México entorno a los cuales los hambrientos

vagos y campesinos sin tierra nos resguardamos del frio; y allí mismo en Nueva York, los espectros del Bowery, del Harlem enfermo y de los sótanos de mi hotel, temblorosos del frio, acicateados por los piojos. Todos ellos me extendían sus manos suplicantes, con ojos inexpresivos para gritarme, ‘¿de qué te sirve tanto viajar, si ahora nos olvidas? ¿Para qué tanto soñar y visitar nuestras chozas, porque entraste a la cabaña pobre a solicitar abrigo, si tu pluma no maldice nuestro dolor? Tu eres de nosotros! Acuérdate de tu abuela dobladora de tabaco de tus tías bajo techos rotos, de tu madre que nunca ha podido visitar un transatlántico, una de sus poquísimas ambiciones de mujer que ha visto el mar desde la infancia. Fíjate, hoy no puedes, a pesar de tu gran afición, escuchar a la Anderson, que es de los nuestros, insultada por los mismos que la aplauden. Ea, ándate, júrate que desde hoy en donde quieras que te encuentres, bajo cualquier amenaza lucharas por nosotros.’

Los aplausos en el interior del teatro borraron de mi mente aquella alucinación y ya consciente de mis actos dije con todas mis fuerzas, ‘sí, lo juro’.

Позади остались времена, когда салоны Коттон-клуб наполнялись представителями светлокожей элиты, приходившими послушать Дюка Эллингтона; когда Луи Армстронг извлекал звуки из золотой трубы в глазах у изумленных магнатов из Нижнего Манхэттена, которые только и ждали наступления ночи, чтобы появиться в аристократических салонах Гарлема. Всё это осталось в далеком прошлом, и я видел лишь боль и ожесточение, навсегда искажившие лица его обитателей. <...>... где эта толпа, лишенная возможности послушать концерт, напомнила мне о моей жизни бродяги. Перед моим мысленным взором вставали жалкие и кишасшие паразитами черные детишки из Чоко; обессиленные в своих страданиях строители Панамского канала; зараженные малярией, с бескровными лицами сборщики бананов и их дети, умирающие от тропических язв, вызванных нехваткой витаминов, на опустевших железнодорожных складах; а там, дальше, в Никарагуа женщины, измельчающие вручную кукурузу, которые угощали меня детской кашницей из тарелок, сделанных из плодов дерева тотумо; босоногие, неграмотные солдаты Гондураса, поддерживающие режим Кариаса Сандино и равнодушные к несчастьям своих же братьев; толпы индейцев-переселенцев с грязными и безучастными лицами, питающихся затвердевшим хлебом и носящих на спине истощенных новорожденных; мы, голодные бродяги и безземельные крестьяне, сидящие вокруг костров в парках Мехико; а в самом Нью-Йорке люди-призраки Бауэри, нездорового Гарлема и подвалов моего отеля, дрожащие от холода, изъеденные вшами. Все они протягивают ко мне руки в немой мольбе, взывая: «зачем ты столько

путешествуешь, если сейчас ты забыл нас?», «зачем ты мечтаешь и пощаешь наши лачуги, заходишь в наши хижины в поисках приюта, если твое перо не описывает нашей боли? Ты же один из нас! Вспомни свою бабушку, скручивающую листья табака, своих теток, сидящих под худыми крышами, свою мать, которая так никогда и не поднялась на борт трансатлантического лайнера, что было безобидной мечтой женщины, с детства видящей море. Вспомни себя, мечтающего, но не имеющего возможности послушать Андерсон, ту, которая тоже одна из нас, ту, которую оскорбляют те же, что ей и аплодируют. Эй! Иди и поклянись, что с сегодняшнего дня, где бы ты ни был, что бы тебе ни угрожало, ты будешь бороться за нас». Звуки аплодисментов, доносящиеся из утробы театра, стерли это видение, и, уже полностью отдавая отчет в своих действиях, я произнес: «Клянусь!»

Примечательно, что на протяжении всего рассказа «Я увидел ночь» прослеживается восприятие автором грустной социальной действительности в контексте драматической истории формирования латиноамериканской общности. Задача переводчика – передать литературные, стилистические и художественные особенности этого произведения, сохранив его «душу».

Заключение

Все произведения Сапаты Оливельи отличаются высокой и человеческой мудростью писателя. В них нашли свое воплощение те подлинные гуманистические идеи, которые писатель искал на протяжении всего своего литературного пути. Этот нелегкий путь был отмечен постоянными исканиями, попытками воскрешения веры в человека и в его доброе начало. Как писатель-реалист он искал ответы на животрепещущие вопросы – так, как он их понимал, – и пришел к выводу о необходимости борьбы за лучшую жизнь, которой достоин каждый, пришедший в эту юдоль слез.

Сюжеты его рассказов захватывают, а средства художественной выразительности поражают своим разнообразием. Прием подражания индивидуальному стилю Мануэля Сапаты Оливельи подразумевает стремление насытить перевод подходящими стилистическими оттенками, создать разноголосые тексты, для которых были бы характерны разные регистры языка – низкий просторечный и высокий нормативный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Казакова Т. А.* Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. [Kazakova, T. A. (2006). *Khudozhestvennyy perevod: v poiskakh istiny* (Literary Translation: in Search of Truth). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)].
- Писанова Т. В., Альварес Солер А. А.* Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: многоязычие, литература, традиции перевода: монография. М.: ИПК МГЛУ РЕМА, 2019. [Pisanova, T. V., Al'vares Soler, A. A. (2019). *Prostranstva kommunikatsii Ispanii i Latinskoy Ameriki: mnogoyazychiye, literatura, traditsii perevoda: monografiya* (Communication spaces of Spain and Latin America: multilingualism, literature, translation traditions). Moscow: IPK MSLU REMA. (In Russ.)].

УДК 81.255

Н. А. Бонадык

10.52070/2542-2197_2021_2_844_191

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
nat5000@yandex.ru

ИДИОСТИЛЬ МИЯДЗАВА КЭНДЗИ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

В статье приводятся основные лексические особенности идиостиля японского автора Миядзава Кэндзи на основе повести «Ночь в поезде на серебряной реке», описывается их связь с художественными задачами автора и его мироощущением. Автор анализирует подходы к самому понятию идиостиля, говорит о его значении для теории перевода и роли на этапе предпереводческого анализа. Кроме того, в статье рассматриваются сложности, возникающие при передаче идиостиля Миядзава Кэндзи на русском языке.

Ключевые слова: идиостиль автора; идиостиль переводчика; Миядзава Кэндзи; ономатопея; редупликация.

N. A. Bonadyk

PhD Student
Department of General and Comparative Linguistics
Lecturer at the Department of Oriental Languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
nat5000@yandex.ru

MIYAZAWA KENJI'S PERSONAL STYLE: LEXICAL CHARACTERISTICS AND TRANSLATION CHALLENGES

The article analyzes Miyazawa Kenji's novel 'Night on the Galactic Railroad' to describe the main lexical features of the author's personal style and the way they reflect the writer's intentions and his perception of the world. The author reviews different scientific approaches to the term 'personal style' and considers its importance for the translation theory and the role it plays in pre-translation text analysis. Moreover, the article highlights difficulties the translator faces when expressing Miyazawa Kenji's personal style in the Russian language.

Key words: author's personal style; translator's personal style; Miyazawa Kenji; onomatopoeia; reduplication.

Введение

В рамках данной статьи мы предпринимаем попытку описать лексические особенности идиостиля Миядзава Кэндзи. До сих пор в отечественной лингвистике почти не появлялось работ, посвященных его творчеству, в частности индивидуальному стилю. Российским японистам только предстоит подробно описать разные аспекты идиостиля как Миядзава Кэндзи, так и других японских авторов, изучить соотношение между индивидуальными особенностями и общеязыковыми явлениями в японских художественных текстах. Такие работы могут иметь особое значение для сопоставительной стилистики и теории перевода. Исследование было выполнено, в первую очередь, с опорой на иллюстративный материал из произведения «Ночь в поезде на серебряной реке» (перевод Е. А. Рябовой в 2009 г.).

Подходы к пониманию идиостиля

Прежде всего необходимо рассмотреть само понятие «идиостиль». В лингвистике на данный момент не сформировалось универсального определения этого термина, его понимание зависит от научного подхода. Е. В. Старкова выделяет пять главных подходов к анализу идиостиля, а именно – семантико-стилистический, лингвопоэтический, системно-структурный, коммуникативно-деятельностный и когнитивный [Старкова 2015].

Семантико-стилистический подход рассматривает идиостиль как совокупность отобранных автором языковых средств из общего числа характерных для данного периода развития словесности языковых приемов и способ их эстетической организации, присущий данному автору [Виноградов 1961].

В рамках лингвопоэтического подхода рассматривается роль языкового материала в создании художественных образов [Некрасова 1991]. Н. А. Фатеева использует термин «метатропы», т. е. «стоящие за конкретными языковыми преобразованиями (на всех уровнях текста) глубинные функционально-семантические зависимости, структурирующие авторскую модель мира» [Фатеева 2007, с. 15]. Они объединяют элементы идиостиля разных уровней в единую систему.

Системно-структурный подход строится на противопоставлении идиолекта (под ним понимается «индивидуальный стиль» в определении В. В. Виноградова) и идиостиля как системы и текста. Иными

словами, идиостиль понимается, как форма реализации идиолекта в конкретных текстах [Ревзина 1989].

Коммуникативно-деятельностный подход исследует в рамках понятия идиостиль воздействие языковой личности автора на читателя при помощи не только отбора проблематики, языковых средств, но и организации их определенным образом, позволяющим автору решить свою коммуникативную задачу [Болотнова 2009]. Текст рассматривается как форма коммуникации, в которую вступают автор и читатель. Идиостиль формируется исходя из экстралингвистических факторов (функционально-стилевого, жанрово-стилевого и индивидуально-стилевого) [Болотнова, Котюрова 2014].

Когнитивный подход, осуществляемый в рамках когнитивной лингвистики, рассматривает идиостиль как систему средств выразительности, которая служит для соотнесения внутреннего мира писателя с художественной действительностью. Так, по выражению А. В. Сивковой, идиостиль – это «творческая индивидуальность автора плюс языковые средства ее выражения» [Сивкова 2007, с. 9].

Мы будем исходить из определения Н. Н. Грибовой, по которому идиостиль – это «система языковых средств, подчиненных эстетическим и коммуникативным задачам художественного произведения, посредством которых создается индивидуально-авторская картина мира» [Грибова 2010, с. 7], так как оно подразумевает, что идиостиль сочетает как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты. При этом нам кажется важным замечание, что идиостиль – это не просто набор наиболее частотных речевых элементов, большое значение имеет сознательный выбор их автором, как наиболее точно отвечающим его художественным задачам [Чернышева 2010, с. 32].

Место идиостиля в науке о переводе

Рассмотрение художественных текстов с целью вычленения основных характеристик авторского идиостиля играет большую роль на этапе предпереводческого анализа художественного текста, так как помогает выделить индивидуально-авторские особенности текста, которые требуют отражения для достижения адекватности в переводе. Здесь большую роль играет также четкое понимание общезыковых закономерностей текста оригинала, на фоне которых и проявляются индивидуально-авторские языковые особенности. Общезыковые явления надлежит

переводить стандартизированными речевыми средствами, а элементы идиостиля – как можно точнее, сохраняя, где это возможно, структуру и/или содержание приема [Ланчиков 2011]. В рамках этой работы для более точного определения языковых единиц, как общеязыковых или авторских мы обращались к корпусу японского языка [Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese URL].

При рассмотрении идиостиля с точки зрения переводоведения необходимо различать такие понятия, как авторский идиостиль и переводческий идиостиль. Под вторым понимается «индивидуальный (личностный) способ межязыкового преобразования, приводящий к определенному системному соотношению формы текста оригинала и текста перевода, которое, с одной стороны, помещает данный перевод в пределы диапазона адекватности, но с другой, очерчивает границы его своеобразия, неповторимости относительно иных, потенциально возможных в диапазоне адекватности, переводов» [Псурцев 2019, с. 48]. Существование идиостиля переводчика предполагает, что читатель перевода всегда соприкасается с индивидуальным стилем не только автора, но и переводчика, от которого полностью не может быть свободен ни один переводной художественный текст. Мы в данной работе рассматриваем именно идиостиль автора, обращаясь к тексту перевода для того, чтобы рассмотреть переводческие решения в отдельных случаях.

Итак, мы дадим краткое описание лексических особенностей микроидиостиля (т. е. идиостиля в рамках одного произведения, соответственно терминологии Д. В. Псурцева) японского писателя и поэта Миядзава Кэндзи (1896–1933) на основе повести «Ночь в поезде на серебряной реке», а также коснемся некоторых сложностей, возникающих при переводе.

Ценность для нашего исследования представляет тезис Н. С. Болотневой, что идиостиль включает в себя: «а) фрагмент языковой картины мира автора (его лексикон, семантикон, грамматикон, посредством которых моделируется художественный мир произведения, отражающий авторское видение окружающей действительности); б) информационный тезаурус создателя текста, отраженный в эстетической форме; в) цели и мотивы творца, побудившие его к созданию произведения и нашедшие отражение в идейно-художественных особенностях текста». Это утверждение отражает всё многообразие экстралингвистических факторов, под воздействием которых формируется индивидуальный стиль писателя. Считая, что и в рассматриваемом

нами случае знания автора, его мировоззрение, художественные задачи оказали прямое влияние на его стиль, мы позволим себе коротко изложить релевантные для нас моменты из его биографии.

Идиостиль Миядзава Кэндзи

Миядзава Кэндзи (1896–1933) известен на родине в первую очередь как поэт и писатель, автор сказок, ориентированных на детей и подростков. При этом писательство было для него скорее увлечением, при жизни не принесло ему ни денег, ни известности. Родившись на севере, в префектуре Иватэ (там он и прожил почти всю жизнь), Кэндзи с детства испытывал интерес к природе. Известно, что в школе главным его увлечением было коллекционирование насекомых и минералов. Получив агрономическое образование в местном университете, он впоследствии многие годы использовал полученные знания, чтобы посещать местных крестьян. Пять лет Кэндзи проработал в школе, где кроме английского обучал детей геологии, культуре посадки растений и сбора урожая, климатологии и почвоведению. Затем он организовал общество «Расутидзин кёкай» («Общество земледельцев Расу»), в котором учил крестьян более современным и эффективным методам сельского хозяйства. Миядзава Кэндзи был человеком с разносторонними интересами: его привлекали естественные науки (биология, геология, астрономия), он изучал английский, немецкий, а также эсперанто (и даже перевел на него несколько собственных стихов). Кэндзи увлекался западной классической музыкой, которая, надо отметить, стала известна японцам не так давно, только во второй половине XIX в., после реставрации Мэйдзи.

Научная лексика

Интерес и познания писателя в науках явно проявляются на лексическом уровне. Проанализировав текст, мы обнаружили большое количество слов, имеющих отношение к астрономии, ботанике, зоологии, энтомологии, минералогии и химии. Такое обилие терминологии в сказочном произведении создает уникальный мир, где сочетаются поэтическая и научная картины мира.

Рассмотрим подробнее лексику из различных научных сфер. Если говорить о ботанике, в тексте встречается большое количество

наименований растений (сакура, спаржа, пихта, тополь, сосна, ель, мискант и т. д.), которые упоминаются на протяжении всего повествования для описания мизансцен и играют большую роль в создании художественного мира произведения. В данном случае регулярно возникающей переводческой трудностью можно назвать то, что в большинстве случаев в оригинальном тексте используется видовое название, которое в русском языке существует только в виде научного термина, не употребляется в обиходе. Например, встречаются такие названия, как 彼の [hino] – «туевик», つりがねそう [tsuriganeso:] – «колокольчик средний». В таком случае выходом может стать прием генерализации, т. е. обобщения до уровня родового названия, к которому, по нашим наблюдениям, прибегает и переводчик Е. А. Рябова. В двух указанных выше примерах она предлагает варианты «кипарис» и «колокольчик» соответственно.

В тексте мы также встречаем большое количество названий животных, рыб и птиц (совы, кальмары-светлячки, журавли, гуси, цапли, вороны, павлины, лососи и т. д.). При переводе здесь могут возникнуть схожие сложности, связанные с разницей в восприятии видовых и родовых названий. Например, в тексте встречается описание рыб, выпрыгивающих из воды, 鮭 [sake], и 鱒 [masu]. 鮭 может означать либо вид «кета», либо семейство «лососёвых», а 鱒 – «форель» (название, которые объединяет несколько видов лососёвых). Здесь, напротив, использовано более широкое понятие, которое необходимо конкретизировать, использовав привычные русскому читателю названия. Так, Е. А. Рябова в своем переводе предложила варианты «лосось» и «горбуша».

В тексте также появляется немало астрономических терминов (Млечный путь, названия звезд и созвездий), минералов и драгоценных камней (алмазы, сапфиры, топазы, жемчуг, рубины, обсидиан, хрусталь), химические элементы и сплавы (латунь, водород, сера, ртуть, литий). При этом нередко эти термины, в том числе химические элементы, упоминаются в составе метафор, что дает эффект синтеза рационального и образного мышления, как в данных примерах:

そのきれいな水は、ガラスよりも水素よりもすきとおって

[sono kirei-na mizu-wa garasu-yori-mo suiso-yori-mo sukito:tte] – «она [вода] была прозрачнее стекла, прозрачнее водорода»;

ルビーよりも赤くすきとおりリチウムよりもうつくしく酔ったようになってその火は燃えているのです

[rubi:-yori-mo akaku sukito:ri richiumu-yori-mo utsukushiku yotta yo:-ni natte sono hi-wa moeteiru-no deshita] – «этот огонь завораживал, был краснее и прозрачнее рубина, красивее лития».

А в следующем примере с реально существующим небесным объектом происходят сказочные метаморфозы:

そしてジョバンニは青い琴ことの星が、三つにも四つにもなって、ちらちら瞬またたき、脚が何べんも出たり引つ込こんだりして、とうとう葦きのこのように長く延びるのを見ました

– «затем Джованни увидел, как голубая звезда из созвездия Лиры рассыпалась на несколько мигающих звездочек, из них стали высовываться и втягиваться обратно ножки, как у грибов» [перевод Е. А. Рябовой].

Синтез западных и восточных реалий

Кроме того, интересен в этой повести также синтез западного и восточного миров. Дело в том, что определить, в какой стране разворачивается действие первых глав, невозможно, так как, с одной стороны, описания городской жизни и растительности напоминают Японию. Так, в начале повести дети собираются на буддийский праздник хосимацури с бумажными фонариками, главный герой снимает обувь перед тем, как зайти в помещение типографии, как принято в Японии, а в городе растут сакуры. Но при этом дети наблюдают ночью созвездие Кентавра, которое не видно в Японии, а имена всех героев звучат по-европейски. Имена *ジョバンニ* [jobanni] (Джованни), *ザネリ* [zaneri] (Дзанелли), *カムパネルラ* [kamupanerura] (Кампанелла) создают ассоциации с Италией, а собаку одного из персонажей называют явно на немецкий манер *ザウエル* [zaueru] (Зауэр).

Подобный прием Миядзава Кэндзи использовал и в других своих произведениях, записывая японские топонимы, как заимствования (все заимствования в японском языке записываются отдельной азбукой, т. е. они отличаются от исконных слов даже визуально), получая вместо *仙台* [sendai] *セんだード* [senda:do], вместо *東京* [tokyo:] *トキーオ* [toki:o] (в «Площади Полано») и т. д.

Ономатопея

Текст изобилует большим количеством ономатопоэтических слов, что связано в первую очередь с жанром произведения. Хотя нужно отметить, что в японском языке в целом ономатопея представлена более широко, чем во многих других языках (например, в русском) и характерна для самых разных дискурсов, иначе говоря, выходит далеко за рамки детской разговорной лексики. При этом ономатопея в японском охватывает гораздо больший спектр семантических значений и включает не только «гионго» (слова, имитирующие звуки, порождаемые живой природой или неодушевленными предметами), но также и «гитайго», звукосимволические слова, которые символически описывают состояния, явления, чувства и т. д. Многие ономатопоэтические слова имеют устойчивую сочетаемость и употребляются обычно с определенными глаголами, дополняя или уточняя их значение [Румак 2018]. В этом случае между ономатопоэтическими единицами и этими глаголами образуется тесная связь, т. е. формируются устойчивые выражения. Пример такого сочетания: ひかひか光る [pikarika hikaru] «ярко сиять», где ひかひか [pikarika] – это «продолжительное сияние, блеск», а 光る [hikaru] – «сиять», т. е. ономатопея дополняет значение глагола.

Однако в текстах Миядзава Кэндзи наряду с такими устойчивыми выражениями можно встретить и окказиональные [Наумец 2014]. Такой прием позволяет сделать текст более ярким и выразительным, добавить образности и эмоциональности. Вот несколько примеров:

がさがさしたく…大人の声

[gasagasashita ... otona-no koe] или

くしゃくしゃの皺曲

[kushakusha-no shu:kyoku].

В первом случае голос взрослого человека 大人の声 [otona-no koe] описывается при помощи ономатопеи がさがさした [gasagasashita], означающей грубость, шершавость материала (кожи, руки и т. д.), не использующейся в этом значении для описания звука. Таким образом, значение «грубый голос» строится на основе метафорического переноса.

Второе выражение встречается при описании драгоценных камней. くしゃくしゃ [kushakusha] означает «смятый, скомканный, весь в складках и морщинах, потерявший форму», данное слово

может употребляться при описании бумаги, одежды и т. д. А слово 皺曲 [shu:kyoku] можно назвать неологизмом. В японском языке существует слово 褶曲, которое звучит точно также и означает геологическую складку. Миядзава Кэндзи заменил первый иероглиф, используя 皺 [shu:], имеющий сходное значение (помятость, морщина), однако не связанное с геологией. Возможно, тем самым он хотел усилить метафору, описать топаз, похожий по форме на смятый клочок бумаги. В целом при переводе этого выражения мы получаем «мятые изгибы» – словосочетание, которое очень точно передает внешний вид еще не ограненного камня. В переводе это сочетание выглядит как «топаз неправильной формы», что точно передает суть, но не сохраняет заложенной в оригинале образности.

Редупликация

Кроме того, Миядзава Кэндзи использует прием редупликации ониматопеи и прилагательных с целью их интенсификации. Следует отметить, что в целом редупликация – частый способ словообразования в японском языке, с его помощью может образовываться множественное число существительных, интенсифицироваться значение других частей речи. Однако в рамках общезыковой нормы таким образом изменяется только ограниченное число слов, в остальных случаях можно говорить об авторском, экспрессивном словоупотреблении. Оно имеет место в следующих примерах (для подтверждения своих предположений мы проверяли частотность, на основе данных корпуса японского языка). Выражение にこにこわらう [nikoniko warau] означает «приятно», в тексте повести мы встречаем оборот にこにこにこにこわらった [nikoniko nikoniko waratta]. Его перевод требует сделать особый акцент на широте, радушности улыбки (в русском переводе просто «улыбнулась»). どんどん [dondon] означает «энергичное продолжительное осуществление действия», в тексте встречается в обороте どんどんどんどん汽車は走って行きました [dondon dondon kisha-wa hashitte ikimashita], где подчеркивается, что поезд медленно, но верно продолжал ехать вперед. Переводчик здесь предложил вариант «а поезд ехал все дальше, дальше и дальше», передающий идею непрерывного движения. わくわく [wakuwaku] переводится как «нервничать, волноваться», т. е. получается ジョバンニはわくわくわくわく足がふるえました [jobanni-wa wakuwaku wakuwaku ashi-ga furuemashita] – ноги Джованни дрожали

от сильного волнения. В переводе читаем «у Джованни сильно-сильно дрожали ноги». Эксплицитно здесь не выражается сема волнения, но существующий контекст дает читателю понять причины, по которым переживает герой.

Как мы уже отметили, в тексте можно найти примеры редупликации прилагательных. 美しい美しい [utsukushii utsukushii] (красивый-красивый) в обороте 美しい美しい桔梗いろのがらんとした空. Здесь содержится и метафора «в прекрасном пустом (безоблачном) небе цвета колокольчика», в русском переводе эта фраза передается как «в пустом красивом небе», но нам кажется, что имело бы смысл сохранить растительный образ, учитывая то, какую роль флора играет для создания атмосферы всего произведения.

Другой пример:

遠くの遠くの野原のはてから、かすかなかすかな旋律が糸のように流れて来るのでした

[to:ku-no to:ku-no nohara-no hate-kara, kasuka-na kasuka-na senritsu-ga ito-no yo:-ni nagaretekuru-no deshita].

В этом предложении сразу два примера редупликации:

かすかなかすかな

[kasuka-na kasuka-na] (смутный-смутный)

遠くの遠くの

[to:ku-no to:ku-no] (далекий-далекий).

Здесь автор стремится передать образ далекого, едва слышного звука, доносящегося с большого расстояния. Переводчик предложила вариант «с самого дальнего конца поля текла тихая-тихая мелодия, тонкая, как ниточка», в одном месте передавая значение интенсификации также при помощи редупликации.

В каких-то случаях при переводе звукоподражательных слов было возможно использовать метод транскрипции. Так, предложение ごととごとと、ジョバンニの乗っている小さな列車が走りつづけていたのでした [gotogoto gotogoto jobanni-no notteiru chi:sa-na ressha-ga hashiritsudzuketeita-no deshita] в переводе звучит: «он уже несколько минут едет на маленьком поезде, постукивающим колесами: «*гото-гото-гото-гото*».

Заключение

Таким образом, основные лексические особенности идиостиля Миядзава Кэндзи включают: обилие научной лексики и включение ее в состав метафор, синтез западных и восточных реалий, окказиональное употребление ономастопеи, редупликация для интенсификации смысла. Дальнейшее изучение различных сторон его индивидуально-го стиля и его соотношения с общеязыковыми элементами позволит упростить процесс предпереводческого анализа и сделает возможным более активное знакомство зарубежного читателя с этим автором и его уникальным мироощущением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста. М.: Флинта : Наука. 2009. [Bolotnova, N. S. (2009). *Kommunikativnaja stilistika teksta* (Philological analysis of the text). Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)].
- Болотнова Н. С., Котюрова М. П.* Идиостиль, или индивидуальный стиль // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 187–193. [Bolotnova, N. S., Kotyurova, M. P. (2014). *Idiostil', ili individual'nyj stil'* (Idiostyle or individual style): in A. P. Skovorodnikov (ed.). *Slovar'-spravochnik*: Siberian Federal University, (pp. 187–193). (In Russ.)].
- Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. [Vinogradov, V. V. (1961). *Problema avtorstva i teorija stilej* (The authorship problem and the theory of styles). Moscow: Goslitizdat. (In Russ.)].
- Грибова Н. Н.* Реализация концепта «искусство» как проявление идиостиля писателя: на материале произведений Э. Т. А. Гофмана и М. А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. [Gribova, N. N. (2010). *Realizacija koncepta «iskusstvo» kak projavlenie idiostilja pisatelja: na materiale proizvedenij Je. T. A. Gofmana i M. A. Bulgakova* (Implementation of the concept “art” as a manifestation of the writer’s style (based on the works of E. T. A. Hoffmann and M. A. Bulgakov): abstract of PhD in Philology. Saratov. (In Russ.)].
- Ланчиков В. К.* Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и ее преодоление // Мосты. 2011. № 2 (30). С. 30–38. [Lanchikov, V. K. (2011). *Topografija poiska. Standartizacija v jazyke hudozhestvennyh perevodov i ee preodolenie* (Topography of the search. Standardization in the language of artistic translation and its overcoming). *Mosty*, 2 (30), 30–38. (In Russ.)].

- Миядзава К. Звезда козодоя / пер. с яп. Е. А. Рябовой. СПб.: Гиперион, 2009. [Miyazawa, K. (2009). *Zvezda kozodoja* (The Nighthawk Star). Translated by E. A. Ryabova. (1799) St. Petersburg: Giperion. (In Russ.)].
- Наумец Е. Н. Фразеологические обороты в сказках Миядзава Кэндзи // Языковые и культурные контакты различных народов: Международной научно-методической конференции / под ред. А. П. Тимониной. 2014. С. 16–20. [Naumets, E. N. (2014). *Frazeologicheskie oboroty v skazkah Mijadzava Kjendzi. Jazykovye i kul'turnye kontakty razlichnyh narodov: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii* (Idiomatic expressions in fairy tales by Kenji Miyazawa): in A. P. Timoninoy (ed.). *Digest of articles. Yazykovye i kul'turnye kontakty razlichnyh narodov* (pp. 16–20). (In Russ.)].
- Некрасова Е. А. Приемы языковой изобразительности в стихотворных текстах. М.: Наука, 1991. [Nekrasova, E. A. (1991). *Priemy jazykovoj izobrazitel'nosti v stihotvornyh tekstah*. (Linguistic figurativeness devices in poetic texts). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Псурцев Д. В. Прозрачна ли прозрачность или Что такое идиостиль переводчика? // Мосты. 2019. № 4 (64). С. 42–49. [Psurtsev, D. V. (2019). *Prozrachna li prozrachnost' ili Chto takoe idiosstil' perevodchika?* (Is transparency transparent or What is translator's individual style?) *Mosty*, 4 (64), 42–49. (In Russ.)].
- Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике : Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987 / отв. ред. В. П. Григорьев. 1989. С. 134–151. [Revsina, O. G. (1989). *Sistemno-funkcional'nyj podhod v lingvisticheskoy pojetike : Problemy strukturnoj lingvistiki. 1985–1987*. (System-functional approach in linguistic poetics. *Problemy strukturnoj lingvistiki. 1985–1987*: in V. P. Grigoriev (ed.) (pp. 134–151). (In Russ.)].
- Румак Г. Н. Ономаопоэтические слова японского языка: учебное пособие для продолжающих. М.: ВКН, 2018. [Rumak, G. N. (2018). *Onomatopojeticheskie slova japonskogo jazyka: uchebnoe posobie dlja prodolzhajushhih*. (Onomatopoeitic words in the Japanese language). Moscow: VKN. (In Russ.)].
- Сивкова А. В. Идиостиль Н. В. Гоголя в аспекте лингвокогнитивной поэтики: на материале произведений «Ночь перед Рождеством» и «Мертвые души»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. [Sivkova, A. V. (2007). *Idiosstil' N. V. Gogolja v aspekte lingvokognitivnoj pojetiki: na materiale proizvedenij «Noch' pered Rozhdestvom» i «Mertvyje dushi»* (Idiostyle of N. V. Gogol in the aspect of cognitive poetics (based on the works of “The Night before Christmas” and “Dead souls”): abstract of PhD in Philology. Kaliningrad. (In Russ.)].
- Старкова Е. В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 75–81. [Starkova, E. V. (2015). *The problem*

- of idiostyle phenomenon interpretation in linguistic studies. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 5, 75–81. (In Russ.).
- Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. [Fateeva, N. A. (2007). *Intertekst v mire tekstov. Kontrapunkt intertekstual'nosti*. (The intertext in the world of texts: the counterpoint of the intertextuality): 3rd ed. Moscow: КомКнига. (In Russ.)].
- Чернышева Т. А. Идиостиль: Лингвистические контуры изучения // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. С. 30–34. [Chernysheva, T. A. (2010). Idiostyle: linguistic aspect. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 30–34. (In Russ.)].
- Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese. URL : <https://shonagon.ninjal.ac.jp>.
- 宮沢賢治, 銀河鉄道の夜.
URL : https://www.aozora.gr.jp/cards/000081/files/456_15050.html.

УДК 81'253

А. Ю. Калинин

10.52070/2542-2197_2021_2_844_204

старший преподаватель
факультета иностранных языков и регионоведения
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
a_kalinine@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

Статья посвящена проблеме языкового направления в переводе, в частности, прагматическим и когнитивным вопросам синхронного перевода на иностранный язык. Критический анализ двух полярных подходов к определению системного статуса синхронного перевода на неродной для переводчика язык и сопоставление мнений о целесообразности его внедрения в широкую переводческую практику позволяют заключить, что спекулятивные гипотезы о неизменных когнитивных преимуществах перевода на родной язык не подтверждаются данными эмпирических исследований.

Ключевые слова: синхронный перевод; направление в переводе; перевод на иностранный язык; качественный потенциал; когнитивная нагрузка.

A. Yu. Kalinin

Interpreter PhD
Senior Lecturer
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
Russian Union of Translators & Interpreters (UTR)
a_kalinine@mail.ru

COGNITIVE AND PRAGMATIC ISSUES OF SIMULTANEOUS INTERPRETING INTO A "B" LANGUAGE

The article considers the problem of directionality in translation, focusing on some pragmatic and cognitive issues related to two antagonistic approaches to determining the systemic status of simultaneous interpreting into the interpreter's non-native language. A critical review of traditions of professional practice and the undertaken theoretical and experimental research lead to the conclusion that hypotheses about compulsory cognitive advantages while interpreting into an "A" language are not supported by empirical research data.

Key words: simultaneous interpreting; directionality in interpreting; interpreting into B language; quality potential; cognitive load.

Введение

В последнее время вопросы целесообразности осуществления синхронного перевода (СП) на неродной для исполнителя язык и, как следствие, дискуссия о необходимости обучения данному виду деятельности в рамках программ профессиональной подготовки переводчиков находятся в центре внимания как теоретиков, так и методистов устного перевода. Если в отечественной традиции принято обозначать данное направление как *перевод на иностранный язык*, то в зарубежном переводе за ним закрепились такие наименования, как профессиональный жаргонизм «*ретур*» (от фр. *retour* – *возвращение, движение в обратном направлении*) или более нейтральный вариант – *перевод на язык В*. Последний термин берет свое начало в классификации рабочих языковых комбинаций устных переводчиков, разработанной Международной ассоциацией конференц-переводчиков АПС [АПС 2012] и принятой в большинстве крупных международных организаций и зарубежных вузов, осуществляющих подготовку переводчиков. Согласно этой классификации, различают *язык А* – родной или «основной» для переводчика язык, *язык В* – активный иностранный (2-й язык, L_2), степень владения которым приближается к степени владения основным, однако допускается некоторая «неидеоматичность» говорения и письма, и *язык(и) С* – один или несколько пассивных языков, с которых может осуществляться профессиональный устный перевод (рецептивная языковая деятельность), но на которые переводчик, как правило, не работает [там же]. Если переводчик в равной степени свободно владеет двумя языками (естественный координативный билингвизм), то это говорит о том, что в его рабочей комбинации присутствуют два языка *А*. Таким образом, под переводом на иностранный язык обычно подразумевается перевод в направлении $A \rightarrow B$.

Долгое время проблема направления в СП не вызывала особого интереса ни у исследователей, ни у практиков перевода. С начала Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками, от которого принято отсчитывать историю СП и где перевод осуществлялся только на родные языки переводчиков, такое направление расценивалась как единственно адекватное. Однако с расширением сферы использования СП в 1970–80-е гг. профессиональное сообщество раскололось по вопросу о качественном потенциале перевода с родного языка на иностранный и, соответственно, о необходимости систематического

обучения этому виду деятельности. Традиционно принято выделять два диаметрально противоположных подхода к этой проблеме: так называемый *западный* и *восточно-европейский (советский)*. Справедливости ради стоит признать, что данные названия весьма условны, поскольку среди переводоведов обеих геополитических зон существуют как сторонники, так и противники признания перевода на иностранный язык полноценным видом переводческой деятельности. Тем не менее в целом для сторонников Западной школы перевода характерно мнение о том, что «...перевод на язык, используемый нами в обиходе – это единственный способ, от которого можно ожидать естественно звучащего, точного, а значит максимально эффективного результата»¹ [Newmark 1981, с. 3]. Отсюда, среди терминов, которыми обозначается любой перевод на неродной для переводчика язык, независимо от формы (устной или письменной), преобладают такие эпитеты как: *технический (technical)* [там же], *непрямой (indirect)* [Grossman 2000], *инвертированный (inverse)* [Beeby 1996]. В СССР и странах социалистического блока доминировал принципиально иной подход: в силу целого ряда факторов как политического, так и демографического свойства. Перевод на иностранный язык рассматривался как неотъемлемая часть трудовых функций переводчика, а обучение последовательному и синхронному видам устного перевода велось (и по сей день ведется) в обоих направлениях (A↔B).

Проблема профессионального синхронного перевода на неродной язык имеет, на наш взгляд, как минимум три принципиальных аспекта: *каузальный*, *телеологический* и *дезидеративный*. Каузальный и дезидеративный аспекты составляют прагматическое измерение проблемы, тогда как телеологический аспект связан с процессами когниции. Рассмотрим их более подробно.

Каузальный аспект

Причины, по которым на Западе профессиональное сообщество синхронистов пошло по пути отрицания необходимости перевода в режиме *ретур*, связаны с тем, что в эпоху становления норм конференц-перевода и формирования принципов деятельности лингвистических служб крупных международных организаций речь шла почти исключительно о межъязыковых контактах внутри ограниченной

---

¹ Зд. и далее перевод наш, если не указано иное. – А. К.

группы наиболее распространенных, «мировых» языков: английского, французского, испанского, реже немецкого. В Западной Европе, даже до ее политического объединения в рамках ЕС, практически отсутствовали ограничения мобильности переводческих кадров, т. е. носители указанных языков могли свободно приглашаться на временную или постоянную работу в другую страну. Тем самым, асимметрия спроса/предложения СП на язык *A* во всех основных комбинациях была практически нейтрализована. По другую сторону «железного занавеса» ситуация отличалась разительно: в СССР и странах Восточной Европы просто-напросто не проживало достаточного количества носителей основных европейских языков, которые могли и хотели бы работать в качестве устных переводчиков, и в то же время здесь существовали весьма ощутимые ограничения на свободный въезд и, тем более, трудоустройство иностранцев. В этом отношении любопытно, как по-разному решалась кадровая проблема в сфере дипломатического перевода, где присутствует ряд ограничительных требований на допуск специалистов к переводческой работе. В силу того, что переводчик на переговорах и прочих мероприятиях высокого и высшего дипломатического уровней призван точно и недвусмысленно доносить официальную позицию государства по тому или иному вопросу, к выполнению этих функций допускаются исключительно граждане той страны, которую они представляют в составе делегации, а сам перевод выполняется на язык противоположной стороны. На Западе на такую работу зачастую приглашаются переводчики-выходцы из страны языка перевода (или потомки эмигрантов), тогда как в СССР, а теперь в России, указанные функции выполняются носителями русского языка с высоким уровнем владения иностранным. Несмотря на тот факт, что в условиях межгосударственных переговоров советским и российским дипломатическим переводчикам приходилось переводить на неродной для них язык, их компетентность в этой сфере не вызывает сомнения. Достаточно вспомнить имена В. Суходрева, И. Корчилова, П. Палажченко и ряда других переводчиков, которые внесли свою лепту в дело развития международных отношений нашей страны и укрепления ее положения на мировой арене. Более того, участие в двусторонних переговорах на высоком и высшем межгосударственных уровнях отдельных переводчиков с каждой стороны представляет собой правило не без исключений. Так, в случае, если для одной или обеих сторон государственным является один из так называемых «периферийных»

языков, переговоры могут обслуживаться и одним переводчиком (носителем этого самого языка). Последнее обстоятельство объясняет тот факт, что переводчикам делегаций стран Восточной Европы также приходилось – и приходится по сей день – работать в обоих направлениях как в последовательном режиме на переговорах, так и в синхронном – на пресс-конференциях по итогам международных встреч.

Телеологический аспект

В телеологическом отношении, т. е. с точки зрения *целесообразности*, обоснование преимущества того или иного направления в переводе отталкивается от достаточно размытого концепта воспринимаемого качества транслята. Как показал ряд исследований, ожидания от СП и требования у разных категорий участников коммуникативной ситуации перевода (инсайдеры, т. е. непосредственные реципиенты перевода и отправители исходного сообщения, сам переводчик и его напарник по кабине и аутсайдеры: заказчики / инициаторы перевода, сторонние эксперты / другие коллеги) могут значительно отличаться. Тем не менее независимо от целевой группы, большинство информантов выдвигают на первый план такие параметры качества, как отсутствие опущений и искажений значимой информации, когерентность переводного высказывания, отсутствие морфосинтаксических и стилистических ошибок в языке перевода, тембр голоса, мелодическое оформление речи переводчика и т. д. *А priori*, качественный потенциал СП считается результирующей, как минимум, двух взаимосвязанных факторов: *языковой компетентности* исполнителя на рецептивном (в исходном языке) и продуктивном (в переводящем языке) уровнях и *оптимальной когнитивной нагрузки* в каждый конкретный момент процесса перевода. Считается, что синхронисты, как правило, работают на пределе допустимого когнитивного насыщения, а значит наилучший результат должен дать такой режим работы, который способствовал бы относительной экономии психофизиологических ресурсов переводчика. Именно поэтому «линия фронта», разделяющая сторонников и противников целесообразности профессионального СП на неродной язык, пролегает в двух вышеуказанных областях.

Особенно активно против использования синхронного перевода в режиме *ретур* выступают представители так называемой парижской школы, основательницей которой являлась Д. Селескович. В своих работах она высказывает следующие аргументы:

1) СП сам по себе представляет крайне стрессогенную ситуацию, которую не стоит усложнять дополнительными трудностями контроля над речепорождением на иностранном языке, вместо того, чтобы полностью сконцентрироваться на передаче важной информации

2) при переводе на родной язык многие решения приходят к переводчику интуитивно, а речь его звучит более естественно и легко воспринимается реципиентами перевода;

3) при работе на родной язык переводчику не приходится постоянно тратить время на поиск в долговременной памяти идиоматических конструкций иностранного языка, что лишь увеличивало бы отставание от оратора [Séleskovitch, Lederer 2002, с. 113–114].

Интуитивность переводческих решений при переводе с иностранного языка отмечает и К. Дежан Ле Феаль, настаивая на том, что в родном языке языковое чутье носит не только «креативный», но и «коррективный» характер, который и предопределяет выбор переводчика в пользу наиболее приемлемого с точки зрения узуса переводящего языка варианта [Dejean Le Féal 2000, с. 11]. Вторит им и В. Вильс (V. Wills), имея в виду не только синхронный, но межъязыковой перевод в принципе: «Оптимальным направлением перевода является направление “иностраннный язык – основной язык”. Это объясняется тем, что при билингвизме (а компетенция переводчика является компетенцией билингва) компетенция в сфере основного языка интернализуется в более высокой степени, чем компетенция в сфере второго языка» [Швейцер 1988, с. 25–26]. И наконец, наиболее радикально высказался по поводу перевода на иностранный язык П. Ньюмарк: «Он [переводчик] всякий раз будет попадать впросак не с точки зрения ошибок в грамматике (которую он, вероятно, знает даже лучше, чем многие носители переводящего языка) и не с точки зрения лексики (его словарный запас может быть весьма богатым), но в плане фразеологической сочетаемости, поскольку предложенные в таком переводе коллокации могут оказаться недопустимыми или сомнительными» [Newmark 1981, с. 180]. Резюмируя вышесказанное, можно прийти к заключению, что основной аргумент против профессионального СП на иностранный язык – неизбежное интерферирующее влияние родного языка переводчика на текст перевода.

Сам по себе факт существования в СП межъязыковой интерференции на различных уровнях бесспорен, однако корреляция такого влияния с направлением перевода не так очевидна. Наши наблюдения над образцами СП выступлений мировых политических деятелей на

заседаниях Генеральной ассамблеи ООН показывают, что деструктивная интерференция в переводе может наблюдаться не только в направлении $A \rightarrow B$. В СП самого высокого институционального уровня исходный иностранный язык (B) способен оказать не меньшее интерферирующее влияние на речевую продукцию профессионального переводчика на родном языке (A). Приведем лишь несколько ярких примеров интерферентов при профессиональном СП на русский язык речей Президентов Франции Ф. Олланда и Э. Макрона, выступавших в разные годы на заседаниях Генассамблеи (пунктуация условна):

Фрагмент оригинального выступления на французском языке

...il y a des conflits qui demeurent sans règlement depuis des années.

Je pense ici au Proche-Orient

...pour le monde les choses depuis plusieurs mois *ont bien avancé*

...pour que chacun puisse *faire sa part*

...construire un ordre international fondé sur le droit et *le respect de la parole donnée*

...*notre organisation en est trop souvent réduite à déplorer des violations des droits* qu'elle s'était jurée de garantir. 70 ans après l'adoption par cette assemblée à Paris de la Déclaration des droits de l'homme, *un relativisme* culturel, historique, religieux *conteste aujourd'hui les fondements de leur universalité*

Официальный СП русской языковой кабины ООН

...продолжаются конфликты, которые остаются без урегулирования в течение многих и многих лет. *Я думаю здесь о Ближнем Востоке*

...мы *выдвинулись вперед* в последние месяцы *очень энергично*

...для того чтобы каждый мог *вложить свою лепту*

...построить миропорядок, основанный на праве, *на уважении обещаний*

...*наша организация* слишком часто *вынуждена оплакивать* нарушение прав, которые она обязалась гарантировать. По прошествии 70 лет после принятия этой ассамблеей в Париже декларации этой ассамблеей в Париже декларации прав человека *культурный релятивизм, исторический и религиозный* сегодня *бросает вызов фундаменту их универсальности*

Не вдаваясь в подробный анализ структурных параметров интерференции иностранного языка в приведенных примерах, отметим лишь, что они вполне наглядно иллюстрируют случаи необоснованного калькирования и /или нарушения фразеологической сочетаемости элементов переводного высказывания, которые вряд ли можно отнести на счет

недостаточного владения переводчиком родным языком. Вероятно, подобные сбои являются следствием когнитивной перегрузки и возникают в силу работы в условиях постоянных временных ограничений, свойственных СП, в котором среди прочих доминант присутствует необходимость сохранять оптимальный уровень отставания от оратора, равномерный темп и плавность речи. Результаты эксперимента по двунаправленному переводу в паре английский ↔ польский языки (правда, с участием студентов, обучающихся СП на продвинутом уровне) также опровергают гипотезу «Парижской школы» [Bartłomiejczyk 2009].

Таким образом, практика СП в международных организациях ставит под сомнение тезис о том, что сам по себе факт перевода на язык *A* обеспечивает «естественное» и «легко воспринимаемое» звучание транслята. Тем не менее «Западный» подход прочно утвердился в крупных международных организациях. Так, в ООН из шести постоянно действующих языковых кабин четыре (английская, испанская, русская и французская) осуществляют СП только на язык *A*. Справедливости ради стоит заметить, что, как мы уже писали выше, причины такой практики во многом объясняются прагматическими (каузальными) факторами: ООН, ЮНЕСКО и другие крупные международные организации с ограниченным количеством официальных языков не испытывают ощутимых проблем ни с приемом в штат своих лингвистических служб, ни с привлечением на временную работу в качестве фрилансеров переводчиков, для которых вышеупомянутые языки международного общения являются родными.

Существует, однако, и противоположный взгляд на целесообразность использования перевода в направлении $A \rightarrow B$. Например, Ю. Денисенко, а позднее Й. Томола и М. Хелевэ отстаивают предпочтительность СП с родного языка на иностранный, поскольку в норме понимание исходного сообщения на родном языке максимально, что помогает избежать значимых информационных потерь и неадекватной интерпретации переводчиком входящей информации а, следовательно, способствует более высокому качеству работы в данном направлении [Denissenko 1989; Tommola, Helevä 1998]. Сказанное, разумеется, верно в случаях, когда переводчик владеет иностранным языком в активных видах речевой деятельности (language proficiency) на таком уровне, который позволяет говорить о тексте перевода как лингвистически конгруэнтном.

Данная позиция перекликается с результатами наблюдений над характером распределения когнитивных усилий в синхронном переводе: П. Падилья экспериментально установила, что порядка 80% внимания переводчика концентрируется на слушании и понимании исходного сообщения и лишь 20% – на речепорождении [Padilla 1995]. Важность опоры на экспериментальные данные показывает и недавнее электрофизиологическое исследование (с регистрацией показателей ЭЭГ) двунаправленного СП в комбинации русский ↔ английский, продемонстрировавшее отсутствие значимой корреляции между скоростью насыщения оперативной памяти и направлением перевода [Koshkin et al. 2018]. Любопытно в этом отношении попытка признанного специалиста в области устного перевода Д. Жилья применить к оценке когнитивной оптимальности СП в разных направлениях методы количественного анализа. Используя ранее предложенную им же «модель усилий в СП» (Effort Model) [Gile 1995], исследователь выдвигает предварительную гипотезу о том, что с учетом распределения суммарной когнитивной нагрузки между процессами речепорождения и речевосприятия, перевод на иностранный язык оказывается более «когнитивнозатратным» по сравнению с переводом на родной (88 у.ед. vs 72 у. ед.) [там же, с. 11]. Однако при детальном рассмотрении оказывается, что единственный смысл, который имеют неравенства Д. Жилья, – собственно математический. Во-первых, расчеты основаны на целом ряде допущений (например, умозрительная презумпция, согласно которой, как понимание, так и порождение звучащей речи на родном языке требуют от индивида на 40% меньше усилий по переработке информации, чем на иностранном; или тезис о том, что на любом языке понимание задействует 30% общего объема доступных когнитивных ресурсов, тогда как говорение – 70%, заимствованный из данных опроса sic! практикующих синхронистов). Во-вторых, предложенная формула не позволяет учитывать лингвистические аспекты СП в конкретных языковых парах, а потому обладает сомнительной релевантностью. Справедливости ради, следует отметить: сам Д. Жилья признает, что при смене хотя бы одного из условий неравенства, конечный результат окажется обратным, а в резолютивной части своей статьи подчеркивает, что «предпочтения, которые отдаются тому или иному направлению устного перевода, основаны на традициях, а не на научных данных» [Gile 2005, с. 9].

Возвращаясь к аргументам в пользу целесообразности СП на иностранный язык, стоит обратить внимание и на гипотезу о том, что направление $A \rightarrow B$ может рассматриваться как оптимальное в плане когнитивной нагрузки не только на стадии понимания, но и на этапе перевыражения. Так, Э. Иглесиас Фернандес полагает, что такой перевод более «экономичен» в когнитивном отношении, так как в силу ограниченного репертуара языковых средств в неродном языке переводчик затрачивает меньше усилий на выбор (или точнее перебирание – А. К.) потенциальных эквивалентов, что само по себе оптимизирует процесс СП [Iglesias Fernandez 2005]. В этой связи, примечательно, что в отечественной традиции на мероприятиях, где требуется двунаправленный СП, принято поручать работу на иностранный язык более молодым членам переводческой бригады, а перевод с иностранного языка – более опытным переводчикам. Такая практика, разумеется, не может служить научным аргументом в пользу меньшей объективной трудности перевода в режиме $A \rightarrow B$, по сравнению с переводом на родной язык, однако заметим, что она вряд ли бы укоренилась, если бы показала свою нежизнеспособность. Заметим также, что и противоположная точка зрения носит в целом презумптивный характер: Э. Прунч, например, утверждает, что ему не удалось найти сколько-нибудь значимых объективных подтверждений предпочтительности перевода на родной язык по сравнению с переводом на иностранный. На это же указывает и Н. Покорн, добавляя: «...современные исследования показывают, что направление перевода не является надежным критерием языкового и культурного качества перевода» [Покорн 2016, с. 98].

Дезидеративный аспект

К числу прагматических аспектов вышеозначенной проблемы стоит отнести и *дезидеративный*, связанный с актуальными тенденциями лингвистического рынка и потребностями в том или ином виде и направлении перевода. Как уже отмечалось выше, под влиянием АПС в международных организациях СП в направлении $A \rightarrow B$ для основных европейских языков не использовался. Терпимость проявлялась лишь по отношению к арабскому и китайскому языкам (в ООН арабская и китайская кабинеты осуществляют СП в обоих направлениях) и локальным рынкам перевода. Однако расширение Европейского

Союза в 1990–2000-е гг. и принцип, согласно которому государственные языки всех стран-членов этого объединения являются рабочими в европейских институтах, поставили под вопрос однозначность подобной модели. В конце своей жизни Д. Селескович, главный идеолог борьбы с конференц-переводом на язык *B*, даже признавала неизбежность его постепенного внедрения в институциональную практику [Séleskovitch 1999].

Сегодня в Европарламенте говорят на 24 языках и, несмотря на внушительный собственный штат переводчиков (более 200 чел.) и еще около 2000 привлеченных, организовать СП во всех 552 языковых комбинациях так, чтобы синхронисты работали исключительно на языки *A*, не представляется возможным не только финансово, но и чисто технически. Поэтому для «периферийных» языков ЕС активно применяется СП в режимах *реле* и *ретур*, и в результате, сегодня большая часть языковых кабин СП работают в обоих направлениях [Bartłomiejszyk 2009]. В том, что касается «основных» европейских языков, ситуация не так однозначна. В 2004 г. многолетний преподаватель ESIT и старший переводчик ОЭСР К. Donovan опубликовала результаты опроса на тему СП на язык *B*, в котором участвовали как пользователи перевода (участники 30 различных международных мероприятий, проходивших в Париже), так и сами конференц-переводчики. Результаты эти показательны: пользователи СП не склонны связывать качество перевода с его направлением (и даже иногда с удивлением обнаруживали, что это был СП на иностранный для исполнителя язык), переводчики же, которым приходилось переводить на язык *B*, отмечали значительные трудности, которые вызывали у них необходимость поиска адекватного регистра, перевод шуток и анекдотов, а также подчеркивали чувство неуверенности и дискомфорта [Donovan 2004].

Подобное восприятие ситуации СП становится вполне понятным, если принять во внимание, что в основной массе участники опроса от переводческого сообщества обучались во французских, бельгийских и других школах конференц-перевода, где по-прежнему не готовы признавать объективные запросы европейского рынка. Потребность в СП на язык *B* (особенно на английский) ощущается и во многих азиатских странах [Lim 2005], и с учетом их бурного экономического развития и культурно-исторических традиций, равно как и недостаточного количества профессиональных переводчиков со знанием восточных

языков, которые готовы работать в этих регионах, позиции данного направления СП в мировой практике постоянно укрепляются.

Что касается российского рынка СП, объем которого в абсолютных величинах относительно невелик (по некоторым подсчетам, из \$ 250 млн на долю СП приходится не более 5% [Объем и динамика рынка переводов в России 2018]), он в целом сохранил тенденции, заложенные в советское время, хотя и значительно увеличил количество «человекочасов» СП в год. От переводчика-синхрониста в российских условиях ожидают *языковой поливалентности*, т. е. умения работать в разных направлениях: так проходят не только крупные частные мероприятия, но и ежегодные форумы с государственным участием, такие, как ПМЭФ, заседания дискуссионного клуба «Валдай» и т. п. Полагаем, что с совершенствованием технической базы удаленного конференц-перевода рынок СП в нашей стране будет постепенно расти. Активно развивается и сфера синхронного медиа-перевода: сегодня крупнейшим заказчиком этого без преувеличения сложнейшего вида переводческой деятельности является группа многоязычных телеканалов *RT*, где прямые трансляции важнейших событий общественно-политической жизни РФ сопровождаются СП на английский, французский, испанский, арабский, а иногда и другие языки. В синхронных кабинетах телестудий – в основном, русские переводчики.

Заключение

Как мы показали, в телеологическом отношении проблема СП с родного языка на иностранный, по всей вероятности, не имеет однозначного решения, поскольку к настоящему моменту переводоведение не располагает достаточным количеством эмпирических данных, которые бы позволяли говорить о принципиальных когнитивных преимуществах того или иного направления по сравнению с другим. Мы полагаем, что при достаточном уровне сформированности у переводчика лингвистической компетенции на рабочих языках ключевую роль играют владение техниками и приемами СП, а также адекватность выбранной стратегии перевода. С учетом объективно существующих потребностей в СП на *язык В* на многих зарубежных и, в особенности, на российском рынках, а также принимая во внимание, что способность осуществлять такой перевод существенно увеличивает конкурентные преимущества специалиста, мы считаем целесообразным уделять особое внимание данному направлению перевода при подготовке переводчиков-синхронистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Объем и динамика рынка переводов в России. 2018. [Ob'em i dinamika rynka perevodov v Rossii (2018). (Volume and Dynamics of Translation Market in Russia). (In Russ.)]. URL: www.translationrating.ru/russian-market-size-2018 (дата обращения: 01.07.2020).
- Покорн Н. К. Перевод на иностранный язык в подготовке и профессиональной деятельности переводчиков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 86–99. [Pokorn, N. K. (2016). Translation into a foreign language within in translator training and translation practice. *Bulletin of Saint-Petersburg State University. Seriya 9. Philology. Oriental Studies. Journalism, 4*, 86–99. (In Russ.)].
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shvejcer, A. D. (1988). *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* (Theory of translation: status, problems, and aspects). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- АПС. Working languages. 2012. URL: www.aiic.net/p/4004. (дата обращения: 01.07.2019).
- Bartłomiejczyk M. Simultaneous interpreting from one's native language: The case for Polish // C. Laplace, M. Lederer & D. Gile (Ed.) *La traduction et ses Métiers. Aspects théoriques et pratiques*. Caen: Lettres Modernes Minard, 2009. P. 39–52.
- Dejean Le Féal K. Perfecting Active and Passive Languages // *Conference Interpretation and Translation*. 2000. Vol. 2. P. 7–23.
- Denissenko J. Communicative and interpretative linguistics // *The Theoretical and Practical Aspects of Teaching Conference Interpretation* / eds Gran L., Dodds J., Udine: Campanotto Editore, 1989. P. 155–157.
- Donovan C. European Masters Project Group: Teaching simultaneous interpretation into a B language. Preliminary findings // *Interpreting*. 2004. # 6 (2). P. 205–216.
- Gile D. *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjaming, 1995.
- Gile D. Directionality in Conference Interpreting: a Cognitive view // *Directionality in Interpreting. The 'Retour' or the Native?* Gent: Communication & cognition. 2005. P. 9–26.
- Iglesias Fernandez E. Bidirectionality in Interpreter Training in Spanish Universities: an Empirical Study // *Directionality in Interpreting. The 'Retour' or the Native?* Gent: Communication & cognition. 2005. P. 101–126.
- Lim H.-O. Working into the B Language: The Condoneed Taboo? // *Meta*. 2005. Vol. 50. # 4.
- Newmark P. *Approaches to Translation*. Oxford ; N-Y. ; Toronto ; Sydney ; Frankfurt: Pergamon Press, 1981.

- Koshkin R.* [et al.]. Testing the efforts model of simultaneous interpreting: An ERP study / R.Koshkin, Y.Shtyrov, A. Myachykov, A.Ossadtchi // PLOS ONE, 2018. 13(10). URL: www.journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0206129.ref066 (дата обращения: 01.07.2020).
- Padilla P.* Procesos de atención y memoria en interpretación de lenguas. Doctoral Dissertation. Universidad de Granada, 1995.
- Séleskovitch D.* The Teaching of Conference Interpretation in the Course of the Last 50 Years // *Interpreting*. 1999. Vol. 4. # 1. P. 55–66.
- Séleskovitch D., Lederer M.* Pédagogie raisonnée de l'interprétation. (2e éd. corr. et augm.). Paris: Didier érudition, 2002.
- Tommola J., Helevä M.* Language direction and source text complexity: effects on trainee performance in simultaneous interpreting // *Unity in Diversity?: Current Trends in Translation Studies*. Manchester: St. Jerome, 1998. P. 177–186.

УДК 82.0

10.52070/2542-2197_2021_2_844_218

А. П. Бондарев

доктор филологических наук
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
literatura_mglu@mail.ru

НЕ ДАТЬ СОБЫТИЮ СБЫТЬСЯ, ИЛИ СИНДРОМ НЕПРОЖИТОЙ ЖИЗНИ

В статье классифицируется этиология архетипов, обеспечивавших аподиктичность мифологических, легендарных и исторических героев и сюжетов классической литературы. Их иерархия отражает этапы развития правового европейского сознания от доморальных, моральных и имморальных эпох (Ницше) к ответственному выбору самосознающей воли.

Филяция культурных традиций направляется поисками когнитивным сознанием способов разрешения конфликта между «принуждением чувства» и «принуждением разума» (Шиллер). Аподиктичность архетипов эволюционировала от мифологического Сатурна – времени, пожирающего своих детей, – через Прометея, Кентавра, Сфинкса, Эдипа, Ореста, Одиссея и Беовульфа до «благородных разбойников», подобных Карлу Моору Шиллера и Родиону Раскольникову Достоевского, эмоционально настроенных на революционное преобразование общества. Наша эпоха, учитывающая их обогативший мировую культуру опыт, призывает дать сбыться в ответственном поступке архетипическому подвигу личностного становления.

Ключевые слова: проблема человека; принуждение чувства; принуждение разума; гротеск; выбор; архетип становления.

A. P. Bondarev

Doctor of Philology (Dr. habil)
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
literatura_mglu@mail.ru

DO NOT LET THE EVENT COME TRUE, OR THE SYNDROME OF AN UNLIVED LIFE

The article classifies the etiology of archetypes that ensured the apodictism of mythological, legendary and historical heroes and plots of classical literature. Their hierarchy reflects the stages of development of legal European consciousness from premoral, moral and immoral eras (Nietzsche) to the responsible choice of self-conscious will.

The filiation of cultural traditions is directed by the search for cognitive consciousness of ways to resolve the conflict between “compulsion of feeling” and “compulsion of reason” (Schiller). The apodicticity of archetypes evolved from the mythological Saturn – the time devouring its children – through Prometheus, Centaur, Sphinx, Oedipus, Orestes, Odysseus and Beowulf to “noble robbers” like Karl Moor Schiller and Rodion Raskolnikov Dostoevsky, emotionally inclined towards the revolutionary transformation of society. Our era, taking into account their experience that has enriched world culture, calls for the archetypal feat of personal development to come true in a responsible act.

Key words: human problem; compulsion of feelings; compulsion of reason; grotesque; choice; archetype of becoming.

Диагноз

В работе «Экзистенциальная психотерапия» Ирвин Ялом констатировал рост диагнозов «непрожитой жизни», которые психоанализ ставит пожилым людям [Ялом 1999, с. 255]. А между тем их преклонный возраст уже сам по себе мог бы служить свидетельством благополучно сложившейся судьбы. Причину их долголетия экзистенциализм усматривает в том, что, руководствуясь «правильно понятым интересом», они не принимали непродуманных решений и избегали роковых ошибок. На протяжении всей жизни они успешно применяли навыки социальной адаптации, которые, однако, препятствовали вычленению из потока набегавших событий адресованный именно им экзистенциальный проект.

Жизнь архаичного человека – дикаря, претерпевавшего навязываемый ему инстинктами способ существования, не ставила его перед необходимостью самоидентификации: его физическое присутствие в бытии было тождественно его сущности. Новое время предлагает борющемуся за самообретение безосновному человеку выбор ответственной позиции с учетом наработанных мировой культурой вариантов разрешения социально-психологических проблем. Полноценную

жизнь проживает тот, кто, осознав драматизм «условий своего существования», (Паскаль), «дорастает до соучастия в рамках своей ситуации» (Ясперс).

Архетип и классическое наследие

Сохраняющиеся в истории мировой культуры литературные произведения суть архетипичны. В сфере искусства понятие архетипа синонимично понятию «классическое наследие»: «Классическое есть то, что сохраняется потому, что само себя означает и само себя истолковывает <...> что <...> обращается к современности так, как будто говорит специально для нее», – разъясняет Ханс Георг Гадамер один из фундаментальных постулатов философской герменевтики [Гадамер 1988, с. 343–344]. Идентификация читателя с типическим героем, действующим в типических обстоятельствах, обеспечивает связь настоящего с прошлым, поддерживает непрерывность литературной традиции.

Рефлексия «мыслящего тростника» над фактом конечности своего существования вовлекает его в историю вопроса о смысле и назначении человеческой жизни. «Вообразите себе множество людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах у остальных, и те понимают, что им уготована та же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и безнадежности, и ждут своей очереди. Это и есть картина человеческого существования», – аллегоризирует Блез Паскаль свое понимание проблемы человека XVII в. [Паскаль 1974, с. 150].

Перспектива самообретения в культуре обреченного рождению и смерти индивида завораживает как «неизвестная цель». Она интуитивно предвосхищается, концептуально осмысливается и духовно переживается теми, кому суждено воплотить в архетипическом поступке судьбу своего поколения. В труде самопознания Его покидает царство природных инстинктов и вступает в мир социально-психологических конфликтов. Андре Мальро противопоставил хайдеггеровскому «бытию к смерти», завершающему природный цикл индивидуального существования, ответственное «бытие против смерти», открывающее перспективу личностного роста.

Принуждение чувства

Культура развивается в поисках разрешения конфликта между «принуждением чувства» и «принуждением разума». «Когда мы

страстно любим кого-либо, кто заслуживает нашего презрения, мы болезненно ощущаем оковы природы, – разъясняет Ф. Шиллер принципы своей эстетической педагогики. – Когда мы ненавидим кого-либо, кто заслуживает нашего уважения, тогда мы болезненно ощущаем оковы разума. Но когда он одновременно владеет и нашей склонностью и приобрел наше уважение, тогда исчезает принуждение чувства и принуждение разума, и мы начинаем его любить, то есть играть одновременно и нашей склонностью, и нашим уважением» [Шиллер 1935, с. 241].

Идеальный шиллеровский некто, «овладевший и нашей склонностью, и нашим уважением», счастливо воплощает калокагатию – прекрасно доброго человека. Изнуряющий невротический конфликт сменяется артистической «игрой» склонности и уважения, стратегия которой познавательно обогащает доселе враждовавшие психические функции.

Умозрительному проекту прекраснодушной идиллии, к которой веками методом проб и ошибок приближалась ищущая мысль, предшествовали тысячелетия тирании «оков природы». Субстанциальное содержание этих вечно воспроизводящих самих себя эонов персонифицировал Кронос (Сатурн) – время, пожирающее своих детей – архаичное божество древнегреческого пантеона. Пребывая во власти угрюмого инстинкта самосохранения, он слепо противился закону смены поколений.

Рефлексия над замкнутой биологической цикличностью «мифа о вечном возвращении» побудила М. М. Бахтина скорректировать созданную им концепцию смеховой карнавальной культуры. В тезисных заметках «Добавления и изменения к Рабле» он констатировал трагическую серьезность «надюрического преступления», совершаемого стихийно самоутверждающейся жизнью: «Продление жизни (сверх положенного ей предела) и увековечение ее возможно лишь ценою убийства (в пределе – убийства сына, убийства детей, мотив избияния младенцев); амбивалентное дополнение к отцеубийству. Проблема замещения-смены (смерть отца, наследство)» [Бахтин 1996, с. 85].

Неологизм М. М. Бахтина характеризует охваченную витальным порывом индивидуальную жизнь, противящуюся закону вечного обновления. В специфической области «природной юрисдикции» не только инстинктивно уподобляющиеся Кроносу родители отказываются мириться с законом смены поколений, но и их дети, переживая своих родителей, поневоле становятся соучастниками преступного

времени. О драматизме этого обоюдоострого конфликта повествует рассказ Максима Горького «Нунча» из цикла «Сказки об Италии».

Нунча, молодая торговка овощами, яркая красавица, неутомимая танцовщица, восхищавшая всех жизнелюбивым нравом и неиссякаемым весельем, неожиданно натолкнулась на вызов со стороны своей незаметно повзрослевшей и на удивление расцветшей дочери Нины: «Мама, ты слишком заслоняешь меня от людей, а ведь я уже не маленькая и хочу взять от жизни свое! Ты жила много и весело, – не пришло ли и для меня время жить?» – с наивной жестокостью юности заявила Нина.

Как мать Нунча гордилась достоинствами Нины, но как женщина инстинктивно воспротивилась вытесняющей ее из жизни молодой девичьей красоте. И вызвала дочь на поединок: «Мы пробежим с тобою отсюда до фонтана трижды туда и обратно, не отдыхая, конечно...».

Нунча выиграла забег и долго еще на радостях, до самой темноты, отплясывала огненную тарантеллу, празднуя победу над юностью. Но вдруг, «коротко вскрикнув и всплеснув руками», рухнула наземь, «как подкошенная», и умерла от разрыва сердца.

Деструктивизм природных инстинктов инициирует защитную работу сознания, устанавливающую логическую преемственность исторических форм стихийного самоутверждения. Выходя за пределы мифологической этиологии, аналитическое сознание дифференцирует поведенческие мотивы на подьюридические, юридические и надьюридические.

Подьюридически преступным был «доморальный», по терминологии Ф. Ницше, период человеческой истории, «когда достоинство или негодность поступка выводились из его следствий: поступок сам по себе так же мало принимался во внимание, как и его происхождение» [Ницше 1990, с. 266]. «Сам по себе» инстинктивный поступок совершался в состоянии аффекта, гасившего проблески самосознающей воли. Яростные распри между дикарями мало чем отличались от схваток хищных зверей.

Согласно психокультурологическим интуициям З. Фрейда время господства доморальной этики приходилось на эпоху «патриархальной орды», когда отец уничтожал сыновей, не желая уступать им свою лидирующую роль самца. Когда же после отцеубийства патриархальную орду сменил «братский клан», в драматический мир человеческой

истории вошли тотемы и табу, а вместе с ними – мораль, этика и правовое сознание. Убившие отца братья расплатились за свое преступление угрызениями совести, психологически подготовившими миф об Эдипе. «Место патриархальной орды, – обосновывает свою культурологическую гипотезу З. Фрейд, – занимает братский клан, обеспечивший себя кровной связью. Общество покоится теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия – на сознании вины и раскаяния, нравственность – отчасти на потребностях этого общества, отчасти на раскаянии, которого требует сознание вины» [Фрейд 1991, с. 335].

Таков архетипический смысл библейского эпизода избиения братьями Иосифа, в котором любимец Иакова символически замещал собою отца. В романе «Иосиф и его братья» Т. Манн психологически достоверно воссоздал легенду о «божественном претворении зла в добро». Итоги мучительных размышлений Иосифа над причиной животной ненависти к нему братьев заставили его отказаться от инфантильного завышения самооценки, которым он грешил на правах отцовского любимчика. Автор тетралогии воспользовался для исторической экспликации библейской легенды об Иосифе-кормильце «всеми средствами, которыми она располагает, – начиная с арсенала идей и кончая техническими приемами повествования» [Манн 1960, с. 172].

«Претворение зла в добро» стало возможным в результате выработанного восприимчивым Иосифом навыка вникать в поучительный смысл посылаемых ему жизнью испытаний. Брошенный братьями в высохший колодец и проведя в нем трое суток, он радикально пересмотрел свое отношение к миру и мира к себе и перешел на более ответственный уровень межличностных отношений. Проницательно выявляя этиологию набегавших на него событий, он неуклонно рос как личность, что позволило ему, поднимаясь по ступеням социальной лестницы, дослужиться до главного хозяйственного управителя могущественного по тем временам египетского государства и спасти свой род от голодной смерти.

Вынужденный труд интроспекции, выявляя умножающиеся социально-психологические мотивы внутриродовых конфликтов, систематически усложнял проблему человека. Историческая трансформация «патриархальной орды» в «братский клан» порождала социальную конкуренцию, подчинявшую животную волю к жизни политической «воле к власти».

Присутствие Кроноса в «правовом поле» природного мира заставляло его совершать «подъюрисические» преступления. В то же время его упорное стремление воспрепятствовать восхождению Зевса на Олимп подлежит квалификации как «юридическое» преступление. Пробуждающееся историческое сознание Реи побудило ее выступить проводником мифологического промысла. Подсунув недалекому супругу вместо новорожденного спелёнутый камень, она способствовала воцарению более «цивилизованного» Зевса, власть которого основывалась уже не на возрастном преимуществе физической силы отца, а на политической власти верховного правителя олимпа.

«Абсолютный хаос как общее пра-зерно богов и людей есть ночь, тьма, – интерпретирует Ф. В. Й. Шеллинг проектную цель мифологической эзотерики. <...> Целый мир неоформленных и чудовищных образов должен исчезнуть, прежде чем сможет возникнуть светлое царство блаженных и неизменных богов» [Шеллинг 1966, с. 94].

Возможность «возникновения светлого царства блаженных и неизменных богов» – умозрительный конструкт «трансцендентального эволюционизма» Шеллинга, которому он отдал романтическую дань в духе своего времени. Согласно создателю «философии тождества» «идеи в философии и боги в искусстве – одно и то же...» [там же, с. 100]. Углублявшиеся конфликты между олимпийцами, отражавшие борьбу идей, равно как и борьба идей, проявлявшаяся в распрях между богами, привели со временем к распадению тождества идей и богов, что обусловило кризис древнегреческой мифологии. Одержимый дьявольским ожесточением Сатурн Франсиско Гойи, изображенный на росписи в «Доме глухого», опровергает представления романтического либерализма об эволюционном «смягчении нравов»: он выглядит кровожаднее Сатурна на полотне Питера Пауля Рубенса.

В диалоге Платона «Законы, или О законодательстве» Клиний констатирует, что «все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый – с самим собой» [Платон 2013, с. 1037]. На пороге Нового времени Томас Гоббс располагал более широким спектром данных, позволивших ему охарактеризовать социально-политическую конкуренцию как «Войну всех против всех» («Bellum omnium contra omnes»).

В трактате «Дух законов» Монтескье показал, что власть зиждется на собственности. Соперничество кланов, социальных групп,

политических партий и государств подрывало родовую «мифологию тождества» – святость семейных уз. Этого не осознавал патриархально наивный король Лир. Раздав дочерям в приданое свои земли, он лишился владений, а вместе с ними – и власти. В результате лицемерная «театральная свита» в лице Реганы и Гонерильи «разлюбила отца», перестала «играть короля», изгнала его в лютую непогоду под открытое небо, свела с ума, морально и физически уничтожила. Злые дочери совершили по отношению к отцу юридическое преступление, корыстная мотивация которого обусловила их бесчеловечную жестокость. Клавдий и Макбет, устранявшие легитимных монархов с намерением унаследовать их властные полномочия, также совершали юридические преступления.

Если стремление продлевать свое физическое присутствие в мире толкает на совершение подъяурического преступления, жажда социального реванша провоцирует юридическое преступление против общественных установлений. Эту трагическую диалектику воспроизвел сюжет «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина. Страстная привязанность барона к шести наполненным драгоценностями сундукам – символам меновой стоимости – инициировала взрыв социального эгоизма Альберта, внутренне готового на отцеубийство в расчете на «досрочное» вступление в права наследника. Подъяурическое преступление отца против законов природы спровоцировало юридическое преступление сына против законов общества. Реакция потрясенного герцога на совершенное Альбертом словесное отцеубийство констатировала взаимообусловленность природного и социального преступлений: «Ужасный век, ужасные сердца!» «Дух конкуренции», освящаемый «Духом законов», рождает двойное преступление сына, как против жизни престарелого отца, так и против охраняющего имущественное неравенство общественного строя.

Складываются исторические условия для эстетизации «благородного разбоя» – штурмерского бунта против феодальных привилегий, попирающих «свободу воли» во всех областях жизни: «Это мне-то сдавить свое тело шнуровкой, а волю зашнуровать законами? Закон заставляет ползти улиткой и того, кто мог бы взлететь орлом! – провозглашает Карл Моор, герой драмы Шиллера «Разбойники». – Поставьте меня во главе войска таких же молодцов, как я, и Германия станет республикой, перед которой и Рим, и Спарта покажутся женскими монастырями».

И политический одиночка, радикальный философ Родион Раскольников воодушевлялся перспективой подорвать идею охранительного правосудия, стоящего на страже социальной несправедливости. Однако сужавший его мировоззренческий кругозор персонализм не позволял ему осознать, что общественное движение наполеоновского размаха нуждалось в широкой социальной базе – «революционной ситуации», при которой низы больше не хотят жить как прежде, а верхи уже не могут управлять как прежде. Поэтому убийство Родионом Романовичем старухи процентщицы и ее слабоумной сестры было расценено судом присяжных как банальное уголовное преступление, обрекшее «благородного разбойника» – отечественную разновидность сервантовского Рока Гипарта – на отбывание срока на каторге. Да и в буржуазном обществе, которому, по логике смены общественно-экономических формаций, предстояло разрушить феодализм, Раскольникову не нашлось бы места, способного удовлетворить амбициозные притязания его идеального «Я».

Принуждение разума

В работе «Травма рождения и ее значение для психоанализа» Отто Ранк расширил фрейдистское истолкование комплекса Эдипа как невротического переживания запрета на инцест. Перспектива «снятия» амбивалентного состояния неопределенности – потребности возвратиться в «рай» пренатального существования и страхом вновь пережить физические и душевные муки выхода из материнского лона в непостижимо враждебный мир – побуждает Его удаляться от матери по пути самоидентификации в культуре. «Это в нарастающем порыве вновь и вновь подталкивается этим страхом вперед, однако, вместо того, чтобы искать рай в прошлом, ищет его в мире, оформленном по материнскому подобию, и, поскольку это не удастся, прибегает к грандиозным компенсациям, предлагаемым религией, искусством и философией» [Ранк 2009, с. 174].

Психоаналитика интерпретирует библейский миф о грехопадении как изгнание из внутритробного рая доморальной этики в постнатальный ад социальной истории. Лишь гностическое познание зла открывает перспективу освобождения от амбивалентности эдипова комплекса в мире, принципы которого будут определяться уже законами не органической, а социокультурной регуляции – творческим трудом в истории.

Миф об Оресте, отразивший экзистенциальный проект выхода человечества за пределы циклического мифа о вечном возвращении и вступления на исторический путь развития, звучит ответом пробуждающейся самости, автономное становление которой обещает катарсическое разрешение инцестуозной драмы Эдипа. Спонтанному личностному росту предстояло развеять колдовские чары материнского лона, вывести Его из-под гнета отцовского права и создать условия для самоактуализации.

Следование заветам «благородного разума» (Данте) достойнее попустительства «оргонным» (В. Райх) порывам. «Многомудрие» возвращающегося на родину Одиссея – отца, мужа и государя – значимо противопоставляется Гомером Парису и Елене, любовная безответственность которых, бросив вызов семейной, общественной и государственной морали, спровоцировала Троянскую войну.

Каждый эпизод рассказа «потерпевшего кораблекрушение» Одиссея конституируется в культурный архетип противодействия дионисийству. «Велемудрый» герой поэмы, хотя и не без содействия Афины, все же находит в себе мужество разорвать узы семилетнего любовного плена у олицетворяющей гражданскую смерть «покрывательницы» – нимфы Calypso.

Он преодолевает забвение, которым в стране Лотофагов его искушает психоделический лотос, трансформирующий эйфорию в аутизм.

Проявляет находчивость, опаивая и ослепляя Полифема.

Благодаря подсказанному Гермесом чудодейственному растению не поддается наваждению чувственности, которой Кирка одурманивает его спутников.

Мужественно нисходит в царство мертвых – «абсолютное эпическое прошлое», – чтобы, выслушав пророчества ясновидца Тиресия, проникнуться эзотерическим смыслом грядущего.

Предусмотрительно не поддается волшебному пению Сирен – завораживающему воздействию музыки – непосредственной манифестации «слепой воли» (Шопенгауэр).

Избегает две западни, улавливающие морских путешественников: уклоняется от опасности разбиться о Сциллу и сгинуть в пучине Харибды. Сцилла подстерегает одержимо рвущихся к цели экстравертов, Харибда – медлительных интровертов.

Обостренный христианским дуализмом страх перед унижающей дух телесностью призывает усмирить преступное буйство жизни.

Таков архетипический смысл альтруистических подвигов Беовульфа, уничтожившего в рукопашной схватке архетипические символы яростной телесности – каннибализм Гренделя, злобу его матери, «водяной ведьмы», и огнедышащего дракона.

Принуждение духа

Нравственное неприятие подъяюрдического (природного), юридического (социального) и надъяюрдического (революционного) преступлений иступленно самоутверждающейся жизни вырабатывает защитный контрапункт – охранительное платоновско-пифагорейское учение о мировой гармонии. Ее «мягкая сила» иносказательно приглашает «несчастное сознание» (Гегель) принять «первичную природу» платоновских идей как изначальную данность и обесценить в интеллигибельном акте «подвешивания» (Ж. Делёз) существующий по ньютоновским законам вторичный мир аристотелевских вещей.

Аллегоризм средневекового искусства – визионерский ответ мира идей на законодательные претензии иллюзорного мира вещей. Анагогический сверхсмысл указывает блуждающему в лабиринте рассудочных заблуждений буквальному смыслу на его познавательную ограниченность.

Вектор сакральной истории намечает путь к спасению – возвышению случайности индивидуальной жизни до аподиктичности родовой судьбы. На него вступила чуткая Фамарь – идейно значимое действующее лицо библейской легенды и тетралогии Т. Манна. Историческая интуиция подсказала ей, что духовными усилиями Авраама и Иакова создается новая мировая религия, и она захотела приобщиться к ней в границах отпущенных ей природных возможностей.

Христианство, подготовленное сакральной историей Ветхого Завета, сформулировало этику резиньяции – непротivления злу насилием – как революционный способ преодоления конфликта между природным витализмом и социальным дарвинизмом. Квиетизм Нагорной проповеди призывал к отказу от слепой мстительности: «Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...». (Мф. 5: 38–39). На смену героям гомеровского эпоса и позднегреческого любовного романа приходят духовные подвижники клерикальной литературы – монахи, схимники, столпники, отшельники, флагелланты, укрощавшие преступную волю плетьюми,

цепями, веригами, власяницами, молитвенными бдениями и суровыми постами.

«Кантилена о святой Евлалии» (конец IX в.) – древнейший памятник французской литературы – прославляет подвиг отречения от тела во имя воскресения в духе.

Завоеванное страданиями понимание ценностной несоизмеримости горнего и дольного помогает герою миракля Рютбефа «Чудо о Теофиле» отречься от дьявола, согласившегося в обмен на душу оказать ему помощь в борьбе за социальную реабилитацию. В смятенном воображении несправедливо отстраненного от должности церковного управителя звучат, перебивая друг друга, доводы оскорбленного самолюбия, униженного честолюбия, тварного отчаяния, мстительного порыва, ужаса перед неотвратимостью адского возмездия, чтобы смениться молитвенным упованием на непостижимое для земной логики чудо божьего милосердия.

Агиографический пафос романов Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих» и Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» заряжается энергией духовного возвышения над антиномией рыцарского альтруизма и миннезингеровской куртуазии.

Гротескные векторы истории

Гротескный образ воссоздает взаимосвязь двух векторов антропогенеза: эволюционного и инволюционного. Человеческий торс Кентавра призывает к дальнейшему личностному росту. Примостившийся на его крупе лукавый Амур искушает регрессом в инстинктивный мир природы. «Биогенетический закон Геккеля-Мюллера» подтверждает филогенетическую закономерность «метаморфоз» (Овидий) животных и человеческих форм.

Аполлоническая культура интерпретирует подвиг Прометея как дарованную человеку возможность укрыться от смертоносной жестокости природы в лоне цивилизации. Дионисийская культура, напротив, воспринимает ниспосланные Зевсом на Прометея страдания как справедливое возмездие тому, кто в нарушение закона естественного отбора наделил человека привилегией перед другими особями и в перспективе обрек на рабство у машинного производства.

Корреляция архетипических мифов об Оресте и Эдипе отразила гротескное положение человечества между эстетикой матриархата и этикой патриархата. Эдип и Орест – вечные спутники

и идеологические оппоненты, обрекающие изживающего конфликт морального индивида на выбор между метафизическими убийствами отца и матери. «Преступление, – размышляет М. Бахтин над трагической диалектикой природно-социальной борьбы за существование, – заложено в самую сущность самоутверждающейся жизни и, живя, нельзя не запутаться в нем» [Бахтин 1996, с. 89]. Нельзя не запутаться в диалектике борьбы Ореста с Эдипом и Эдипа с Орестом – за социальное самоутверждение, завоевываемое ценой онтологического саморазрушения, и борьбы за онтологическое самоутверждение, обретаемое ценой социальной деградации.

Согласно И. Канту, человеческую волю «можно мыслить, с одной стороны, как необходимо сообразующуюся с законом природы и постольку не свободную, с другой же стороны, как принадлежащую вещи в себе, стало быть, не подчиненную закону природы и потому как свободную» [Кант 1994, с. 23]. Парадоксальная этика Канта освобождает *homo sapiens* от власти законов природы и в то же время порабощает нормативностью категорического императива. В сфере эстетики этический дуализм принимает гротескные формы: «нравственный закон» освобождает от «принуждений чувства», а закон органической регуляции – от «принуждений разума».

«Нет такого зла, которое не порождало бы добро», – разъясняет феноменологию «Теодицеи» Лейбница ангел Иезрад, парадоксальный персонаж философской повести Вольтера «Задиг, или Судьба». Действительно, историческая перспектива мифа об Эдипе-отцеубийце трансформирует женщину в Сфинкса – «злую мать». Отталкивая от себя сына, она вынуждает его к самостоятельному взрослению – эмансипации от продлевающей его инфантилизм опеки. В свою очередь, историческая перспектива мифа об Оресте-матереубийце трансформирует Эриний, хтонических богинь мести, в Эвменид – «благочеславящих блюстительниц правды» (Гераклит), покровительниц не матриархальной, а патриархальной законности.

Эдипизация Луция разрешается в романе Апулея «Золотой осел» пробуждением нравственного чувства, возвратившего героя в мир людей. Настрадавшись в теле осла, Луций вымолил у богини Иисды разрешение вернуть себе *социальный статус*.

Если искупительные страдания позволили Луцию трансформировать «слепую» ослиную природу в «зрячую» человеческую судьбу, вступивший во владение волшебным талисманом Рафаэль де

Валантен, герой романа Бальзака «Шагреновая кожа», грезит остановиться «прекрасное мгновение» гармонизации анимы и анимуса – материнского и отцовского начал своей психики: «Мне нужно заключить все наслаждения земли и неба в одно последнее объятие, а затем умереть».

Эпоха формирования национальных государств обмирщает религиозное сознание, провоцирующее догматизм католиков и гугенотов на идеологическое оправдание братоубийственных гражданских войн. Агриппа д'Обинье клеймит в «Трагической поэме» католическую лигу Екатерины Медичи, повинной в кровавой трагедии Варфоломеевской ночи. Нависшая над французской государственностью опасность самоуничтожения побуждает поэта-гугенота противопоставить любовной лирике петраркизма одические формы гражданской поэзии:

Я также праздностью губил немало дней.
Наш век – другой, теперь мы ждем иного стиля,
Нам – горькие плоды, мы лишь от них вкусили.

Пер. В. Парнаха

Поэзия д'Обинье подготавливает нормативную поэтику классицизма, поверявшего эмоциональную компульсивность рационалистической аналитикой. В отличие от Калимако, героя любовной итальянской комедии Никколо Макиавелли «Мандрагора», действовавшего по принуждению чувства, герой героической трагедии французского классицизма Пьера Корнеля «Сид» руководствуется требованием морального долга. Конфликт трагедии зафиксировал момент перехода от Возрождения к классицизму. Дон Родриго ответственно решается на подвиг самоотречения, отдавая себе отчет в том, что победа над доном Гомецом сделает невозможным его брак с Хименой.

На рубеже XVII–XVIII вв. во Франции завязывается и распространяется на Европу «спор о древних и новых». В ходе многолетней полемики архаистов с новаторами прояснялось фундаментальное противоречие европейской культуры Нового времени между гармоничным природным человеком, воссозданным каноническим «Дорифором» Поликлета, и придворным, усмирненным дворцовым этикетом абсолютизма.

Корреляция эволюционного и инволюционного проектов истории порождает гротескную метафору, которую постмодернизм назовет интертекстуальностью. Просвещение сблизило до синхронизации эволюционный роман Д. Дефо о Робинзоне Крузо (1719) и инволюционный роман о Д. Свифта о Гулливере (1726). Робинзон цивилизует естественного дикаря Пятницу. Живущие по естественным законам природы Гуингнмы используют деградировавших иеху как тягловых животных.

Самостоятельное значение фабулы просветительской трагедии Вольтера «Магомет», возвысившись над тенденциозностью авторского антиклерикализма, выявило амбивалентность двойного преступления Сеида: исполняя приказ Магомета убить своего отца Зопира, Сеид преступно подавил испытываемую к шерифу Мекки естественную сыновнюю симпатию. Сковав себя «предрассудком» религиозного долга, он решился на отцеубийство вопреки «зову человечности».

Сентиментальная реабилитация природы утверждается в полемике с бесчеловечными требованиями цивилизации. Молниям, бурям, наводнениям, землетрясениям, извержениям вулканов, вызываемых гневом Зевса, Посейдона и Плутона, она противопоставляет пастушескую идиллию буколического бога Пана.

Романизированный педагогический трактат Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» отвергает теорию «искусственных страстей» аббата Дюбоса, сознательное культивирование которых облегчает социальную адаптацию, во имя «страсти к добродетели», освобождающей «естественное чувство» от антиномической безысходности частного и общественного интереса.

Устранение этического

Обобществление труда приводит к вырождению естественного чувства в инстинкт самосохранения, а народа – в массу. Иван Карамазов, идеологический герой романа Ф. М. Достоевского, объясняет причину понижения духовного уровня европейского человечества страхом перед императивом самообретения: «Спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора», – констатирует испанский инквизитор XV в.

Философский витализм Ф. Ницше прозвучал полемической реакцией на «выведение из хищного зверя домашнего животного» – морального человека цивилизации. В книге «По ту сторону добра

и зла. Прелюдия к философии будущего» он с непреклонной последовательностью оппонировал этике, в первую очередь религиозной, трактуемой как «мечь» слабого, больного и униженного интеллектуала «белокурой бестии», наслаждающейся аристократической силой своего животного здоровья. «Сила моральных предрассудков, – негодует Ницше, – глубоко внедрилась в умственный мир человека, где, казалось бы, должны царить холод и свобода от гипотез, – и, само собой разумеется, она действует вредоносно, тормозит, ослепляет, искажает» [Ницше 1990, с. 258].

Известна роковая роль ницшеанства в формировании идеологии фашизма, развязавшего самую смертоносную войну в истории человечества. В романе Т. Манна «Доктор Фаустус» незванный гость Адриана Леверкюна, удовлетворяя любопытство тангейзера XX в, сообщает о «прогрессивных усовершенствованиях», которыми ад отреагировал на отказ людей культуры служить познавательному, воспитательному и эстетическому назначению искусства. Узниками ада становятся теоретики модернизма, «спекулировавшие, – по витиеватому выражению черта, – на спекулятивных размышлениях», то есть обескровливавшие холодной рефлексией теплоту чувств, пробуждаемую классическими произведениями пластического, живописного, музыкального и словесного искусства: «Ну, а теперь я тебе скажу, – откровенничает посланец преисподней, – что как раз такие умы, как ты, и составляют население ада. Не так-то легко угодить в ад; там давно не хватило бы места, если бы пускали туда всякого встречного поперечного».

Поскольку адское наказание мыслится как мазохистски направленное на самого грешника преступление, совершавшееся им по отношению к другим, то расплатой за садистское разрушение модернистами классической триады истины, добра и красоты становится «прекращение всякого милосердия, всякой жалости, всякой снисходительности, всякого подобия уважения к недоверчивому заклинанию: “Вы не можете, не можете так поступить с душой”. Увы, так поступают, так делают, не давая отчета слову, в глубоком, звуконепроницаемом, скрытом от божьего слуха погребении – в вечности».

В эссе «Роман одного романа», воссоздавшем творческую историю работы над «Доктором Фаустусом», Т. Манн отметил, что образы описанного чертом ада были навеяны ему «внутренними переживаниями» ужасов «гестаповских застенков».

«Здравый смысл» – столбовая дорога к ничтожеству

Данте ославил «ничтожными» тех, кто в борьбе за продление своего филистерства уклонялся от архетипических событий, способных наделить сущностью их существование. Назначив им место у врат ада, «последний поэт Средневековья» устами Вергилия разъяснил смысл такой формы наказания:

Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина.

Пер. М. Лозинского

Благополучно адаптировавшиеся к изменчивым обстоятельствам «ничтожные» провели жизнь в максимальном удалении от архетипов исторического долженствования.

Из романа Т. Манна явствует, что цивилизованные обыватели XX в. не интересны ни аду, ни раю. Для ада они недостаточно изощрены в «спекулятивных размышлениях». Для рая – чересчур заворожены миражем благополучия, в служении которому зарабатывают диагноз непрожитой жизни. Александр Блок глубоко прочувствовал безысходность добровольного пожизненного рабства у инстинкта самосохранения:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Сенильная тоска по непрожитой жизни – симптом запоздалого осознания иллюзорности благополучия, добываемого «благоразумным» уклонением от суровых требований нравственного долженствования. Даже «пиковому переживанию» (Маслоу) не дано заполнить своим мимолетным торжеством смысловое пространство всей человеческой жизни. «Легко освободиться – трудно оставаться свободным», – констатировал герой-рассказчик романа Андре Жида «Имморалист».

Коллективное бессознательное современного человека хранит в своей «наследственной памяти» (Пруст) архетипические деяния Сатурна, Зевса, Кентавра, Прометея, Одиссея, Эдипа, Ореста, Беовульфа, Сида, Лира, Макбета, Клавдия, Гамлета, Фауста, Дон Жуана, Адриана Леверкюна, Ивана Карамазова и других мифологических, эпических, легендарных и исторических героев мировой литературы. Все они претворяли набегавшие на них события в архетипические – до конца реализовывали отпущенные им когнитивные возможности. Наша современность призывает нас, учитывая обретенный мировой культурой опыт, отреагировать на очередной вызов истории – воплотить в ответственном поступке и отразить в искусстве подвиг становления личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бахтин М. М.* Дополнения и изменения к «Рабле». Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. [Bakhtin, M. M. (1996). Dopolneniya i izmeneniya k «Rable». Sobr. soch. (Additions and changes to “Rabelais”). In vols 7. Moscow: RUSSKIYE SLOVARI. Vol. 5. (In Russ.)].
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики : пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, H.-G. (1988). Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneyvtiki (Truth and Method. Foundations of philosophical hermeneutics). Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Кант И.* Критика чистого разума. Предисловие ко второму изданию : пер. с нем. М.: Мысль, 1994. [Kant, I. (1994). Kritika chistogo razuma. Predisloviye ko vtoromu izdaniyu. (Critique of Pure Reason. Preface to the second edition). Moscow: Mysl'. (In Russ.)].
- Манн Т.* Иосиф и его братья. Доклад. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10 : пер. с нем. М.: Художественная литература, 1960. [Mann, T. (1960). Iosif i yego brat'ya. Doklad. (Joseph and his brothers. Report). In 10 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 10. (In Russ.)].
- Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. Соч.: в 2 т. Т. 2 : пер. с нем. М.: Мысль, 1990. [Nietzsche, F. (1990). Po tu storonu dobra i zla. Preludiya k filosofii budushchego (Beyond Good and Evil. Prelude to the philosophy of the future). In 2 vols. Moscow: Mysl'. Vol. 2. (In Russ.)].
- Паскаль Блез.* Мысли / Ларошфуко: Максимумы. Паскаль: Мысли. Ш. де Лабрюйер: Характеры : пер. с фр. М.: Художественная литература, 1974. [Pascal, B. (1974). Mysli (Thoughts). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)].
- Платон.* Законы, или О законодательстве / пер. с др. греч. Полн. собр. соч.: в 1 т. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013. [Platon. (2013). Zakony, ili O zakonodatel'stve.

- Poln. sobr. soch. v odnom tome. (Laws, or On Legislation): full collection op. : in one volume Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Ранк О. Травма рождения и ее значение для психоанализа : пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009. [Rank, O. (2009). *Travma rozhdeniya i yeye znacheniya dlya psikhoanaliza.* (Birth trauma and its implications for psychoanalysis). Moscow: Kogito-Center. (In Russ.).]
- Фрейд З. Тотем и табу. «Я» и «ОНО». Труды разных лет: в 2 т. Т. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. [Freud, Z. (1991). *Totem i tabu. «YA» i «ONO».* Trudy raznykh let. (Totem and taboo. “I” and “IT”. Works of different years). In 2 vols. Tbilisi: Merani. Vol 1. (In Russ.).]
- Шеллинг Ф. В. Философия искусства : пер. с нем. М.: Мысль, 1966. [Schelling, F. V. (1996). *Filosofiya iskusstva.* (Philosophy of Art). Moscow: Thought. (In Russ.).]
- Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека (1793–1794): статьи по эстетике : пер. с нем. М. ; Л.: ACADEMIA, 1935 [Schiller, F. (1935). *Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka (1793–1794).* (Letters about the aesthetic education of a person (1793–1794)). Moscow ; Leningrad: ACADEMIA. (In Russ.).]
- Ялом И. Д. Экзистенциальная психотерапия : пер. с англ. М.: Класс, 1999. [Yalom, I. D. (1999). *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya.* (Existential psychotherapy). Moscow: Class. (In Russ.).]

Фэн Юэ

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
864427560@qq.com

**ФИКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСониФИКАЦИЯ
В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ**

В работе проанализирована теория метафоры персонификации в лингвистике, рассмотрена фикциональная персонификация в русских и китайских народных волшебных сказках. С помощью анализа микроконтекстов сказок выявлены главные фикциональные персонажи и человеческие качества, которыми они наделены. Сопоставление этих двух аспектов персонификации в русских и китайских сказках позволяет обнаружить специфику лингвокультуры двух народов.

Ключевые слова: народная сказка; волшебная сказка; фикциональная персонификация; метафора; русская сказка; китайская сказка.

Feng Yue

PhD Student Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
864427560@qq.com

**FICTIONAL PERSONIFICATION
IN RUSSIAN AND CHINESE FOLK FAIRY TALES**

The paper analyzes the theory of personification metaphor in linguistics and considers fictional personification in Russian and Chinese folk fairy tales. Analysis of microcontexts of fairy tales serves to reveal the main fictional characters and the human qualities attached to them. Comparison of these two personification aspects in Russian and Chinese fairy tales makes it possible to reveal language and cultural distinctions.

Key words: folk tales; fairy tales; fictional personification; metaphor; Russian folk tales; Chinese folk tales.

Введение

Народная сказка является одним из жанров народного устного творчества, в сказках отражаются различные стороны лингвокультуры народов. Волшебная сказка представляет собой чрезвычайно важный вид народной сказки. В отличие от других жанров, к примеру, сказок о животных, бытовых сказок, волшебные сказки часто носят мифологический характер, отражают мифологическую картину мира народов.

Фикциональность является другой яркой чертой волшебных сказок. В этих сказках часто присутствует множество фикциональных персонажей, они нередко выступают в человеческом облике, наделяются разными человеческими качествами. Такие фикциональные персонажи следует рассматривать как один из видов персонифицированных объектов.

С целью проанализировать параметры фикциональных объектов привлекался материал двадцати русских и двадцати китайских народных волшебных сказок. В качестве методов исследования использовались контекстуально-интерпретативный, концептуальный методы и сопоставительный анализ.

Персонификация как подвид метафоры

В современной лингвистике наблюдается разнообразие подходов к выявлению природы и классификации персонификации. При этом большинство российских ученых поддерживаются того мнения, что персонификация является подвидом метафоры. Так, Н. А. Красавский и Е. М. Захарова утверждают, что «как разновидность метафоры персонификация достаточно часто используется в художественных текстах» [Красавский, Захарова 2014, с. 104]. Е. В. Третьякова считает, что «персонификация – вид метафорического переноса, основанный на переносе наименования с одушевленного на неодушевленное» [Третьякова 2014, с. 112].

В зарубежном языкознании весьма авторитетной считается позиция Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые причисляют персонификацию к наиболее очевидным онтологическим метафорам. Персонификация – это тот случай, «когда материальный объект интерпретируется как человек. Это позволяет осмыслять наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 59]. Рассмотрение персонификации как подвида онтологической метафоры вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном использовалось как приоритетное для настоящего исследования. В то же время следует признать, что персонификация представляет собой особый гносеологический феномен, обладающий некоторыми собственными характеристиками, принципиально отличающими ее от метафоры.

Отечественная исследовательница Е. В. Иванова, в целом разделяя позицию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, несколько расширяет

приведенное определение. Она отмечает, что персонификация «заключается в наделении предметов и явлений природы свойствами живых существ, часто даже человеческими; способностью мыслить, чувствовать, говорить, антропоморфным обликом и т. д.» [Иванова 2010, с. 159]. По ее мнению, сфера-источник в персонификации не ограничивается человеком, но также включает все живые существа, в том числе животных.

В этой связи неоднократно указывалось на тот факт, что персонификация обладает комплексным характером. В. Вакернагель, например, считает, что «в широком смысле все метафоры, которые служат для олицетворения неживых явлений (сущностей), являются персонификациями» (цит. по: [Серебрякова 2010, с. 66]).

Более того, некоторые исследователи полагают, что персонификация представляет собой нечто большее, чем просто подвид метафоры. Ю. П. Мурзин отмечает, что персонификация – «это универсальный метафорогенный механизм, имеющий языческие и религиозные корни. <...> Это не только типичный способ метафорического переноса, приводящий к возникновению новых значений слов, но и естественный способ осмысления действительности, имеющий под собой глубокие когнитивные основания» [Мурзин 2010, с. 62]. Это созвучно с концепциями, подчеркивающими мифологические и религиозные основания персонификации.

Разделяя подобную позицию, С. Ю. Воскресенская подчеркивает, что, «если метафора – это способ познания, то персонификация в первую очередь – способ общения с миром» [Воскресенская 2016, с. 12]. В своем исследовании она далее рассматривает персонификацию «как троп, состоящий в сообщении денотату определенных признаков, как то признаки живых существ (активность, наличие воли, элементы облика животного), признаки человека (активность, язык, разум, чувства, свободная воля, имя, ритуально-социальное поведение), личностные признаки (различение добра и зла, характер, морально окрашенные поступки) [Воскресенская 2007, с. 5–6]. Тем самым отечественный исследователь существенно уточняет и расширяет метафорическую базу персонификации.

Возможно выявить несомненную параллель между этим определением и известным мнением классика советского языкознания О. С. Ахмановой, которая толковала персонификацию как «троп, состоящий в том,

что неодушевленным предметам приписываются свойства и признаки одушевленных, такие как дар речи, способность вступать в отношения, свойственные человеческому обществу и т.п.» [Ахманова 1969, 286]. Однако здесь на первый план выдвигаются человеческие параметры одушевленности, что переводит дискуссию о сущности одушевления в метафизическую плоскость. То, что в отечественной традиции и современном российском языкознании превалирует узкое понимание одушевленности как человеческого качества, подтверждает мнение Е. Н. Гончаровой, которая в своей дефиниции персонификации также указывает на конкретные персонифицируемые объекты, полагая, что персонификация – это «оживление, представление неодушевленных вещей, конкретных имен существительных (городов, стран), абстрактных понятий, обобщающих существительных, природных явлений, животных и др. как действующих и говорящих человеческих образов» [Гончарова 2010, с. 232].

Тем самым анализ разных дефиниций персонификации показывает, что основное различие между ними состоит в конечной сфере транспозиции персонифицированного денотата [Серебрякова 2010, с. 7]. Одни рассматривают широкую сферу – живые существа вообще, другие – более узкую сферу, именно антропоморфную.

В данной работе принимается за основу последняя точка зрения. Ее можно также рассматривать как более распространённую и в лингвистике КНР. Так, в «Словаре современного китайского языка», персонификация / 拟人 толкуется как «троп, персонифицирующий объекты. Например, в сказке животные могут думать и говорить как человек» [现代汉语词典 2002, с. 923]. Здесь в конечной сфере транспозиции денотатов выделяется только человек.

Таким образом, в данной работе к сфере-источнику относится человек, к сфере-мишени – конкретные неодушевленные вещи, абстрактные понятия, природные явления и животные. На этой основе возможно рассматривать содержание и признаки объектов обеих сфер. К примеру, конкретные параметры в сфере-источнике включают в себя разнообразные свойства и способности человека, антропоморфный облик, а в конкретном случае метафоризации часто подчеркиваются некоторые особенные признаки.

Обращаясь к персонифицированным объектам в русских и китайских народных волшебных сказках, возможно выявить шесть видов таких объектов: 1) природные явления, 2) животные, 3) растения,

4) артефакты, 5) абстракции, 6) фикциональные персонажи. Перечисленные объекты довольно разнообразны в русских и китайских сказках, отражают не только особенную этническую фантазию, но и целом специфику этнической картины мира двух народов. В этой связи большой интерес представляет персонификация последнего вида объектов, для которой предлагается термин «фикциональная персонификация».

Фикциональная персонификация в русских волшебных сказках

Материал избранных русских народных волшебных сказок позволил обнаружить девять фикциональных персонажей, действующих в тринадцати сказках: *Баба-яга*, *Чудо-юдо*, *Жар-птица*, *Морской царь*, *Вертодуб*, *Вертогор*, *Мороз – красный нос*, *Кощей Бессмертный* и *Нечистый (дух)*. Рассмотрение микроконтекстов их появления в сказках делает возможным обобщение разных ситуаций, выяснение параметров персонификации.

В семи текстах корпуса присутствует *Баба-яга*, персонификация данного объекта производится в двух аспектах – с привлечением деталей человеческого облика и характерных качеств. *Баба-яга* часто изображается в сказках как бабушка, что лишь частично соответствует ее имени. В то же время, она обладает яркой спецификой внешности. В сказке «Гуси-лебеди» *Баба-яга* изображается как «морда жилинная, нога глиняная» [Народные русские сказки 1982, с. 114]. В сказке «Баба-яга» говорится: «Стоит хатка, а в ней сидит Баба-яга костяная нога» [там же, с. 95]. В сказке «Иван-Быкович» тоже приводится подобный портрет: «На печке лежит Баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок» [там же]. В сказке «Царь-медведь» изображение Бабы-яги аналогично [там же, с. 275].

Что касается присвоенных этому персонажу качеств в процессе персонификации, в пяти сказках Баба-яга персонифицирует злое начало в человеке. Например, в сказке «Гуси-лебеди» Баба-яга живет в черном лесу, куда ее слуги – гуси-лебеди унесли мальчика [там же, с. 113–115]. В сказке «Василиса прекрасная» Баба-яга также живет в лесу, питается людской плотью («ела людей, как цыплят») [там же, с. 97–105]. Баба-яга является хозяйкой ясного дня, темной ночи и красного солнца. Она не любит слишком любопытных людей. Примечательно, что Баба-яга освобождает Василису, узнав, что девушка – благословенная. В одноименной сказке четко проявляются скупость

и недружелюбие Бабы-яги по отношению к своим слугам, действующим ей во вред, если с ними обращаются с добротой.

В то же время, в двух сказках Баба-яга персонифицирует только положительные качества. В сказке «Иван-Быкович» она уважительно отнеслась к Ивану Быковичу, указала ему дорогу к Чуду-юду, советовала не ходить к нему, потому что это грозит смертью главному герою [Народные русские сказки 1982, с. 141–153]. В сказке «Царь-медведь» Баба-яга рассказала Ивану-царевичу, как победить Змея [там же, с. 270–276]. Правда, остается открытым вопрос мотивации этого персонажа, поскольку в ряде микроконтекстов добрые дела Бабы-яги продиктованы ее желанием отомстить другим негативным персонажам за нанесенные ее обиды (например, Кощею Бессмертному).

Кощей Бессмертный появляется в двух сказках, где он персонифицирует зло и коварство. В сказке «Кощей Бессмертный», помимо коварства (хитроумного плана, как спрятать понадежнее свою смерть и использовать ее как приманку для желающих убить его), Кощей наделяется качеством легковёрности и падкости на лесть.

Остальные семь фикциональных персонажей появляются один раз в избранных сказках.

Чудо-юдо описано в сказке «Иван Быкович» как три существа – шестиглавое, девятиглавое и двенадцатиглавое, последнее является самым сильным. У каждого существа в сказке есть жена и даже тёща – Баба-яга, что усиливает антропоморфный аспект текста. В то же время, в этой сказке Чудо-юдо персонифицирует зло: они «*злодеи, всех прополонили, всех разорили, ближние царства шаром покати-ли*» [там же, с. 144]. Значительно проще представлен *Нечистый (дух)*, который также персонифицирует зло: в сказке «Береза и три сокола» он похищает царевну и ее братьев, превращает царевну в березу, а ее братьев – в соколов [там же, с. 401–402].

Жар-птица при всех внешних красоте и блеске персонифицирует воровство в сказке «об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке», хотя поступки этого специфического фикционального персонажа свойственны не только человеку [там же, с. 210–222]. Животное или птица также могут совершить воровство, которое лишь в сказках ими осознается как таковое в силу антропоморфного характера персонификации.

Морской царь демонстрирует в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» большое коварство и значительную информированность. *Вертодуб* и *Вертогор*, богатыри-великаны, персонифицируют доброту

и отзывчивость в сказке «Ведьма и Солнцева Сестра», в которой они получили помощь от Ивана-царевича, потом и ему помогли [Народные русские сказки 1982, с. 81–84]. Отзывчивость, но также и справедливость связаны с таким персонажем, как *Мороз – красный нос*, который представлен в сказке «Морозко» как человек-волшебник, способный заморозить прикосновением своего посоха. Бедная падчерица, отнесшаяся к нему вежливо, с добром, получает от него подарки, а злую родную дочь мачехи он убивает [там же, с. 84–86]. Примечательно, что в русских народных сказках тема убийства может быть элементом добра.

Фикциональная персонификация в китайских волшебных сказках

При анализе двадцати китайских народных волшебных сказок в пятнадцати из них были выявлены семнадцать фикциональных персонажей.

Среди вышеперечисленных персонажей наиболее частотным является *Дракон*, который присутствует в семи сказках. Причем в разных сказках дракон принимает различные конкретные образы: *Белый дракон*, *Чёрный дракон*, *Царь драконов* и др. Дракон как главное мифологическое животное в китайской культуре обычно наделен волшебством, управляет водой, считается богом дождя. В большинстве случаев он персонифицирует доброту, помощь, а в некоторых случаях – зло.

В сказке «*药王孙思邈*» / «Царь лекарств Сунь Симяо» раненый дракон просит героя Сунь Симяо о помощи и в знак благодарности дарит ему драгоценный Лунсяньшуэй (слюну дракона) [中国民间故事. 上 2018, с. 33–37]. Доброта и отзывчивость персонифицированы в данном случае персонажем, как правило воплощающим исключительно негативные качества человека в русских народных сказках (в образе Змея Горыныча).

В сказке «*秃尾巴老李*» / «Лаоли без хвоста» присутствуют два вида дракона – Черный дракон по имени Лаоли и Белый дракон. Чёрный дракон превратился в парня и стал помогать старому земледельцу, но Белый дракон захватил реку, стал вредить людям, поэтому Чёрный дракон Лаоли сразился с ним и остался там жить, за что река получила название Хэйлунцзян (букв. ‘река Черного дракона’). Каждый год он летает раз в Шаньдун, чтобы посетить могилу своей матери [中国民间故事. 上 2018, с. 101–106]. В этой сказке Чёрный

дракон предстает в виде молодого человека, персонифицирует доброту, готовность помочь, почитание родителей и старшего поколения в целом, справедливость в борьбе со злом (которое также персонифицировано драконом).

龙王 *Лунван* / *Царь драконов*, бог дождя, появляется в остальных пяти сказках. В сказке «*猎人海力布*» / «*Охотник Хайлибу*», заглавный герой, спасает жизнь дочери Царя дракона и получает от него драгоценный камень, с помощью которого можно понимать языки животных [中国民间故事. 上 2018, с. 164–168]. Щедрость и чувство благодарности дополняются еще одним важным антропоморфным сюжетом – способностью любить свою семью.

В некоторых сказках присутствуют не только сам Царь драконов, но и его дети. Так, в сказке «*秦始皇赶山*» / «*Император Цин Шихуан разгоняет горы*» действует *东海龙王三公主* / *третья царица царя драконов восточного моря*, персонифицирующая красоту и ум [中国民间故事. 上 2018, с. 26–31]. В сказке «*云中落绣鞋*» / «*Упала вышитая туфелька с облака*» *东海龙王三太子* / *третьего царевича царя драконов восточного моря* спасает из пещеры герой Чэнь Чэцзэнь. Во дворце Царя драконов герой получает в подарок три волшебных предмета (тыкву-горлянку, флейту и сломанную шляпу) [中国民间故事. 下 2018, с. 162–167]. В этой сказке Царь драконов и Царевич персонифицируют доброту, взаимопомощь, щедрость.

Если же *龙王 Лунван* / *Царь драконов* неумеренно применяет свою силу и власть, то он обязательно получает наказание. В этих случаях он выступает как персонификация зла. К примеру, в сказке «*神女瑶姬*» / «*Богиня Яоцзи*» *四海龙王* / *цари драконов четырех морей* вызвали всемирное наводнение, принесли огромную беду людям. За это они были сурово наказаны богиней Яоцзи [中国民间故事. 上 2018, с. 14–18].

Что касается остальных шестнадцати персонажей, то восемь из них персонифицируют доброту, являются различными богами и действуют в восьми сказках.

土地 / *Дух земли* принимает в сказке «*范丹问佛*» / «*Фаньдань спрашивает у Будды*» героя Фаньданя, позволяет ему отдыхать в своем храме [中国民间故事. 下 2018, с. 1–6]. В сказке «*徐兄李弟*» / «*Старший брат Сюй и младший брат Ли*» Дух земли также помогает главному герою, принимает его к себе в храм, позволяет ему подслушать секреты, рассказанные тигром и лисой [中国民间故事. 下 2018,

с. 206–209]. Внешне Дух земли обычно описывается как 土地爷 / дедушка духа земли.

地母 / *Мать-земля* и 山神 / *Божество гор*. В сказке «青稞种子的来历» / «Происхождение зерна высокогорной ячмени (цзингэ)» Мать-земля превратилась в тетушку, указала принцу Ачу дорогу к Божеству гор. Божество гор, в свою очередь, превратилось в странника, указало дорогу принцу Ачу к Царю-змею и рассказало ему как достать у Змея волшебное зерно цзингэ [中国民间故事. 上 2018, с. 37–51]. Эти два персонажа персонифицируют готовность помочь, участливость.

В избранных сказках также появляются такие божества, как 南极仙翁 / *Бессмертный старец южного полюса*, 穷神 / *Божество бедности*, 黎山老母 *Почтенная матушка гор Лишань*. Они все оказывают помощь главному герою. А 织女 / *Богиня ткачиха*, 神女瑶姬 / *Богиня Яоцзи* сами являются главными героями в сказках, но также помогают и другим героям. В них персонифицируются, помимо доброты и готовности помочь, красота и ум.

Персонажи 玉皇大帝 / *Нефритовый император*, 西王母 / *Небесная царица Сиванму*, 财神 / *Божество богатства*, 巡海夜叉 / *Якша, объезжающий море* носят нейтральный характер, с точки зрения зла или доброты. *Нефритовый император* и *Сиванму* являются высестоящими богами на небе, они обладают властью, строго относятся к остальным богам, следят, чтобы все соблюдали правила на небесах. Например, в сказке «敬穷神» / «Поклонение божеству бедности» Богиня-журавль не справилась с работой, и Сиванму наказала ей выйти замуж за самого бедного человека на свете [中国民间故事. 下 2018, с. 29–37]. Примечательно применение такого антропоморфного сюжета, как свадьба: в русских волшебных сказках она, как правило, является апогеем победы над злом и наградой главных героев, в то время как в китайской волшебной сказке этот сюжет может быть связан с покаянием, что добавляет новые оттенки персонификации к метафорическому арсеналу персонажей.

В сказках также обнаруживаются четыре персонажа с качествами зла, а именно – 阎王 / *Яньван*, 牛头 / *Бычья голова*, 马面 / *Лошадиная морда* и 九头妖怪 / *Оборотень с девятью головами*. Первые три персонажа появляются в сказке «斗阎王» / «Борьба с Яньваном». *Яньван* является правителем ада, владыкой мертвых. Он посылает своих подручных Бычью голову и Лошадиную моду схватить героя Балагенсана

и бросить его в загробный мир [中国民间故事. 下 2018, с. 133–135]. В сказке «黑马张三哥» / «Брат Чжансань Хэйма» девятиголовый оборотень вредит людям, собирается проглотить трех девушек-голубей, но умной третьей девушке удастся перехитрить его, а герою Хэйму и его братьям – убить оборотня [中国民间故事. 上 2018, с. 125–132]. Здесь так же, как и в русских народных сказках, обнаруживается ревальвация убийства в целях добра.

Несомненным отличием китайской волшебной сказки является использование большого количества разнообразных божественных существ, что условно сопоставимо с православной сказкой, но в данном случае речь идет не об авторской, а о народной волшебной сказке, в которой божественные герои не демонстрируют агиографические данности, а персонифицируют качества человека, которые создатели текстов рассматривают как образец либо как предостережение.

Заключение

Фикциональная персонификация является основным видом метафоры в волшебных сказках, она проявляется во включении в тексты сказок персонифицированных человеческих качеств. Анализируя избранные сказки, в первую очередь возможно отметить, что количество фикциональных персонажей в китайских волшебных сказках значительно больше, чем в русских. Общее в характеристике персонажей в сказках двух народов заключается в том, что они наделены волшебством или суперспособностями, выходящими за границы возможного для обычного человека. В них часто персонифицируются такие качества, как доброта, помощь, ум, зло, коварство, чувство благодарности, щедрость, любовь к семье.

В то же время конкретные фикциональные персонажи в волшебных сказках двух народов обнаруживают значительные различия в их названиях и типах. В русских сказках используется множество отрицательных персонажей, которые не имеют божественного статуса, в то время как в китайских сказках, наоборот, почти все фикциональные персонажи являются божествами. Как представляется, это созвучно специфике мифологии русского и китайского народов. В русской (славянской) мифологии присутствует гораздо больше сведений по «низшей» мифологии. Сказочные персонажи, по-видимому, «участники ритуала в их мифологизированном обличье и предводители

тех классов существ, которые сами принадлежат к низшему уровню: таковы Баба-яга, Кощей, Чудо-юдо, Лесной царь, Водяной царь, Морской царь» [Иванов, Топоров 2008, с. 930]. В китайской мифологической традиции существует богатая система божеств, особенно в даосизме, в котором сложился целый пантеон небожителей. В этот пантеон также включены некоторые божества из буддизма и древнекитайской мифологии. Довольно разнообразные небожители естественным образом включаются в народное устное творчество, к примеру, в волшебные сказки.

Таким образом, рассмотрение фикциональной персонификации в народных волшебных сказках позволяет выявить и сопоставить основные фикциональные персонажи и их характеристики. В результате сопоставления различных аспектов персонификации в русских и китайских сказках возможно выявление общего и отличного в древнем восприятии мира, этических позициях, оценке человеческого поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия. 1969. [Akhmanova, O. S. (1969). Slovar' lingvisticheskikh terminov (Dictionary of linguistic terms). Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya (In Russ.)].
- Воскресенская С. Ю.* Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь. 2007. [Voskresenskaya, S. YU. (2007). Gendernyye stereotipy leksiko-grammaticheskoi personifikatsii (Gender stereotypes of lexical and grammatical personification): abstract of PhD in Philology. Tver (In Russ.)].
- Воскресенская С. Ю.* Метафора и персонификация: к проблеме взаимоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 4. С. 11–15. [Voskresenskaya, S. Yu. (2016). Metaphor and personification: towards the problem of relationships. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 4, 11–15. (In Russ.)].
- Гончарова Е. А.* Теория и практика стилистического анализа: учеб. пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. М.: Академия, 2010. [Goncharova, E. A. (2010). Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza (Theory and practice of stylistic analysis). Moscow: Akademiya. (In Russ.)].
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008 (Советская Энциклопедия, 1980). С. 929–934. [Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (2008). Slavyanskaya

- mifologiya. (Slavic mythology). In S. A. Tokarev (ed.). *Mify narodov mira. Ehntsiklopediya* (pp. 929–934). Moscow. (In Russ.).
- Иванова Е. В. Персонификация природы в медийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 159–162. [Ivanova, E. V. (2010). Personification of nature in media discourse. *Politicheskaya lingvistika*, 1, 159–162. (In Russ.)].
- Красавский Н. А., Захарова Е. М. Персонификация как средство описания и экспликации концептов «мудрость», «любовь», «радость», «душа» в романе Германа Гессе «Сиддхартха. Индийская поэма» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–3. С. 104–107. [Krasavskii, N. A., Zakharova, E. M. (2014). Personification as a means of describing and explicating the concepts “wisdom”, “love”, “joy”, “soul” in the novel by Hermann Hesse “Siddhartha. Indian poem”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 4–3, 104–107. (In Russ.)].
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* (Metaphors We Live By). Moscow: Editorial URSS (In Russ.)].
- Мурзин Ю. П. Макрополе метафорических моделей живое, профилирующих концепт GUERRA // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2010. №. 14. С. 58–69. [Murzin, YU. P. (2010). Macrofield of living metaphorical models profiling the GUERRA concept. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 14, 58–69. (In Russ.)].
- Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева / вступ. ст. В. Аникина. М.: Правда, 1982. [Narodnye russkie skazki (1982). (Russian folk tales). Moscow: Pravda (In Russ.)].
- Серебрякова Е. В. Проблема определения «персонификации» в стилистике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2010 № 2. С. 64–68. [Serebryakova, E. V. (2010). The problem of defining «personification» in stylistics. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. Humanities*, 2, 64–68. (In Russ.)].
- Третьякова Е. В. Метафора и персонификация: иерархия отношений (на примере рекламного туристского дискурса Германии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. №. 1 (26). С. 111–116. [Tret'yakova, E. V. (2014). Metaphor and personification: hierarchy of relations (on the example of advertising tourism discourse in Germany). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 1, 111–116. (In Russ.)].

-
- 中国民间故事. 上. 刘守华, 陈丽梅主编. 武汉: 长江文艺出版社, 2018. 185 с. / Китайские народные сказки. первая часть / глав. ред. Лю Шоухуа и Чэнь Лимэй. Ухань: Изд-во искусства Чанцзян. 2018. [Chinese folk tales. First part (2018)].
- 中国民间故事. 下. 刘守华, 陈丽梅主编. 武汉: 长江文艺出版社, 2018. 209 с. / Китайские народные сказки. вторая часть / глав. ред. Лю Шоухуа и Чэнь Лимэй. Ухань: Изд-во искусства Чанцзян. 2018. [Chinese folk tales. Second part (2018)].
- 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2002. / Словарь современного китайского языка. Пекин: коммерческое изд-во, 2002. [Modern Chinese Dictionary. (2002)].

Е. Н. Корнилова, И. А. Гусейнова

Корнилова Е. Н., доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы
факультета журналистики
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
ekornilova@mail.ru

Гусейнова И. А., доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
ginnap@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В РОССИИ

В настоящей статье предпринята попытка систематизации материалов российских СМИ, содержащих мифологические мотивы и посвященных защите жизни и здоровья населения при наступлении угрозы пандемии коронавируса. Авторы проводят анализ публикаций с точки зрения поисков архетипических мифологических конструкций и приходят к выводу о том, что миф как элемент традиционной культуры актуализируется в период распространения смертельной болезни. Авторы статьи приходят к выводу о том, что современное пространство массмедиа пронизано мифологическими моделями, интертекстами и интертекст-мемами, демонстрирующими как угрозу и вызов, так и надежду и спасение.

Ключевые слова: пандемия коронавируса; социальные угрозы; социальная ответственность; защита населения; архетипы; мифологическое сознание; интертекст.

Kornilova E. N., Gusejnova I. A.

Kornilova E. N., Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University
ekornilova@mail.ru

Guseynova I. A., Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Professor at the Department of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
ginnap@mail.ru

MYTHOLOGICAL MODELS IN THE MEDIA DISCOURSE OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC IN RUSSIA

The article is an attempt to systematize the materials of the Russian media containing mythological motives and dedicated to protecting the life and health of the population in the face of a coronavirus pandemic. The authors analyze publications in search of archetypal mythological constructions and come to the conclusion that being an element of traditional culture myth is actualized during the period of the spread of a fatal disease. The authors of the article come to the conclusion that the modern mass media space is permeated with mythological models, intertext and intertext memes, designed to create conditions for the development of a communicative-discursive space around the value of "health", broadcast with the help of evaluative means that demonstrate threat and challenge as well as hope and salvation.

Key words: the pandemic of coronavirus; social threats; social responsibility; the protection of population; archetypes; mythological consciousness; intertext.

Введение

Современный медиадискурс представляет собой информационное пространство коммуникации, в котором переплетены различные виды сообщений, формирующие в своей совокупности концептуальные миры, позволяющие моделировать социальную реальность. Многие ученые отмечают полифоничность массмедиа, их принципиальную способность формировать оценки по отношению к реальным и вымышленным событиям, избирательность относительно эмпирических и фактологических материалов [Писанова, Альварес 2019]. Полисубъектность массмедиа играет существенную роль в телеологическом распространении актуальной информации. Одновременное участие различных субъектов в коммуникации создает эффект диалога и возможности заявить о своем мнении. Кроме того, современные СМИ обладают безграничными интертекстуальными ресурсами, которые нередко используются для формирования интертекст-мемов (термин Г. В. Денисовой) [Денисова 2020]. Основное отличие от интертекстов, имеющих глубокую культурно-историческую «привязку» к местности, событию или факту, мемы широко применяются в массмедиа для распространения актуальной информации, имеющей ограниченное время действия, что несколько не снижает их значимости при формировании плюрализма мнений. Вышесказанное касается, прежде всего, традиционного новостного дискурса, однако, в ходе освоения информационного пространства телекоммуникационной сети Интернета мы

отмечаем тенденции конструирования медиапространств. Многие события в силу своей новизны и непредсказуемости, а также экспертных оценок порождают условия для манипуляции имеющимися фактами. Однако представление неизученных фактов в силу указанных выше причин осуществляется по определенным правилам. Для иллюстрации вышесказанного обратимся к пандемии коронавируса, потрясшей все мировое пространство, в том числе Россию.

Исходя из мировых информационных лент последнего полугодия (январь 2020 г. по настоящее время), следует отметить, что современный мир – явление непредсказуемое. Несмотря на то, что специалисты-вирусологи из университета Северной Каролины в 2015 г. рассматривали возможность появления подобной инфекции¹, массмедиа оставил подобные изыскания, публикуемые в серьезных научных журналах, без внимания.

Моделируемые в СМК сценарии катастроф заключались в описании следующих тем, интересных для массового реципиента:

- а) столкновение огромного метеорита с земной поверхностью («угроза» отошла на задний план, но продолжает мутировать);
- б) экологическая катастрофа, вызванная потеплением климата (отметим, что с приближением лета тема вновь эксплуатируется);
- в) гибель «старой» Европы в связи с усилением миграционного потока из мусульманских стран.

Однако пандемия коронавируса продемонстрировала одновременно весь спектр реально существующих проблем, отодвинув на второй план развлекательную сторону медиасообщений. Новости о вирусе напоминают сводки с фронта, поскольку содержат статистические данные о погибших и пострадавших, а также о постоянно растущем количестве зараженных лиц. Перед журналистами, культурологами и лингвистами встал вопрос о встраивании темы коронавируса в существующую систему подачи актуальных информационных материалов.

Появление угрозы жизни и здоровью возродило целую серию архаических мифов, описывающих в частях и в целом опасения людей перед эпидемией смертельной болезни. Своевременное информирование массового реципиента о предпринимаемых научных изысканиях в области медицины иллюстрирует, с одной стороны, многочисленные риски заражения и одновременно ответственность властных структур,

---

¹ URL: <https://www.svoboda.org/a/30538727.html>.

свидетельствующую о научной обоснованности предпринимаемых шагов, демонстрируя возможность преодоления апокалиптического начала. М. Элиаде справедливо утверждает, что «современный мир всё еще сохраняет следы мистического поведения», а «сам по себе миф, как и символы, которые он приводит в действие, никогда полностью не исчезал из настоящего мира психики; он просто меняет свой аспект и маскирует свои действия» [Элиада 2015, с. 78]. По этой причине модели мифологического сознания высоко востребованы и в медиадискурсе, и в частной жизни. Ресурсы и возможности мифа широко применяются при конструировании идеологических моделей, поскольку он способствует установлению контакта с потребителями медиаконтента, незаметно для массового сознания соединяя рациональное и иррациональное. Оба компонента необходимы СМИ по следующим причинам. Во-первых, современный человек обучен мыслить и познавать окружающий мир с помощью логических категорий. Во-вторых, иррациональное в мифе остается крайне привлекательным для реципиента, поскольку он предоставляет рецепты и готовые решения в тех ситуациях, которые с помощью опыта и знаний пока не разрешимы или шансы на их решение минимальны [Малиновский 1998, с. 124].

При выявлении корпуса материалов, в которых очевидны характерные проявления мифологического сознания, авторы статьи опирались на работы крупнейших антропологов, психоаналитиков, философов, литературоведов и экспертов в области изучения мифологии, таких как Дж. Дж. Фрезер, Э. Кассирер, З. Фрейд, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс, К. Г. Юнг, Р. Барт, М. Элиаде, Ю. М. Лотман, А. Гулыга, М. М. Бахтин, Е. М. Мелетинский и др. Целью публикации стало стремление показать, как часто в кризисные моменты подсознание подсказывает способы структуризации хаоса и предлагает пути выхода из кризиса. Это тем более необходимо, поскольку в обиходе пишущих о ковиде журналистов термин «миф» получил слишком широкое метафорическое наполнение. Например, в публикации в «Российской газете» 05.06. 2020 под заголовком «10 мифов о коронавирусе»¹ получают опровержения слухи, частные мнения некомпетентных блогеров и простые пересуды, а также ложные представления об опасной болезни, мифами не являющиеся. В материалах ВОЗ, откуда и берутся сведения об ошибочных «рецептах лечения», употребляется понятие

¹ URL: <https://rg.ru/2020/05/06/10-mifov-o-koronaviruse.html>.

«ложные мнения», впрочем, наряду с термином «миф» [Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса URL]. Под похожими названиями их перепечатывает еще ряд изданий¹.

В начале XX в. наука однозначно заявила, что мифы – это первообразы, интуитивно порождаемые коллективным бессознательным. «Коллективное бессознательное есть часть психики, которая... не обязана своим существованием личному опыту и, следовательно, не является персональным приобретением» [Юнг 1997, с. 211]. Коллективное бессознательное по своему характеру мифологично. Оно продуцирует архетипы, которые Юнг считает «предшествующей формой». «Архетип – это матрица, которая заставляет нас действовать определенным образом. Мы делаем это неосознанно и не понимаем, почему, т. е. принимаем решение на подсознательном уровне» [там же, с. 216]. Как отмечали наиболее авторитетные исследователи мифологического сознания, действие мифа затрагивает в большей степени чувственную сторону и основывается на эмоциональном воздействии [Кассирер 1990, с. 58–65; Барт 2008]. Миф, предоставлявший определенный образ поведения в мире, в кризисных ситуациях всегда предлагал типическую модель поведения для всего общества. Новые угрозы, грозящие повергнуть общество в хаос, заставляют обернуться назад и искать способы понимания событий и собственных действий в мифологическом опыте предков. Неуверенность в завтрашнем дне, балансирование на грани катастрофы возрождает в индивидуальном сознании древние архетипические модели: мифы угрозы и ужаса, а также мифы спасения и защиты, которые стал транслировать медиадискурс, в том числе и в целях объяснения происходящего. Подчеркнем, что даже если объяснение ошибочно, оно позволяет избежать угрозы неизвестности и обеспечить некую психологическую защиту.

Мифология угрозы и ужаса

Первый глобальный миф, активно распространяющийся в медиа в связи с эпидемией – эсхатологические представления о развитии событий, присущие мифологиям различных народов мира [Мифы народов мира 1980, с. 670–671; Элиаде 2015, с. 62–81]. В Европе упомянутая тема наложила на традиционные представления христиан,

---

¹ URL: https://otvprim.ru/news/news_health/lyudi-bessilny-razvenchany-10-mifov-o-covid-19_2020_05_06.

которые в течение тысячелетий ожидают конца мира и второго пришествия (Амос, IX: 13; Исайя, XXX: 23 и след.; XXXV: 1, 2, 7; LXV: 17; Осия. 1: 10; 11: 18 и след.; Захария, VIII: 12; Иезекиль. XXXIV: 14, 27; XXXVI: 9 и след., 30, 35, 72). Предсказания Апокалипсиса присутствуют и в Евангелиях, и в Откровении Иоанна Богослова: и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это – начало болезней (Мк 13:8).

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными (Откр 6:8).

Однако близкие к Патриархии православные священники как раз развенчивают для своей паствы этот миф и успокаивают прихожан. Например, протоирей Владимир Долгих на страницах журнала «Фома»¹. Ушли в прошлое и попытки навязать пастве идею о том, что пандемия – «божье наказание» людей за их грехи; тезис, довольно распространенный во время чумных эпидемий Средневековья и Ренессанса. Замечна эволюция церкви в сторону гуманизации, и запрет на присутствие верующих на пасхальных и иных богослужениях тоже тому подтверждение. Современная русская православная церковь в условиях пандемии коронавируса следует рекомендациям Роспотребнадзора, т. е. научно обоснованным и практическим советам институтов государственной власти². Взаимодействие института церкви и социального института демонстрирует объединение усилий, направленных на преодоление реальной угрозы. В этом смысле существующие институциональные различия отступают на второй план в связи с пониманием возросшего уровня социальной ответственности. Конструктивное взаимодействие возникло не сразу: в православной церкви в начале пандемии в России мощно развивалась тенденция полного отрицания самого существования эпидемической угрозы. Ряд священнослужителей утверждал, что все разговоры об эпидемии – ложная информационная шумиха, на которую не стоит обращать внимания. Подобная позиция привела к массовым вспышкам заболевания в ряде монастырей и среди служителей церкви.

Широкая медийная кампания была развернута вокруг предчувствий и предвидения конца мира и наступающего апокалипсиса в СМИ, не связанных с традиционными религиями. Особую активность

¹ URL: <https://foma.ru/javljaetsja-li-koronavirus-priznakom-apokalipsisa.html>.

² URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5608502.html>.

проявили «языческие» предшественники мировых религий, прежде всего, астрологи, представляющие собой носителей более ранних форм верований. Следует отметить, что современные предсказатели сумели коммерциализировать апокалипсические предчувствия¹. Данный игровой прием нашел применение на российском телевидении, в частности, на канале РЕН ТВ, всегда активно опирающемся на мифологическое сознание и мистику и создавшем за счет этого определенную зрительскую аудиторию. Обратимся к конкретным примерам, к материалу Дм. Родионова «Апокалипсис сегодня: каким будет новый мир после коронавируса», вышедшему в эфир 09 апреля 2020, 08:40. Анализируемый нами материал наполнен угрозами и мрачными предчувствиями начала третьей мировой войны, которые якобы «подтверждаются» опасениями военных: «В этот раз, по мнению военных, кто-то использует коронавирус, чтобы провести таким образом разведку боем. Пока весь мир пытается побороть распространившуюся заразу, заинтересованная сторона наблюдает за действием войск химической и биологической обороны разных стран и делает выводы. И так, по одной из версий, происходит подготовка к Третьей мировой войне, т. е. коронавирус – не только оружие-приманка, но и способ отвлечь от подготовки к реальным боевым действиям»². Подобный материал представлен также на страницах итальянской газеты «Стампа», где помощь Российского министерства обороны не справляющимся с пандемией провинциям севера страны рассматривалась как «разведка боем», направленная против баз НАТО и оборонной структуры Италии [Келекеев 2020].

В контексте нагнетания апокалиптического мотива через понятие мировой войны для испуганных потребителей вполне достаточно мифологического сознания, однако, для устрашения и усиления эмоционального воздействия им предрекают одновременно «казни египетские», которые будут предшествовать всем ужасам атомной катастрофы. Русская служба ВВС вдогонку сообщает, что «за коронавирусом идут потом, засуха и голод. Прогнозы на 2020 год становятся всё мрачнее»³.

---

¹ URL: <https://www.mk.ru/social/2020/04/04/koronavirusnyy-apokalipsis-ot-astrologa-budet-sneseno-vse-ustarevshee.html>.

² URL: <https://ren.tv/blog/dmitrii-rodionov/683534-apokalipsis-segodnia-kakim-budet-novy-mir-posle-koronavirusa>.

³ URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52437166>.

Не менее значимый глобальный миф-«страшилка» – конспирологический, который трактуется как теория заговора против всего мира, больших регионов или конкретных стран и народов¹. Приведем в качестве иллюстрации данного мифа два примера.

а. Военные обеих враждующих в западном мире группировок обвиняют друг друга в создании вируса как биологического оружия и использовании его с разведывательными целями, а также с целью уничтожить экономику и живую силу противника (ср. выше цитируемый материал Родионова). Этот миф опровергают специалисты с двух сторон, но в массовом сознании он продолжает существовать. На страницах «МК» приводится мнение эксперта В. Казюлина, отрицательно ответившего на вопрос, мог ли covid-19 использоваться военными².

б. Раздаются упреки в адрес Китая, что именно лабораторная утечка в Ухани стала причиной пандемии³. Китайские власти обвиняют американских военных, которые в рамках военно-технического сотрудничества были в этом районе до начала эпидемии. Оппозиция коллективного бессознательного «свой – чужой», активно внедряемая официальной пропагандой на бытовом уровне, приобретает расистский или крайне антигуманный оттенок⁴. Более детально этот мифологический мотив анализируется в статье Игоря Кондакова «“Ящик Пандоры” / Новые аспекты взаимосвязи культурного и биологического на фоне пандемии» [Кондаков 2020].

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что применение бинарных оппозиций, имеющих сакральные корни, формирует основу для эмоционального воздействия на массового реципиента и стимулируют страх как базовую эмоцию, заставляющую людей изменить свое поведение в связи с пандемией коронавируса [Леви-Стросс 2011].

Мифология психологической защиты

В начале эпидемии в Европе на бытовом уровне в упрощенной форме «былички», бытового мнения, распространялось неоправданное

¹ URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52256074>.

² URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/29/85161-vspyshka-sprava>.

³ URL: <https://www.mk.ru/social/2020/04/06/razvedka-britanii-nazvala-veroyatnyy-istochnik-proiskhozhdeniya-koronavirusa.html>.

⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/20/825733-koronavirusnaya-teoriya>.

утверждение о том, что covid-19 опасен только для китайцев. Однако в ходе развития эпидемиологической ситуации было доказано обратное – опасность вируса для всех этносоциумов. На смену приведенному выше мнению, или мему, имеющему связь с актуальным событием, пришел новое не менее опасное ложное утверждение, что от вируса умирают только старики или больные диабетом. В результате широкого распространения данного мема, по меньшей мере две страны в Южной Европе – Италия и Испания – оказались в тяжелейшем положении. Швеция, отказавшаяся от введения строгого локаута, сегодня также показывает высокие результаты по заболеваемости и смертности. Несмотря на негативный сценарий развития эпидемиологической ситуации в разных странах, постоянный мониторинг, демонстрирующий опасность заражения и губительные последствия для человека, в медиадискурсе продолжают появляться материалы, опровергающие серьезность опасности с помощью демонизации отдельных экономических или технологических структур. Примером может послужить публикация Джейсона Мохагега «Коронавирус как демон. Что сближает болезнь века с нечистью и какие выводы мы можем сделать из этого сходства» [Мохагега 2020]. Также, в чатах и комментариях к статьям появляется необоснованная и непроверенная версия о том, что пандемия служит источником обогащения фармацевтических компаний. Опасность не является глобальной, а страхи поддерживают экономически заинтересованные лица и институции. Экономический эффект от распространения информации, служащей нарастанию социальной напряженности представляется весьма внушительным. В этот период, пока не все административные органы осознали реальный уровень опасности, лаборатории пользуются субсидиями и инвестициями, направленными на решение задач по расшифровке генома, а также на разработку тестовых систем и безопасной вакцины. В СМИ присутствуют многочисленные сообщения о том, что первая вспышка острой вирусной инфекции, вызванной коронавирусом летучих мышей (SARS-CoV), произошла в Китае в 2002 г. По мнению многих вирусологов, тогда вспышку инфекции не победили, она сама сошла на нет. То же повторилось, по мнению вирусологов, и с MERS. Иными словами, одной из ключевых тем массмедиа является та, согласно которой кто-то переложил существенные государственные средства, полученные от налогоплательщиков, в карманы частных фармацевтических

компаний. Отметим, что подобные заявления носят декларативный характер и не подкрепляются ссылками на конкретных экспертов, авторизованных лиц или на конкретные институции.

Продуктом «низового» мифологического мышления стала старая как мир «страшилка» о том, что дьявол кроется в технологиях. Так, в Британии представители наименее образованных слоев населения (в основном мигранты из районов, где традиционно исповедуют шаманизм) ломают вышки сотовой связи. Бесконтрольно распространяются слухи о том, что сотовая связь 5G разрушает иммунную систему человека и разносит вирус. Газета «The Guardian» отмечает, что введенные в заблуждение стараниями ряда политиков и медийных персон, среди которых актер Вуди Харрельсон и певица MIA, которые в своих соцсетях размещали «безосновательные» данные о связи усиления симптомов коронавируса с «излучениями» от вышек 5G, вандалы начали нападать на инженеров, работающих в британской телекоммуникационной компании Openreach. Например, согласно медиасообщениям в апреле 2020 г. сотрудники предприятия подверглись атакам около 50 раз. При этом нападают преимущественно на техников в специальных жилетах, которых принимают за инженеров, работающих, например, с телефонными проводами, поддерживающими сети 5G. Один из инженеров сообщил газете, что до эпидемии коронавируса он и его коллеги никогда не испытывали такого давления: «Мы уходим на работу с мыслью о том, будет ли сегодня безопасно или нет», – поделился мужчина¹.

В России эту теорию поддерживает телеведущая В. Боня². Также из зарубежных СМИ известны случаи повреждения башен сотовой связи и в Нидерландах.

Таким образом, в ряде случаев, отмечаемых в СМИ, в массовом нерасчлененном сознании сохраняются демонологические представления, под влиянием которых толпа, напуганная угрозами заражением неизученным вирусом, направляет свою агрессию на уничтожение результатов научно-технического прогресса и инженерной мысли.

Мифология и государство

В связи с введением жестких карантинных мер, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения и Роспотребнадзором,

¹ URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/12/attack>.

² Там же.

резко возросла роль цифровых технологий в общественной жизни. Находящиеся в вынужденной изоляции люди приобрели возможность коммуникации в виртуальной среде. Ряд социально значимых институтов функционировал в режиме on-line, в том числе сфера образования от начальной до высшей школы; сфера культуры: музеи, театры, картинные галереи, выставочные залы, концертные залы, филармонии, библиотеки и др. Вышеперечисленные институции расширили свое присутствие в телекоммуникационной сети Интернета, стали предлагать прежде недоступные в электронном формате просмотры и экскурсии.

Решение о введении карантина на государственном уровне дало положительные результаты: количество заражений снизилось. С позиций психологической защиты населения решение было совершенно правильным. Однако перевод социальных контактов в сфере образования и культуры многие люди восприняли болезненно. М. Элиаде в своей программной работе «Мифы современного мира» выделяет «два принципиальных способа “бегства”, используемых современным человеком – чтение и зрелищные развлечения. Нет необходимости обращаться ко всем мифическим прецедентам публичных зрелищ, упомянем только ритуальное происхождение боя быков, скачек и соревнований атлетов, имеющих единство в том, что действие происходит в “сосредоточенном” времени, времени повышенной напряженности; времени, оставшемся или являющимся магической заменой религиозного времени. Это “сконцентрированное” время является также и специфическим измерением таких видов массового искусства как театр и кино. Учитывая обрядовое происхождение и мифологическую структуру драмы или фильма, главным остается то обстоятельство, что оба типа зрелищ заставляют жить человека во времени, качественно отличном от “секуляризованного течения”, в темпоральном ритме, в одно и то же время сконцентрированном и четко сформулированном, который, кроме эстетической причастности, пробуждает в зрителе и глубокое эхо». И дело не только в заполнении досуга, но, продолжает Элиаде, в «превосходнейшем “отвлечении”», «дающем иллюзию господства над Временем, что, как вполне можно предположить, удовлетворяет тайное желание человека уйти от неумолимого течения времени, ведущего к смерти» [Элиаде 2015].

В связи с тем, что парки и детские площадки, а также прочие общественные пространства: клубы, рестораны, спортивные залы, магазины, кроме продовольственных, и т. д. были закрыты и оказались недоступными в реальном пространстве, расширилась интернет-торговля

и возрос спектр интернет-услуг. Мобильные компании стали предлагать самый широкий ассортимент цифровых продуктов со скидкой, предоставляя «пакет» сервисных и постсервисных услуг, обещающих экономическую выгоду потребителям. Глобальный поворот к цифре позволил заполнить досуг людей, оказавшихся в вынужденной изоляции, создал условия для замены реальной общественной жизни жизнью виртуальной, подарив тем самым массовому реципиенту надежду на защиту от вирусной инфекции, продемонстрировав одновременно заботу государства о здоровье нации.

Население больших городов восприняло карантинные ограничения неоднозначно. Часть людей полагала, что переход в цифровой экономике существенно облегчил профессиональную и бытовую стороны жизни человека, высвободил свободное время для реализации индивидуальных интересов. Другие, наблюдая переход общественной жизни, торговли и экономики в цифровой формат, стали опасаться, не приведет в дальнейшем углубление этих процессов к формированию электронного правительства и системы дигитального управления человеческим капиталом. Безусловно, корни данной дискуссии следует искать в сакральной оппозиции коллективного бессознательного рай – ад и в ее модифицированной версии свобода – рабство.

Оппозиция коллективного бессознательного рабство – свобода (как посмертное воздаяние страдальцам и освобождение от насильственного труда) восходит практически к временам возникновения рабства. Многие исследователи отмечают, что «великие мифические темы продолжают повторяться в смутных глубинах психики» [Элиаде 2015]. Конечно, утверждение, что слова «работник» и «раб» имеют общий корень, и что работник вынужден согласиться с временными ограничениями, обусловленными его профессиональной деятельностью, является смелым, но с точки зрения социально-футурологической парадигмы несет в себе глубинные смыслы. Ведь работа в дистанционном формате особенно вначале, доставила немалое удовольствие тем, кто мог работать из дома, поскольку была создана иллюзия свободного пользования не только часами досуга, но и рабочим временем. «Телеком дейли» опубликовал результаты социологических опросов¹, согласно которым многие люди наслаждались возможностью самостоятельно планировать свой распорядок

---

¹ URL: <http://tdaily.ru/news/2020/05/15/opros-telecomdaily-kak-prohodila-samoizolyaciya>.

дня и жить без стресса, вызванного перемещениями в реальном времени и пространстве, отказавшись от рутины, сопровождающей каждый выход на работу. Однако, когда эмоциональное возбуждение от новых условий дигитализации поутихло, пришло рациональное понимание новой цифровой реальности. Социологические опросы, опубликованные в телекоммуникационной сети Интернета или в социологических научных обзорах демонстрируют негативные стороны глобальной цифровизации: состояние «иног мира» требует серьезных материальных затрат на соответствующее оборудование, обеспечивающее профессиональное взаимодействие в электронном деловом пространстве; стирание границ между бытовой и профессиональной сферами приводит к нарушению и смешению межличностных и статусно ориентированных отношений; существенное увеличение рабочего дня, например, работники образования перешли на работу в режиме 20/6, а с учетом административной работы на режим 24/7. Многие участники социологических опросов столкнулись с ненадежностью цифровых технологий, в том числе в сфере бытовых услуг. Затраты на Интернет, гаджеты, платформы Zoom и др., а также доставка продуктов, вынужденное передвижение на такси, медицинские услуги и т.п. потребовали пересмотра структуры расходов и выявили существенное несоответствие между качеством и стоимостью предоставляемых услуг. Росту социального напряжения во многом способствовали реальные бытовые проблемы: отсутствие возможности уединиться в отдельном помещении, отсутствие качественных персональных компьютеров; нестабильность коммуникационных каналов, не умение пользоваться новыми программами, устаревшая техника, не соответствовавшая системным требованиям программ, нередко оказывали негативное влияние на качество работы. Несмотря на тот факт, что работник, заключенный в четыре стены, живущий в постоянном страхе перед заражением, обложенный штрафами и запретами, обреченный на непрерывное общение с детьми и второй половиной, не уверенный в завтрашнем дне, переживал длительный стресс. В целом можно выделить те области человеческой деятельности, в которых цифровые технологии выступают вспомогательным инструментом, облегчающим выполнение рутинных действий [Vartanova, Gladkova 2020]. Одновременно стали очевидными сферы, где дигитальные решения нуждаются в существенной доработке или пока не

могут использоваться обширными социальными группами. Большинство людей, которых не могли защитить цифровые технологии – это граждане с низким социальным статусом, невысокими доходами, возможно, иной расы, и очень ценный капитал любого государства: квалифицированные врачи и медицинский персонал.

В ряде случаев человечество оказалось заложником жесткого «карантинного» управления со стороны государственного администрирования и одновременно попало в цифровую зависимость. В большинстве стран, где государственные институты взяли на себя роль спасителя населения и регулятора в борьбе с эпидемией, был нарушен элементарный привычный быт. Напомним, что в 1978 г. М. Фуко в лекции «Безопасность, территория, население» показал, что в XVII–XVIII вв. больные проказой вообще выбрасывались за пределы всех социальных структур, а в случае эпидемии чумы или оспы государство использовало меры «дисциплинарного типа», которые применялись к преступникам, вместо того, чтобы использовать «регулирующие способы контроля», необходимые для защиты здоровья населения [Фуко 1978]. Тогда как и сейчас применялись четкое разделение охваченных эпидемией регионов и городов на участки, однозначно определялось, когда, в какие часы, и каким образом население может покидать их территорию, как должно вести себя дома, чем питаться, каких контактов избегать, и подчеркивали, что люди обязаны обеспечивать доступ в свои жилища инспекторам, контролирующим тот или иной участок. В данном случае мы явно имеем дело с системой дисциплинарного типа [Фуко 1996].

Трактуя приведенные выше размышления применительно к современной эпидемиологической ситуации, следует упомянуть, прежде всего, меры, с помощью которых стало возможным пресечь губительное распространение вируса. Во-первых, действия директивного типа, направленные на отграничение реальных территориальных пространств. Первое, что было сделано, например, в Евросоюзе, это закрытие границ, отмена авиарейсов, проверка температуры в портах; направление прибывших из-за рубежа на 14-дневный карантин с ограничением свободы передвижения. Одновременно, ссылаясь на рекомендации ВОЗ, медиа настоятельно рекомендовали соблюдение табу на личные контакты, рукопожатия, объятия, поцелуи и прочие обыденные невербальные действия и жесты, сопровождающие коммуникацию.

Обязательное ношение масок и перчаток, соблюдение социальной дистанции стало напоминать ритуал, исполнение которого превратилось в требование несмотря на то, что эффективность этой меры не раз подвергалась сомнению. Предприимчивые люди сразу же воспользовались новыми правилами пребывания в общественных пространствах, взвинтив цены на антисептики, перчатки и маски. В то же время указанные меры привели к тому, что наиболее сознательная часть населения существенно изменило потребительское поведение, отношение к собственному здоровью и безопасности социального окружения. Предпринятые шаги, основанные на архетипических структурах, принятых в российском национально-культурном социуме, продемонстрировали массовому реципиенту институциональную поддержку и защиту, вселив уверенность в правильности административных решений.

Опора на базовую эмоцию страха перед заражением при одновременном внедрении дисциплинарных мер по спасению, а также регулярном информировании массового реципиента через СМИ о статистических данных и поиске действенной вакцины против вируса привели к принятию большей частью населения условий цифровой экономики и высокотехнологического контроля над перемещениями в пространстве. Вирусологи предупреждают, что covid-19, это навсегда. Дистанционное обучение – наше всё, несмотря на возражения со стороны студентов, преподавателей и общественных деятелей¹.

Механистичность и превращение человека в робота, в биологическую приставку к компьютеру, возникшие как опасение в период перехода к дистанционным формам коммуникации, – это тоже миф, но произведенный не традиционной мифологией, а мифологией Просвещения и романтизма, миф Нового времени. Это мифологическая конструкция интеллектуалов и для интеллектуалов, поэтому она не является широко востребованной и тиражируется в ограниченных группах.

---

¹ URL: https://tsargrad.tv/news/my-jelita-a-vy-obsluživaete-mihalkov-snova-nanjos-udar-grefu_263088;
<https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSensR2zKlIo2QsIl7uX2XYs3T-J7r2AZs3DScyhZM0yqNyGjrw/viewform>;
<https://philologist.livejournal.com/11491722.html>

Заключение

Анализ приведенных материалов показал, что даже фрагментарное использование в СМИ элементов мифологического мышления позволяет постоянно информировать население об угрозах распространения эпидемии и средствах защиты от нее с помощью научно обоснованных рекомендаций и правил поведения, хотя сами материалы строятся с использованием архетипов. Это объясняется тем, что сегодня «миф больше не доминирует в существенных секторах жизни, он вытеснен частично на более скрытые уровни психики» [Элиаде 2015, с. 66] в отличие от функционирования этой системы в традиционных обществах. «В примитивной культуре миф выполняет незаменимую функцию: он выражает, укрепляет, кодифицирует веру; он оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы; он подтверждает действительность образа и содержит практические правила» [Малиновский 1998, с. 99]. Совокупная работа всех элементов культуры позволяет поддерживать внимание реципиента к проблеме на протяжении длительного времени, стимулировать к практическим действиям, обеспечивающим сохранение здоровья, а также формировать ответственное отношение к социальному окружению – родным, близким, соседям, коллегам и друзьям. Мониторинг ситуации с постоянно обновляемыми данными должен продемонстрировать, что пандемия находится под контролем ответственных лиц, а ситуация с вирусом является управляемой. Самые мрачные прогнозы и сценарии все же не позволяют утверждать, что современная цивилизация утратила гуманистические составляющие глобального мифа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2008. [Bart, R. (2008). *Mifologii (Mythologies)*. Moscow: Akademicheskii proyekt. (In Russ.)].
- Денисова Г. В.* Интертекст в современной социокультурной реальности России и Италии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. [Denisova, G. V. (2020). *Intertekst v sovremennoy sotsiokul'turnoy real'nosti Rossii i Italii (Intertext in the modern socio-cultural reality of Russia and Italy)*. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya». (In Russ.)].
- Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 58–65. [Kassirer, E. (1990). *Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov (The technique of*

- modern political myths). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya*, 2, 58–65. (In Russ.).
- Келекеев А. La Stampa: 80% российской помощи Италии бесполезно // Коммерсант. 26 марта 2020 г. [Kelekeyev, A. (2020). La Stampa: 80% rossiyskoy pomoshchi Italii bespolezno (Stampa: 80% of Russian aid to Italy is useless). *Kommersant*. 26 marta 2020 g. (In Russ.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4302112> (data obrashcheniya: 13.02.2021).
- Кондаков И. «Ящик Пандоры». Новые аспекты взаимосвязи культурного и биологического на фоне пандемии // Искусство в контексте пандемии: медиатизация и дискурс катастрофизма: Коллективная монография / отв. ред. А. А. Новикова, Е. В. Сальникова, В. Д. Эвальд. М.: Издательские решения по лицензии Ridero, 2020. С. 28–78. [Kondakov, I. (2020). «Yashchik Pandory». *Novyye aspekty vzaimosvyazi kul'turnogo i biologicheskogo na fone pandemii* (“Pandora’s Box”. New aspects of the relationship between cultural and biological in the context of the pandemic). In Novikova, A. A. et al. (eds.), *Iskusstvo v kontekste pandemii: mediatizatsiya i diskurs katastrofizma* (pp. 28–78). Moscow: Izdatel’skiye resheniya po litsenzii Ridero. (In Russ.).
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: АСТ, 2011. [Levi-Stross, K. (2011). *Strukturnaya antropologiya* (Structural anthropology). Moscow: AST. (In Russ.).
- Малиновский Б. К. Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук, 1998. [Malinovskiy, B. K. (1998). *Magiya, nauka, religiya* (Magic, science, religion). Moscow: Refl-buk. (In Russ.).
- Мифы народов мира / под ред. С. А. Токарева. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. 1980. С. 670–671. [Mify narodov mira (1980). (Myths of the peoples of the world). Pod red. S. A. Tokareva. T. 2. (pp. 670–671). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Мохажега Дж. Коронавирус как демон // Прощай COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. [Mokhagega, Dzh. (2020). *Koronavirus kak demon. Proshchay COVID?* Pod red. K. Gaaze, V. Danilova, I. Dudenkovoy, D. Kralechkina, P. Safronova. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Писанова Т. В., Альварес А. А. Пространства коммуникации Испании и Латинской Америки: многоязычие, литература, традиции перевода. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. [Pisanova, T. V., Al’vares, A. A. (2019). *Prostranstva kommunikatsii Ispanii i Latinskoj Ameriki: mnogoyazychiye, literatura, traditsii perevoda* (Communication spaces of Spain and Latin America: multilingualism, literature, translation traditions.). Moscow: FSBEI HE MSLU. (In Russ.).
- Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления // Всемирная

- организация здравоохранения. [Rekomendatsii VOZ dlya naseleniya v svyazi s rasprostraneniem novogo koronavirusa (2019-nCoV): mify i lozhnyye predstavleniya (WHO recommendations for the population in connection with the spread of the new coronavirus (2019-nCoV): myths and misconceptions). (In Russ.)]. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters> (data obrashcheniya: 13.02.2021).
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Лекция 11 января 1978 г. [Fuko, M. (1978). Bezopasnost', territoriya, naseleniye (Security, territory, population). Lektsiya 11 yanvarya 1978 g. (In Russ.)]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6693/6694> (data obrashcheniya: 13.02.2021).
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. [Fuko, M. (1996). Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let (The will for truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years). Per. s frants. Moscow: Kastal'. (In Russ.)].
- Элиаде М. История веры и религиозных идей. От Магомета до Реформации. М.: Академический проект, 2015. [Eliade, M. (2015). Istoriya very i religioznyh idej. Ot Magometa do Reformacii (History of Faith and Religious Ideas. From Mahomet to the Reformation). Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)]
- Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев ; Москва: Государственная библиотека Украины для юношества, 1997. [Yung, K. G. (1997). Dusha i mif. Shest' arkhетipov (Soul and myth. Six Archetypes). Kiev ; Moscow: Gos. biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva. (In Russ.)].
- Vartanova E. L., Gladkova A. A. Old and new discourses in Emerging States: communication challenges of the digital age // Journal of Multicultural Discourses. 2020, 15:2. P. 119–125.

В. А. Пищальникова, У. П. Природина

Пищальникова В. А., доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
pishchalnikova@mail.ru

Природина У. П., кандидат филологических наук
преподаватель Частного образовательного учреждения
дополнительного образования по изучению иностранных языков
«Скандинавская школа»
brasikaikea@rambler.ru

**СПОСОБЫ КУЛЬТУРНОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ
ШВЕДСКИХ ИМЕННЫХ ГЛЮТТОНИМОВ
И ГЛЮТТОНИМИЧЕСКИХ ЭРГОНИМОВ**

Авторы статьи анализируют культурные значения, отраженные в названиях глюттонимов и глюттонимических эргонимов и реализующие содержание автостереотипов шведов и их базовых ценностей. Авторы выделяют способы приобретения изучаемой лексикой культурно обусловленных смыслов: включение продукта в существующую традицию; использование его в качестве компонента формирующейся традиции; приобретение продуктом собственного символического содержания; развитие культурного значения на основе престижности известного бренда. Культурные значения таких реалий участвуют в формировании оценочных представлений шведов.

Ключевые слова: культурный смысл; гастрономическая культура; этническая картина мира; шведский язык; антропоним; именной глюттоним; именной глюттонимический эргоним.

Pishchalnikova V. A., Prirodina U. P.

Pishchalnikova V. A., Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
pishchalnikova@mail.ru

Prirodina U. P., PhD (Philology)
Lecturer at "Nordic School", private educational institution of additional education
brasikaikea@rambler.ru

METHODS FOR CULTURAL SYMBOLIZATION OF SWEDISH NOMINAL GLUTTONYMS AND GLUTTONYMIC ERGONYMS

The authors of the article analyse cultural meanings that are represented in the names of gluttonyms and gluttonymic ergonyms which bring to the surface the content of autostereotypes of the Swedes and their basic values. The authors identify the ways in which vocabulary acquires culturally determined meanings: integration of a product in the existing tradition; its usage as a component of an emerging tradition; the product acquiring its own symbolic content; developing cultural significance based on the prestige of a well-known brand. The cultural meanings of these realities contribute to the formation of the value perceptions of the Swedes.

Key words: cultural meaning; gastronomic culture; ethnic worldview; the Swedish language; anthroponym; nominal gluttonym; nominal gluttonymic ergonym.

Гастрономическая культура и современные тенденции ее развития

Гастрономическая культура социума реализуется в специфике национальной кухни: в избирательности продуктов, особенностях их использования и приготовления, в специфике подачи и приема пищи, что отражается и в системе общественного питания. Всё перечисленное определенным образом транслирует культурные традиции, нормы и базовые ценности, т. е. становится носителем определенных культурных значений. При этом гастрономическая культура как часть культуры этноса/социума выполняет несколько взаимосвязанных функций, из которых для нашего исследования более важны *регулятивная* как способ стабилизации определенного социального порядка за счет распределения еды, *статусная* как предписывание индивиду одобряемой обществом пищевой стратегии, соответствующей социальному статусу человека и связанная с предыдущей функция *самоидентификации*, выявляющая этничность и принадлежность индивида к определенной социальной группе.

Культурологи отмечают, что в гастрономической культуре современности существуют две разнонаправленные тенденции, которые во многом аналогичны общим тенденциям развития общества. С одной стороны, стремительное распространение быстрого питания под влиянием американской модели необремененного ритуалами насыщения приводит к упрощению продуктов и процесса питания. С другой – актуализируется мода на некоторые блюда национальной кухни (вьетнамской, итальянской, китайской), не приводящая, правда, в целом

к распространению национальных гастрономических культур, в которых эти блюда созданы; кроме того, национальные блюда всегда присутствуют на праздничном столе. В современных поваренных книгах эти тенденции отражены вполне: в них представлены рецепты приготовления как национально специфических блюд и напитков, так и возникших в результате сложного смешения разных культур.

Выделяемая культурологами гастрономическая рефлексия, зафиксированная в поваренных книгах, художественной литературе и др., обращена к вопросам о том, какое место занимает еда в жизни индивида и общества, в чем проявляется специфика национальной еды, поэтому такая рефлексия неизбежно социально направлена. Для осознания национальной специфичности гастрономического аспекта культуры важно не только определить «философию» национально обусловленного пищевого поведения, закрепленную отчасти в этимологии названий традиционных кушаний, но и установить, как закреплена в различных способах номинации значимость этой стороны культуры. Поэтому цель данного исследования – описать способы приобретения культурных значений антропонимами в шведском гастрономическом дискурсе.

Для анализа были отобраны именные глуттонимы (названия продуктов питания, блюд, напитков) и именные глуттонимические эргонимы (номинации предприятий, компаний, занимающиеся производством продуктов питания и напитков) по следующим критериям: принадлежность к традиционным шведским кушаньям, используемым как на праздничном столе, так и в повседневном питании; предприятия, компании, занимающиеся производством продуктов питания и напитков, должны быть устойчиво популярными в Швеции в течение длительного времени.

О степени связи представленных лексических групп с другими и включенности их в систему шведского языка может свидетельствовать (1) выделение структурно-семантических типов именных глуттонимов и именных глуттонимических эргонимов, демонстрирующих их подчиненность языковой системе; (2) установление истории их появления, позволяющей определить время существования и степень традиционности обозначаемых ею реалий, проявляющуюся в системе культурных ассоциаций. Это позволит рассматривать значимость кушаний, обозначаемых исследуемой лексикой, как компонентов традиционной и современной гастрономической культуры Швеции, определить соотносимые с ней национально-культурные значения.

Материал исследования отобран приемом сплошной выборки из следующих изданий: *Maträtternas historia, Varför heter lådan Jansson? 100 kända namn på mat och dryck, Svenska traditioner*, «Скандинавская кухня. Простая и уютная еда на любой случай», «Скандинавское лето. Простая и уютная еда для теплых и светлых дней» [Wärnåker 2019; Ekström 2012; Swahn 2007; Бронте 2019; Бронте 2018].

Модели номинации глуттонимов и эргонимов как показатель системности лексической группы

Именные глуттонимы и глуттонимические эргонимы представлены рядом моделей номинации:

– названия, представленные личным именем в именительном / родительном падеже: *Sibylla, Annas*;

– названия, представленные фамилией в именительном / родительном падеже *Ekströms, Dafgårds, Lithells, Löfbergs* или фамилией в именительном падеже с добавлением суффикса *are* со значением «деятель»: *Wallenbergare*;

– составные названия, представленные личным именем и фамилией или одним из антропонимов в именительном / родительном падеже, и именем нарицательным, указывающим на компоненты блюда (*Biff Greta – Бифштекс Грета, Gustav Adolf-bakelsen – Пирожное Густав Адольф, Biff à la Lindström – Бифштекс а-ля Линдстрём, Kalles Kaviar – Икра Калле, Prins Bertils crêpes – Блинчики принца Бертиля, filé Oscar – Филе Оскар, Pelle Janzons tigerbiff – Тигровый бифштекс Пелле Янсона*);

– на форму выпуска продукта питания (*Ahlgrens bilar – букв. ‘машины Альгрена’*);

– абстрактные понятия (*Janssons Frestelse – Искушение Янссона, Flygande Jacob – Летящий Якоб*).

В именовании глуттонимов используются лексические единицы французского языка, распространенные в качестве гастрономических терминов в мировой и европейской практике: *à la* – наподобие, по образцу кого-либо, *crêpes* – блинчики, *filé* – филе и др. Заимствования таких терминов из французского языка особенно активно осуществлялись в XVII–XVIII вв. [Маслова-Лашанская 2011].

Антропонимы, представленные в моделях номинации глуттонимов и эргонимов, можно разделить на следующие группы:

- королевские особы (*Oskar Fredrik, Prins Bertil, Gustav II Adolf*);
- известные предприниматели и члены их семей (*Henrik Eberhard Ekström, Fredrik Ahlgren, Gunnar Dafgård, Carl, Maria Christina Lindström, Greta Odén, Amalia Wallenberg, Anna Karlsson, Sibylla, Oskar Lithell, Josef, Anders, John Löfberg*);
- политические деятели (*Henrik Lindström*);
- деятели культуры (*Per Adolf* (“Pelle”) *Janzon*) и др.

Не все названия культурологически связаны с социальной ролью перечисленных исторических лиц, их качествами или с какой-либо причастностью к изготовлению номинируемых блюд – они используют «имиджевый потенциал» личных имен для повышения значимости, престижности и популярности кушаний.

Кроме того, с той же целью блюда могут быть названы в честь создателя рецепта/предприятия, компании (*Biff à la Lindström, Wallenbergare, Ekströms, Ahlgrens bilar, Dafgård, Annas, Lithells, Löfbergs*); в честь известного человека, который впервые заказал блюдо и предложил его состав (*Prins Bertils crêpes, Pelle Janzons tigerbiff*); в честь человека как проявление уважения к нему или как символ определенной эпохи (*filé Oscar, Biff Greta, Sibylla*) и др.

Модели номинации гастрономической шведской лексики активно используются и для называния различных объектов разных сфер деятельности и не выявляют словообразовательной специфики в этой области. Однако эти модели способны актуализироваться в процессе закрепления за лексемами культурологических значений.

Способы образования культурных смыслов реалий, обозначенных исследуемой лексикой

Исследуемая группа лексики представляет особый интерес для моделирования этнической картины мира, в которой фрагмент, связанный с гастрономической культурой, репрезентирует определенные этнические традиции, представления, базовые ценности, аксиологические установки и стереотипы. Отметим, что в понимании картины мира мы следуем за В. фон Гумбольдтом, который полагал, что картина мира создается только на базе родного языка в речевой деятельности индивида.

Рассмотрим некоторые способы вхождения гастрономических реалий в культурные традиции и стереотипы, приобретение этими реалиями специфических культурных значений.

1. *Biff à la Lindström* / Бифштекс а-ля Линдстрём впервые подали в 1862 г. в отеле *Hotell witt* в г. Кальмар. Тогда в тех краях гостил капитан Хенрик Линдстрём (*Henrik Lindström*), консул России, Франции, Испании на острове Готланд. Он был видным шведским промышленником, родившимся и выросшим в шведской семье в Санкт-Петербурге. Известна легенда, что именно русская кухня вдохновила его на создание рецепта рубленого бифштекса, и Хенрик Линдстрём сам руководил первым процессом приготовления этого блюда, которое и было названо в его честь *Biff à la Lindström*. Постепенно рубленый бифштекс с каперсами и (маринованной) свеклой в силу простоты приготовления и вместе с тем простоты ингредиентов и пикантности вкуса стал популярным в Швеции. Существует и другая история создания блюда, согласно которой содержательница кофейен в Стокгольме Мария Кристина Линдстрём (*Maria Christina Lindström*) открыла лавку, где продавала бифштексы из фарша, смешанные с рубленой свеклой. Обе «версии» появления продукта не существуют отдельно: первая демонстрирует простоту, естественность знаменитых людей, вторая ее подчеркивает. Между содержанием версий на основе глуттонима образуется устойчивая связь, **которая акцентирует социально одобряемые ценности шведов и разностороннее проявление базовых аксиологических представлений в шведской культуре.**

Вариант приготовления котлет *Wallenbergare* из телячьего фарша с добавлением сливок, яичных желтков и специй, обжаренного в панировочных сухарях, получил свое название по фамилии Амалии *Wallenberg*, дочери автора первой кулинарной книги на шведском языке *Kokkonsten* Чарльза Эмиля Хагдаля. Включение рецепта блюда в знаменитую поваренную книгу под именем известной представительницы семьи финансистов, с одной стороны, увеличивает престижность блюда, с другой – подчеркивает простоту питания богатых людей, становясь еще одним **символом традиционной умеренности шведов, формируя у кушанья специфическое культурное значение.** *Wallenbergare* встраивается в ряд шведских национальных блюд, которые отличаются максимальной простотой в приготовлении, естественностью вкуса, быстро и надолго насыщают.

Авторитетность человека, именем которого названо то или иное блюдо, может стать толчком к распространению не только самого блюда, но и формирования еще одного проявления «шведскости». Князь

Жан-Батист Бернадот, в 1810 г. приехавший в Швецию, был усыновлен Карлом XIII, а уже в 1818 г. официально вступил на престол как Карл XIV Юхан и стал основателем королевской династии Бернадотов. Он много путешествовал по Швеции с целью ознакомления с новой для него страной и не мог не заметить, что многие жители голодают. И тогда Карл XIV призвал шведов использовать в пищу белые грибы, которые в изобилии появлялись осенью, но практически не употреблялись населением [Чеснокова 2020] и вовсе не потому, что простой народ не понимал их вкусовых качеств: в XIX в. в Европе грибы ели, как правило, только аристократы, чаще французы, и у викингов – волхвы: поедая с грибами души людей, что жили в грибах, волхвы ощущали просветление и якобы получали от Одина истину. Карл XIV разрешил употребление грибов всем, за что получил прозвище *Karljohanssvamp*, *Karljohan* (шв. ‘белый гриб, боровик’), а белый гриб постепенно стал одним из «шведских» компонентов многих блюд.

Продолжают эту традицию использования важности человека, в честь которого названо блюдо, и другие глуттонимы. Принц Бертил Шведский (1912–1997) питал страсть к спорту, автомобилям и еде. Последняя страсть привела его в крупнейшую кулинарную школу *Cordon Bleu* / Голубая Лента Парижа и созданию особого рецепта тонких блинчиков с начинкой из креветок с укропом в голландском соусе, получивших название *Prins Bertils crêpes* / Блинчики принца Бертиля. Благодаря постоянному воспроизведению истории создания кушанья представителем королевской династии, не чуравшемуся работы повара, оно стало чрезвычайно популярным.

2. Предприятие *Ekströms* / Экстрёмс, названное по имени аптекаря Хенрика Эберхарда Экстрёма, предложившего еще в XIX в. своему бизнес-партнеру производство минеральной воды и прохладительных напитков, издавна производит *nyponsoppa* – кисель (суп) из шиповника, *blåbärssoppa* – черничный кисель и ванильный крем *Marsán*. Продукты это простые, непрестижные и не обладающие потрясающими вкусовыми качествами, однако с 1958 г. они быстро становятся популярными. Руководство предприятия решило сделать свою продукцию символом традиционной массовой лыжной гонки *Vasaloppet* / Васалоппет, которая проводится в Швеции в первое воскресенье марта: участникам гонки подают черничный суп. Таким образом, **включение продукта в уже существующую культурную традицию**, создание устойчивой ассоциации *Vasaloppet* – черничный кисель превращает незатейливый продукт

в компонент этой традиции: черничный кисель становится символом здорового образа жизни, и во время проведения гонки выпиваются тысячи литров «черничного супа» компании *Ekströms*.

Когда в 1854 г. в Гетеборге устанавливали статую короля Густава II Адольфа, организаторы праздника предложили его участникам особое марципановое пирожное под названием *Gustav Adolf-bakelsen* / Пирожное Густав Адольф, изготовленное в форме силуэта короля. Это пирожное, сейчас разное по форме и составу, но сохраняющее первоначальное название, стало символом 6 ноября – ежегодно отмечаемого дня памяти короля. Продукт становится компонентом формирования новой традиции и новых культурных ассоциаций.

В начале 1930-х гг. у шведов становится популярной простая запеканка из анчоусов *Jansson* / Янссон, которую впервые приготовившая ее хозяйка назвала так, чтобы на торжественном ужине эта простая еда из картофеля, репчатого лука, анчоусов и сливок привлекла внимание: в кинотеатрах демонстрировался популярный немой фильм *Janssons Frestelse* / Искушение Янссона, ассоциация с героем которого и могла способствовать привлекательности нехитрого блюда. (Существуют и другие мифы о номинации этого блюда, однако в любом случае для привлечения внимания к нему используются имена собственные популярных в стране людей). Возможно **выстраивание собственного символического культурного содержания и на основе отсылки к престижности известного бренда.**

Так, в 1953 г. в Швеции появился жевательный мармелад компании *Ahlgrens bilar* / Альгрэнс билар (шв. *bilar* – форма мн. ч. сущ., *bil* ‘машина’) в форме машинок. Некоторым потребителям показалось, что мармеладные машинки напоминают одну из моделей автомобилей марки Бугатти – легковых автомобилей класса люкс, которые и сейчас находятся в топах самых дорогих, престижных и быстрых. Отдаленное сходство формы мармелада с формой престижного автомобиля было поддержано, растиражировано, и в настоящее время такая культурная ассоциация является устойчивой.

Заключение

Культурное значение, отраженное в названиях глоттонимов и глоттонимических эргонимов, как правило, связано с содержанием автостереотипов – представлений шведов о себе, о специфике своей психологии и базовых ценностях, о величии правителей и значимости

народных героев. История отношений народа к своим героям находит своеобразное преломление в системе гастрономической лексики и может служить основой для анализа соответствующего фрагмента этнической картины мира. Диахроническое изучение гастрономических номинаций, уточненное этимологическим анализом лексики, может дать новое знание о создании культурных традиций на основе «вмешательств языка в действительность» (В. фон Гумбольдт) и о взаимоотношении их с базовыми ценностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бронте А.* Скандинавская кухня. Простая и уютная еда на любой случай. М.: Эксмо, 2019. [Bronte, A. (2019). Skandinavskaya kuhnya. Prostaya i uyutnaya eda na lyuboj sluchaj (Scandinavian cuisine. Simple and cozy food for every occasion). Moscow: Eksmo. (In Russ.)].
- Бронте А.* Скандинавское лето. Простая и уютная еда для теплых и светлых дней. М.: Э, 2018. [Bronte, A. (2018). Skandinavskoe leto. Prostaya i uyutnaya eda dlya teplyh i svetlyh dnei (Scandinavian summer. Simple and delicious food for warm and light days). Moscow: E. (In Russ.)].
- Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка / под ред. А. В. Савицкой. 2-е изд. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. [Maslova-Lashanskaya, S. S. (2011). Leksikologiya shvedskogo yazyka (Lexicology of the Swedish language). In A. V. Savickoj (ed.). 2nd ed. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)].
- Чеснокова Т. А.* Шведский язык в аспекте лингвострановедения. М.: У Никитских ворот, 2020. [Chesnokova, T. A. (2020). Shvedskij yazyk v aspekte lingvostranovedeniya (The Swedish language in the aspect of linguistic and regional studies). Moscow: U Nikitskih vorot. (In Russ.)].
- Ekström H.* Varför heter lådan Jansson? 100 kända namn på mat och dryck. Slovenien : Oskarsdotter & Co AB, 2012. (In Swedish).
- Swahn J.-Ö.* Svenska traditioner. Bromma: Ordlaget Bokförlag AB, 2007. (In Swedish).
- Wärnåker T.* Maträtternas historia. Kalmar : Stevali, 2019. (In Swedish).

Цюй Юнь

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
alex9526qun@yandex.com

**СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ
«ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» В КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ
КАК ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ**

По мере быстрого развития современного общества появляются различные социальные проблемы, которые актуализируются и решаются разными способами, в том числе и использованием социальной рекламы. Она распространяет в обществе позитивную концепцию общественного благосостояния с целью влияния на социальное поведение, выполняя ценностно ориентированные и образовательные функции и играя важную роль в идеологическом, моральном и культурном воспитании населения. Содержание китайской социальной рекламы базируется на основах духовной культуры – системе нравственных (моральных) ценностей. Автор статьи анализирует структурное соотношение письменного текста и рисунка в китайской рекламе как поликодовом тексте, представляющем базовую моральную ценность «добросовестность».

Ключевые слова: социальная реклама; массмедиа; базовые ценности; моральные ценности; поликодовый текст.

Qu Yun

PhD Student at the Faculty of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
alex9526qun@yandex.com

**WAYS OF REPRESENTATION OF THE MORAL VALUE “INTEGRITY”
IN CHINESE SOCIAL ADVERTISING AS A MULTIMODAL DISCOURSE**

With the rapid development of modern society, there are various social problems that are actualized and solved in different ways, including the use of social advertising. It disseminates the positive concept of social welfare in society to influence social behaviors, performing value-oriented and educational functions, and playing an important role in the ideological, moral, and cultural education of the population. The content of Chinese social advertising is based on the foundations of spiritual culture – a system of moral values. The author of the article analyses the structural relationship between texts and drawings in Chinese advertising as a multimodal discourse, representing the basic moral value of “integrity”.

Key words: public service announcement; mass media; basic values; moral values; multimodal discourse.

Социальная реклама как фактор формирования мировоззрения

Социальная реклама – это один из видов рекламы, целью которой является привлечение внимания к существенным проблемам общества, формирование одобряемых обществом новых ценностей и при необходимости – смена моделей социального поведения. С помощью такой рекламы в общество внедряются стереотипы и идеи, как правило, способствующие гуманизации социальной среды [Крупнов 2006; Солодовникова 2013].

Представление о системе моральных ценностей является культурно обусловленным и исторически складывается в социуме как совокупность мнений о значимости в жизни людей основополагающих идей, понятий, религиозных воззрений [Москвина 2015]. Системой моральных ценностей во многом определяются мотивы и эмоции поведения людей в процессе жизнедеятельности, формирование оценочных суждений, разграничение таких категорий, как правда и ложь, добро и зло и т. д., что в целом влияет и на психическое здоровье индивида и общества.

Социальная реклама в Китае широко используется на радио, телевидении, в Интернете, что делает её важной частью повседневной жизни. Она последовательно и систематически представляет господствующую идеологию, порождаяемые ею нравственные принципы и систему ценностей, тем самым значительно влияя на поведение людей и на формирование их мировоззрения [Пищальникова, Пэй Цайся 2020].

По сравнению с другими видами рекламы тематика социальной специфична и направлена на выработку моральных принципов жизни людей, их активную общественную позицию и распространение форм социально одобряемого общественного поведения и в целом – на распространение прогрессивной концепции общественного благосостояния.

Цель данной статьи – анализ некоторых способов представления содержания моральной ценности «добросовестность» в китайской социальной рекламе, стоящей сегодня в ряду актуальных ценностей социализма. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью 1) выявления способов языкового репродуцирования содержания ценностей в китайском социуме, 2) создания эффективных процедур психолингвистической диагностики воздействия поликодовых текстов. Основные задачи исследования: установление психологически актуального для китайского народа содержания социальной

рекламы «добросовестность»; определение национально специфичных способов объединения гетерогенных компонентов поликодового рекламного текста, представляющего ценность «добросовестность».

Доминирующая социальная ценность «добросовестность» и ее репрезентация в рекламе: анализ и результаты

В последние годы в Китае усиливается продвижение основных ценностей социализма, и соответствующие рекламные лозунги и плакаты широко распространены [Пищальникова и др. 2020]. «Добросовестность» является одной из социально одобряемых ценностей: реклама призывает быть честным и добросовестным, чтобы усовершенствовать культурно присущие китайскому народу добродетели. Рассмотрим Рисунок 1 с целью установления способов репрезентации содержания этой ценности.

Рис. 1. Реклама (1) ценности «добросовестность»

Фонем изображению является разорванная бумага, на которой ярко выделяется выполненное в желтом и красном цвете 诚信 – добросовестность. Создатели рекламы актуализируют содержание ценности, изображая на белом поле, контрастирующем с серо-черным, ключи слова добросовестность: быть и человек, выделенные красным цветом. Правая часть первого иероглифа и левая часть второго иероглифа создают новое слово – 成人, которое означает «быть человеком».

Такое изображение недвусмысленно подчеркивает мысль о том, что проявлять добросовестность означает быть человеком. В этой рекламе представлен прием использования специфической структуры китайского иероглифа. Внизу рекламного пространства также с помощью цветового контраста акцентирована надпись 诚信方能成人 – Только добросовестный человек может называться человеком. Таким образом, в тексте рекламы совмещаются несколько приемов подчеркивания содержания ценности: рисунок, цветовой контраст, способность ключей, или базовых китайских иероглифов – относительно простых символов, из которых состоят иероглифы, выступать отдельным словом, входить в качестве составной части в более сложные иероглифы.

Рис. 2. Реклама (2) ценности «добросовестность»

В социальной китайской рекламе распространено использование цитат из древних знаменитых текстов, что, с одной стороны, способствует привлечению внимания к традиционной культуре, опоре на нее, с другой – формирует представление о древности и неизбежности к итайской культуры.

Так, реклама (2) ценности «добросовестность» выполнена в технике китайской тушевой живописи, в ней использована каллиграфия и элементы традиционной природной живописи: бамбук, гора, цветы лотоса, храм (см. рис. 2). В тексте этой рекламы процитирован древний философ Мэн-Цзы, живший в 372–289 гг. до н. э., который продолжал конфуцианские традиции: 诚者天之道也, 诚之者人之道也 – Добросовестность – это закон природы, а быть добросовестным – это закон человечества.

Это высказывание дано на фоне совокупности традиционных рисуночных компонентов: лотоса как символа жизни счастья, чистоты, совершенства, красоты; пяти вершин гор как репрезентации космогонической модели Поднебесной, гор как опорных столпов мироздания, символов покоя души и тела. Исследователи указывают, что изображение гор в пейзажах асимметрично и обычно представляет группы в три и две горы, что символически соответствует принципам инь и ян. Ветвь бамбука в левом верхнем углу рекламного текста символизирует долголетие, жизненную стойкость, высокие моральные качества, сыновью почтительность и преданность. Храм на берегу озера в китайской пейзажной живописи символизирует духовность, подчеркивая важность добросовестности в человеческой жизни. Использование традиционных изобразительных символов еще более подчеркивает нерушимость и важность культурных традиций и необходимость следовать им, потому что в этих символах представлено единство философии бытия древних жителей Поднебесной, проявляющееся в законах, отношении к природе, в этических воззрениях и т.д. Таким образом, содержание рисуночных компонентов символически поддерживает вербальную составляющую текста.

人之道 в соответствии с традиционной культурой – это принцип поведения, закон человечества; человечество следует природе и зависит от законов природы, поэтому стремление к добросовестности должно стать одним из основных требований к себе у каждого человека. Следовательно, обращение к мудрости древних помогает создателям современной рекламы обойтись без лозунговости, императивных высказываний и одновременно в разной форме представить содержание древнейшей ценности, которая социально одобряется и в настоящее время.

Еще один пример обращения к традиционным ценностям ради актуализации ценности, значимой для современности, представлен в рекламе (3) (см. рис. 3).

Рис. 3. Реклама (3) ценности «добросовестность»

Отметим важность изображения неба, являющегося фоном для всех других элементов этой рекламы. Небо – один из важнейших и древнейших культов Китая, связывающий фундаментальные положения философии, религии, бытового существования. Небо входит в триаду Небо – Земля – Человек как основание бытия и трактуется издревле не только как верховное божество, но и как высшая творящая сила, высшее природное начало, сама природа и природное в человеке. Небо – владыка и источник всего. Земля призвана лишь пассивно повиноваться законам Неба. Эти представления вошли в мир повседневности китайца, поэтому символика рисуночного компонента легко угадывается любым представителем китайской культуры. На фоне голубого неба изображены два большие иероглифа золотого цвета, представляющие ценность «诚信» / добросовестность. Золотой цвет в китайской культуре – символ благородства, святости, богатства. В Древнем Китае с династии Хань золотой цвет появился в королевском дворце, и был введен запрет на использование золотого цвета среди обычных людей. В рекламном изображении эта символика акцентирована: золотой цвет

указывает на значимость, подчеркнутую важность добросовестности как социально одобряемой ценности.

Ниже этого слова 诚信 / добросовестность размещена фраза: 一言九鼎, 重于泰山 / Слова имеют большой вес, тяжелее, чем гора Тайшань. Элемент 一言九鼎 отсылает пользователя рекламы к «Историческим записям: Жизнеописанию правителя Пинюань», в котором отмечено: вес одного предложения стоит общего веса девяти жертвенных треножников 鼎 / Дин [汉语大词典 1993]. Этот треножник – наиболее известная форма ритуальной утвари в Китае, которая считается типичным символом наивысшей власти, изначально – императорской. И потому акцентируется значение иероглифа ‘выдающийся’, ‘благородный’ и ‘великий’. 九鼎 / девять Дин одновременно символизируют девять областей древнего Китая. Следовательно, подчеркивается не только метафорическое содержание вербального компонента текста: слова имеют больший вес / весомее, чем гора Тайшань, но и их значимость для всего населения Китая.

Еще один рисуночный элемент рекламы – 泰山 / гора Тайшань – подчеркивает важность культуры, историческую значимость традиций, поскольку Тайшань входит в число пяти священных гор Китая и считается высочайшей из них. Дин изображен на фоне неба, в которое как бы упирается вершина горы Тайшань. Таким образом, пиктографические и вербальные компоненты поликодового рекламного текста в совокупности объединяются общим метафорическим значением «Нужно держать слово и быть добросовестным человеком».

Рассмотрим еще один рекламный текст (см. рис. 4).

Рис. 4. Реклама (4) ценности «добросовестность»

В левом верхнем углу текста изображена китайская печать с семью иероглифами: 诚实守信, 以信为砒 / Будь добросовестным и надежным, добросовестность – гиря жизни). Они расположены вертикально справа налево, на красном фоне, который резко контрастирует с белым цветом иероглифов, что делает их самым заметным визуально-текстовым компонентом рекламы. Такое соотношение цветов характерно для иньской печати в традиционной резьбе китайских печатей для каллиграфии и уже формой своей отсылает к культурным традициям. Китайские печати различаются формой – чаще всего это квадрат или прямоугольник, несколько реже встречаются круглые, овальные и фигурные оттиски. Помимо различной формы, их делят на два типа по сочетанию красной мастики и белого цвета самой бумаги: печати с красными иероглифами на белом фоне (янские) – печати с выпуклой рельефной резьбой, используемые обычно в свободных стилях китайской каллиграфии: синшу (бегущий стиль), цаошу (травяной стиль). Второй тип – печати с белыми иероглифами на красном фоне (иньские) – печати с углубленной резьбой, используемые обычно в уставных и полууставных стилях китайской каллиграфии: кайшу, лишу и чжуаньшу и др. Принадлежность к перечисленным стилям позволяет считать и надписи (рисунки), сделанные в рамках этих стилей, более устойчивыми, стабильными и стилистически торжественными, что метонимически связывается с необходимостью стабильности добросовестности как социальной ценности. Следовательно, рисуночный компонент рекламы одновременно активизирует или формирует знание о традиционных артефактах культуры.

В правом нижнем углу текста обозначены изготовители рекламы: Бюро пропаганды и воспитания Отдела пропаганды ЦК КПК и сайт развития духовной культуры Китая – эта информация размещается на всей рекламной продукции бюро, причем важны вид и цвет шрифта: жирный (SimHei) или стандартный (SimSun) шрифт на красном цвете, что делает его не только более заметным, но указывает на официальность.

Еще один рисуночный компонент рекламы – традиционные китайские рычажные весы, размещенные горизонтально. Уже в 200 г. до н. э. в Китае существовали весы с коромыслом для измерения грузов с использованием принципа рычага. Весы состоят из рычага с делением, крючка, на который подвешивают предмет, веревки, за которую весовщик держит безмен, и гири для весов. Во времена династии Цин писатель Ли Гуантин в своей книге «Сянянь Цзеи» сказал:

«市肆谓砝码为招财童子, 谓秤锤为公道老儿» / На рынке называют гири мальчиком, приносящим богатство, весы называют стариком справедливости [Ли Гуантин 1982]. В анализируемом тексте на гире выправировано слово 信 (краткое название добросовестности), которое перекликается с фразой 以信为砝 Добросовестность – гиря жизни. Она означает, что добросовестность – один из оценочных критериев для измерения нравственности человека, и призывает граждан быть честными и заслуживающими доверия.

Заключение

Анализ поликодовых рекламных текстов показывает, что представление социально одобряемой ценности «добросовестность» осуществляется рядом приемов, из которых доминирующими являются следующие.

1. Привлечение древней китайской символики, способствующее не только актуализации традиционных культурных ценностей, но и развитию представлений о древности этноса, его устойчивости, стабильности в морально-этическом плане, что составляет фундамент для внедрения в сознание масс определенных этнических и в целом культурных стереотипов.

2. Вариативное воспроизведение древнейших традиционных символов, способствующее быстрой их актуализации при восприятии рекламы.

3. Использование специфической структуры иероглифов для редупликации содержания ценности, способствующее операциональности ее восприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Пищальникова В. А.* [и др.]. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / В. А. Пищальникова, О. В. Дубкова, Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. М.: Р. Валент, 2020. [Pishchal'nikova, V. A. et al. (2020). Kartina mira kitajcev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya. (Chinese Image of the World: Theory and Practice of Research). Moscow: R. Valent. (In Russ.)].
- Крупнов Р. В.* Социальная реклама как инструмент управления социальными процессами: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. [Krupnov, R. V. (2006). Social'naya reklama kak instrument upravleniya social'nymi processami (Social Advertising as a Tool for Managing Social Processes): thesis of PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)].

- Москвина И. К. Понятие «Культурная ценность»: философско-культурологические аспекты // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2015. Т. 210. С. 237–245. [Moskvina, I. K. (2015). Ponyatie «Kul'turnaya cennost'»: filosofsko-kul'turologicheskie aspekty (The Concept of “Cultural Value”: Philosophical and Cultural Aspects). *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* (pp. 237–245). Vol. 210. (In Russ.)].
- Пищальникова В. А., Пэй Цайся. Антикоррупционная реклама как поликодовый текст // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4 (833). С. 80–90. [Pishchal'nikova, V. A., Pei Cajsya (2020). Anticorruption Advertisements as Polycode texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities,* 4 (833), 80–90. (In Russ.)].
- Солодовникова А. Н. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. [Solodovnikova, A. N. (2013). *Sovremennaya social'naya reklama: sposoby vozdeystviya na adresata* (Modern Social Advertising: Ways to Influence the Recipient): thesis of PhD in Philology. Saratov. (In Russ.)].
- 李光庭(清). 乡言解颐吴下谚联[M]. 中华书局. 1982. [Li Guangting (1982). (Qing Dynasty). Moscow: ZHONGHUA Book Company. (In Chinese)].
- 罗竹风. 汉语大词典[M]. 汉语大词典出版社. 2001. [Luo Zhufeng (2001). (Chinese Dictionary). Moscow: Chinese Dictionary Publishing House. (In Chinese)].

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 2 (844)	Issue 2 (844)

Ответственный за выпуск 2 (844)
доктор филологических наук доцент *Н. Н. Германова*

Редакторы:
Н. Г. Павлова, М. М. Сингал

Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 03.06.2021
Усл. печ. л. 17,9. Формат 60х90/16
Заказ № 34/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и/или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна